

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Хо Сяоцзюнь

**Орнитологический код культуры в русской паремиологической
картине мира: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского
языка)**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Якименко Надежда Егоровна
кандидат педагогических наук, доцент

Санкт-Петербург — 2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОГО КОДА НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ	13
1.1. Лингвокультурологическое направление в науке: цели и задачи.....	13
1.1.1. Паремиологическая картина мира как проявление национально- специфичного сознания	13
1.1.2. Коды культуры в русской языковой картине мира	21
1.1.3. Стереотипы, символы и установки культуры как элементы содержания паремий.....	27
1.1.4. Феномен «лакуна» в лингвокультурологии.....	36
1.2. Лингвокультурологическое направление в исследовании русских и китайских паремий.....	40
1.2.1. Соотношение терминов «пословица», «поговорка», «паремия» в русском языке.....	40
1.2.2. Соотношение устойчивых языковых единиц в китайском языке...	45
1.2.3. Лингвокультурологический аспект изучения паремий	49
1.3. Особенности термина <i>орнитоним</i> в русском и китайском языках	52
1.4. Принципы построения словарей и словарной статьи лингвокультурологического типа.	57
Выводы	61
ГЛАВА 2. ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)	64
2.1. Состав и классификация материала.....	64
2.2. Лингвокультурологический анализ паремий, не совпадающих по номинативной плотности компонента-орнитонима в двух языках	69
2.3. Лингвокультурологический анализ паремий с нулевой номинативной плотностью орнитонимов в одном из языков.....	99

2.4. Лингвокультурологический анализ паремий, совпадающих по номинативной плотности компонента-орнитонима.....	117
2.5. Структура статьи учебного лингвокультурологического русско-китайского словаря паремий	152
Выводы	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	160
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ	176
СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	179
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	181
Приложение 1. Список проанализированных русских паремий.....	181
Приложение 2. Список проанализированных китайских паремий	190
Приложение 3. Таблица № 5. Соотношение установок культуры в паремиях с компонентом-орнитонимом в русской и китайской лингвокультурах.....	199
Приложение 4. Таблица № 6. Стереотипные представления о птицах в русском и китайском языковом сознании	203
Приложение 5. Образцы словарных статей учебного лингвокультурологического словаря.....	205

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена лингвокультурологическому изучению русских паремий с компонентом-орнитонимом на фоне китайского языка.

Проблема национально-культурной специфики паремиологической семантики лежит в русле лингвокультурологии, изучающей особенности национальной культуры и менталитета в их языковой реализации. В XX веке национально-культурная проблематика когнитивной семантики оказалась в центре внимания Н. Ф. Алефиренко, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Ю. Н. Караулова, Ю. Е. Прохорова, А. Т. Хроленко, Е. М. Верещагина, В. Н. Телия, В. В. Воробьева, В. А. Масловой, Е. И. Зиновьевой и других учёных.

Национальные особенности паремиологического значения наиболее полно выявляются при сопоставительном изучении паремиологических групп в разных языках. Выявление семантических сходств и различий паремий имеет большое значение для лингвокультурологического описания и преподавания языка, адекватного перевода, нахождения источников потенциальных ошибок и преодоления межъязыковой интерференции. В фокусе такого сопоставления оказываются не только и не столько собственно значения языковых единиц, сколько соответствующие факторы лингвокультуры.

Появление многочисленных исследований в области национально-культурного менталитета, вызвано взаимовлиянием культур в условиях глобализации. Межъязыковые контакты, с одной стороны, и межэтнические конфликты, с другой, выдвинули на передний план феномен национально-культурной специфики языкового сознания, факт уникальности и неповторимости «образа мира», присущего данному народу, его этнической обусловленности [Кутьева 2009: 3].

Ученые рассматривают язык как путь проникновения в ментальность нации. Особую роль играют слова, описывающие мир природы. Птицы как неотъемлемая часть мира природы, их названия (**орнитонимы**) стали воплощением национально-культурных особенностей мышления,

концептуально важной и эмоционально нагруженной частью языковой картины мира [Кутьева 2009: 3-4]. Пронизывая едва ли не все сферы жизни, орнитонимы интересуют лингвистов, лингвокультурологов, литературоведов: см., например, такие работы, как: Н.Д. Пименова 2002; О.Б. Симакова 2004; В.В. Сибул 2007; М.В. Кутьева 2009; Н.Ю. Костина 2012; Т.Н. Сивкова, Нгуен Тхи Иен 2015; У Хань 2015; А.В. Москаленко 2015; Е.И. Зиновьева 2012, 2016; С.В. Костылёва 2016; Лан Лиин, Т.Н. Сивкова 2016; Л.Р. Сакаева 2017; Бичер Омер 2018 и др.

В настоящей работе проанализированы национально-культурные особенности паремий с компонентом - орнитонимом в русском языке на фоне китайского языка. На материале паремий указанная тема на уровне диссертационных и монографических исследований ранее не рассматривалась.

Орнитоним – это «номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц» [Симакова 2004: 8]. В основе термина лежат греческие слова – *птица* и *название*. Орнитонимы как разряд существительных включают в свою семантическую структуру, кроме номинативного значения, значение, основанное на метафорическом переносе и имеющее в качестве дифференциальной семы сему характеристики человека.

Паремии с компонентом-орнитонимом дают богатый материал для исследований в русской и китайской лингвокультурах. В качестве компонента паремии орнитонимы способны отражать национальные и интернациональные особенности языковой картины мира, становиться объектом лингвокультурологического описания.

Актуальность диссертационной работы обусловлена частотностью паремий с компонентом-орнитонимом в любом языке, в художественной литературе, публицистике, их явной национально-культурной семантикой и трудностью усвоения иностранцами.

Паремии с компонентом-орнитонимом содержат большой пласт лингвокультурологической информации, которая пока не описана в учебных словарях с точки зрения лакуарности относительно русского языка, представляет трудности для переводчиков не только русских, но и китайских. Представляется, что детальное лингвокультурологическое исследование объемного корпуса русских паремий с компонентом-орнитонимом станет базой для создания модели учебного лингвокультурологического словаря, который может оказаться полезным пособием для иностранцев, изучающих русский язык.

Цель исследования: лингвокультурологическое описание русских паремий с компонентом-орнитонимом на фоне китайского языка, выявление лингвокультурологического потенциала этих единиц для определения объема информации, необходимой для представления в учебном словаре лингвокультурологического типа.

Задачи исследования:

1. Разработать теоретическую базу исследования на основе анализа научной литературы по основным затрагиваемым проблемам.
2. Отобрать русские и китайские паремии с компонентом-орнитонимом из словарей русского и китайского языков.
3. Провести лингвокультурологический анализ наиболее объемной группы русских паремий с компонентом-орнитонимом на фоне китайского языка.
4. Выявить семантику русских паремий на фоне китайских аналогов.
5. Выявить сходства и различия в рассматриваемом фрагменте языковых картин мира двух языков.
6. Разработать структуру и содержание словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря паремий с компонентом-орнитонимом учитывающим лакуны контактирующих языков.

Объект исследования – русские и китайские паремии с компонентом-орнитонимом.

Предмет исследования: лингвокультурологический потенциал исследуемых паремий.

Материалом исследования послужили данные существующих словарей паремий русского языка, авторские картотеки: данные картотек извлечены путем сплошной выборки из двуязычных словарей, словарей русских пословиц и поговорок, словарей фразеологии, словарей пословиц русского народа и словарей китайских яньюй; текстовый материал «Национального корпуса русского языка» [<http://www.ruscorpora.ru>] и данные интернет-источников.

Методы и приёмы исследования. Для реализации поставленных задач в диссертации были использованы следующие методы и приемы исследования: приём сплошной выборки из сборников паремий, применяемый для определения корпуса паремий с компонентом-орнитонимом в русском и китайском языках: сопоставительный метод, способствующий выявлению универсального и национально-специфичного в языках и культурах; описательный метод, метод лингвокультурологического анализа; прием направленной выборки иллюстративного материала из «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и других Интернет-ресурсов; прием анкетирования; приемы количественных подсчетов и стилистической характеристики.

Научная новизна работы определяется, во-первых, характером и объемом исследуемого материала: впервые к рассмотрению привлекается массив русских паремий с компонентом-орнитонимом, выделенный на основе **номинативной плотности** паремий в двух рассматриваемых языках, во-вторых, впервые с помощью комплексного подхода исследованы паремии русского языка с компонентом-орнитонимом методом описания **лингвокультурологических лакун**; в-третьих, в дифференциации лингвокультурных характеристик, выраженных в установках культуры в

русской и китайской языковой картине мира; а также в разработке структуры и содержания словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря паремий с компонентом-орнитонимом, ориентированного на китайских учащихся.

Теоретико-методологические основы исследования составили труды:

– работы в области лингвокультурологии: Ю.Д. Апресян 1986, 1995; В.Н. Телия 1986, 1999, 2005, 2006; В.И. Карасик 1996, 2002; В.В. Красных 2002, 2006 2013; В.В. Колесов 2004, 2006; В.А. Маслова 2001, 2004, 2021; А.А. Зализняк 2006; М.А. Шими́на 2007; Н.А. Забелина 2007; Ю.Е. Прохоров 2008; О.Н. Натхо 2008; А.Д. Шмелев 2009; Е.И. Зиновьева 2013, 2016; М.А. Серегина 2012 2013; В.С. Соседова 2013; Т.Б. Радбиль 2016; М.Л. Ковшова 2016, 2018 и др.

– работы, посвященные изучению русских и китайских паремий: В.В. Виноградов 1977, 1987; В.И. Даль 1989; В.П. Жуков 1991; Г.Л. Пермяков 1968, 1979, 1988; Н.М. Шанский 1996, 2012; Л.Б. Савенкова 2002; В.М. Мокиенко 2005, 2010, 2013; А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский 2008, 2014; Н.Н. Семененко 2005; Е.И. Селиверстова 2017; Яо Сиюань 1998; Ло Нуаянь 2000; Ма Гофан 1959; Ма Гофан, У Сюэхэн 2001; Вэнь Дуаньчжэн 2005 и др.

– работы, посвященные проблемам лингвокультурологического описания паремий: Н.Н. Семененко 2002; М.Л. Ковшова 2016, 2019; Омер Бичер 2016; В.Л. Боктаева 2016; М.А. Гасанова, Н.А. Салимгереева 2021; Е.И. Зиновьева 2012, 2016 и др.

– работы в области изучения орнитонимов: О.Б. Симакова 2004, И.В. Муравьев 2006, М.В. Кутьева 2009, Л.В. Амелина 2010, Чжан Дэцзу 1996, Ван Лэй, Мэн Ли, Чжао Шие 2008 и др.

Гипотеза предпринимаемого диссертационного исследования заключается в том, что использование различных приемов лингвокультурологического анализа, учет номинативной плотности при сравнении русских паремий с их китайскими аналогами, позволит выявить черты сходства и различия, а также лакунарные области в представлениях о

жизни человека в русском и китайском наивном языковом сознании, позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне стереотипов, образов и символов двух культур, сделать выводы о некоторых специфических чертах русской ментальности.

Теоретическая значимость заключается в разработке лингвокультурологического комментария, опирающегося на соотнесенность паремиологических единиц с кодами культуры, на описание аксиологического вектора паремий; в разработке алгоритма лингвокультурологического анализа русских паремий, на фоне их аналогов в китайском языке; в выделении ментальных установок культуры, вербализованных паремиями изучаемого фрагмента русской языковой картины мира; в создании модели словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий, учитывающей предварительный лингвокультурологический анализ; в определении «культурно содержательных» лексем, позволяющие описывать «знаки языка на «языке» культуры».

Полученные результаты могут внести вклад в дальнейшую разработку теоретических вопросов сопоставительного исследования русского и китайского языков, в теории учебной паремиографии, лингвокультурологии, переводоведении и межкультурной коммуникации.

Практическая значимость исследования: результаты работы могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному в китайской аудитории, при составлении учебников и учебных пособий по лингвокультурологии, а также при подготовке спецкурсов по лексикологии, паремиологии, межкультурной коммуникации и лингвокультурологии, при составлении словарей.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Номинативная плотность наиболее крупных объединений паремий с компонентом-орнитонимом указывает на особую значимость их в русской и в китайской языковой картине мира.

2. В первую очередь внимание при составлении учебных лингвокультурологических словарей должно уделяться лакунам, как очевидным факторам, нарушающим коммуникацию.

3. Сопоставление единиц с большой (и равной в двух языках) номинативной плотностью заслуживают не меньшего внимания, поскольку они отображают процесс закрепления в культуре национальных символов и стереотипов, которые в силу различий в историческом, мифологическом и религиозном развитии, не совпадают у русского и китайского народов.

4. Под номинативной плотностью паремий следует понимать блок единиц с одним и тем же главным компонентом (в нашем случае – орнитонимом), который способен продуцировать различные ментальные установки культуры.

5. Русские и китайские паремии с компонентом-орнитонимом имеют как существенные типологические сходства, так и отличия, они аккумулируют и сохраняют основные наиболее устойчивые культурные представления, свойственные носителям того или иного языка.

6. Сопоставление паремийного материала одного языка на фоне другого, но типологически отличного, позволяет выявить универсальность отдельных представлений, объясняемых близким видением мира носителями разных языков и культур, и, с другой стороны, ощутимые национально-окрашенные особенности, обусловленные спецификой истории, культуры, ментальности, традиций.

7. В связи с различиями в истории, философии и религии двух народов ментальные установки культуры, отраженные в русских и китайских паремиях с компонентом-орнитонимом имеют больше различий, чем сходств.

8. Различия проявляются не только в наличии / отсутствии паремий, вербализующих одну ментальную установку культуры, но и в количестве участвующих в этом единиц, т.е. номинативной плотностью.

9. Утрата одного из когнитивных признаков концепта может привести к смене аксиологического вектора орнитонима.

10. Выявление и описание мифологической составляющей концепта способствует реконструкции национальных стереотипов восприятия орнитонимов.

Апробация результатов исследования: основные положения работы обсуждались на аспирантском семинаре при кафедре русского языка ка иностранного и методики его преподавания (2019 г., 2020 г., 2021 г.), были представлены в виде докладов на научно-методических и научно-практических конференциях:

- II Межвузовская научно-методическая конференция. Русский язык в полиэтническом образовательном пространстве военного вуза. СПб.: ВАС, 2019;
- XXV международная научно-методическая конференция. Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин. СПб.: СПбГУПТД, 2020;
- XXVI международная научно-методическая конференция. Проблемы преподавания филологических дисциплин в новых образовательных условиях. СПб.: СПбГУПТД, 2021;
- XV международная научно-практическая конференция. Профессиональное лингвообразование. Нижний Новгород: НИУ РАНХиГС, 2021;
- III Межвузовская научно-методическая конференция. СПб.: ВАС, 2021;
- Международная научно-практическая конференция. Ростов-на-Дону: Издательство ВВМ, 2021;
- Научно-практическая конференция с международным участием. Элиста: КалмГУ, 2021;
- Международный научный конгресс «Русский язык в глобальном научном и образовательном пространстве». М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2021;
- XXVII международная научно-методическая конференция. Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе. СПб.: СПбГУПТД, 2022.

По теме диссертации опубликовано 14 статей, из них в журналах, входящих в список ВАК РФ – 4.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений. Во введении определены актуальность, объект и предмет, гипотеза, цель, задачи, методы исследования, материал исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава посвящена теоретическим основам исследования. В ней рассматриваются общие теоретические вопросы, связанные с антропоцентрической парадигмой, лингвокультурологическим направлением в современной науке, базовыми понятиями лингвокультурологии, проблемой в русском и китайском языкознании понятий «пословица», «поговорка», «паремия».

Во второй главе основное внимание уделяется лингвокультурологическому анализу отдельных разрядов русских паремий с различной номинативной плотностью. Дается общая характеристика и классификация исследуемого материала, выделены три наиболее объёмные группы паремий, предлагается алгоритм лингвокультурологического анализа паремий с компонентом-орнитонимом, предлагается структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря.

В заключении представлены результаты исследования.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОРНИТОЛОГИЧЕСКОГО КОДА НА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ

1.1. Лингвокультурологическое направление в науке: цели и задачи

1.1.1. Паремиологическая картина мира как проявление национально-специфичного сознания

В последнее время лингвокультурология как самостоятельная научная дисциплина оказалась в центре внимания таких российских учёных, как В.Н. Телия, В.В. Воробьева, В.В. Красных, В.А. Маслова, Е.И. Зиновьева, Н.А. Алефиренко, М.Л. Ковшова и других исследователей. В Китае понятие «лингвокультурология (文化语言学)» впервые предложили учёные Ю Жунцзе (游汝杰) и Чжоу Чжэньхэ (周振鹤) в 1985 году. Позже к ним присоединились: Чэнь Цзяньмин (陈建民), Шэнь Сяолун (申小龙), Син Фуи (邢福义), Дай Чжаомин (戴昭铭), Ху Юйшу (胡裕树) и другие учёные.

Существует большое количество дефиниций понятия **лингвокультурология**. Вслед за Е.И. Зиновьевой, в данной работе под лингвокультурологией понимается «лингвистическая филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса. Это должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» [Зиновьева 2016а: 12].

Целью лингвокультурологии является «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц» [Абыякая 2004: 43-44]. **Задачи** данной науки заключаются в том, чтобы выяснить, «1) как культура участвует в образовании языковых концептов; 2) к какой части значения языкового знака прикрепляются “культурные смыслы”; 3) осознаются ли эти смыслы говорящим и слушающим и как они влияют на

речевые стратегии; 4) существует ли в реальности культурно-языковая компетенция носителя языка, на основании которой воплощаются в текстах и распознаются носителями языка культурные смыслы» [Маслова 2001: 31].

Объект лингвокультурологии – это «язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка» [Красных 2002: 12], а **предмет** данной дисциплины – исследования «единиц языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре» [Маслова 2001: 36].

Одним из базовых понятий лингвокультурологии является языковая картина мира.

Понятие «**картина мира**» (КМ) сначала появилось в исследованиях физика Г. Герца (1914 г.) в конце XIX - начале XX в. Впоследствии этот термин стал широко использоваться в рамках гуманитарных наук. Примерно с 1960-х годов его начали активно применять в языкознании.

Картина мира – сложное явление, которое возникает на основании познания человеком мира, состоящего из объекта, субъекта и результата деятельности познания. Свое определение термина КМ предлагает «Словарь культуры XX века» В.П. Руднева: КМ – это «система интуитивных представлений о реальности» [Руднев 1999: 127]. В.А. Маслова рассматривает КМ как «одно из фундаментальных понятий, описывающих человеческое бытие» [Маслова 2004: 47].

Современные ученые стремятся осмыслить понятие КМ глобально и детально, они рассматривают множество различных КМ: концептуальную, религиозную, философскую и другие. Но любой КМ предшествует языковая картина, так как «язык – основной и главный элемент, способный выразить особенности народной ментальности» [Колесов 2004: 15]. Язык является важнейшим способом формирования и существования знаний человека о мире, в языке зафиксирован склад мышления, поэтому в лингвистике наряду с понятием КМ активно функционирует понятие «**языковая картина мира**» (ЯКМ).

Большой вклад в развитие представления о понятии ЯКМ внес академик РАН Ю.Д. Апресян. Подчеркивая донаучный характер ЯКМ, он называет ЯКМ наивной [Апресян 1995а: 6-7]. Согласно Ю.Д. Апресяну, «Языковые значения связаны с фактами действительности не прямо, а через отсылки к определенным деталям наивной модели мира, как она представлена в данном языке. В результате появляется основа для выявления универсальных и национально своеобразных черт в семантике естественных языков, вскрываются некоторые фундаментальные принципы формирования языковых значений, обнаруживается глубокая общность фактов, которые раньше представлялись разрозненными» [Апресян 1986: 5-6].

Различают наивную и научную картину мира: различия в них обусловлены тем, что языковая картина мира отражает обыденное сознание, а научная картина мира опирается на научные факты. В статье Ю.Д. Апресяна «Образ человека по данным языка: попытка системного описания» рассматривается общая идея “наивной”, или ЯКМ, предлагается реконструкция образа человека как важнейшего ее фрагмента и дается более подробный разбор эмоциональной сферы человека [Апресян 1995б: 37-67].

По словам В.В. Красных, ЯКМ предстаёт как «сложно устроенное семантическое пространство» [Красных 2013а: 136] и как «феномен лингвистический, к которому в силу этого применимы собственно лингвистические, в первую очередь – семантические методы исследования» [там же]. Определений ЯКМ насчитывается более 50, но до сих пор не существует единого представления об этом понятии, и даже существует мнение, что выражение «языковая картина мира» не терминологично, оно употребляется как метафора [Воротников 2006: 88].

Понятие ЯКМ определяется З.М. Волоцкой и А.В. Головачевой следующим образом: «отражение в языке, в языковых категориях представлений о мире, осуществляемое человеческим менталитетом данного языкового коллектива» [Волоцкая, Головачева 1995: 218]. Под менталитетом в широком смысле понимается «вся духовная оснащенность человека и

общества, их традиции, ритуалы и т.д.» [Шими́на 2007: 115]. При узком понимании менталитет определяется как «устойчивый склад ума, как понятие, близкое к немецкому *Weltanschauung* “мировидение”» [Ревель 1993: 51]. Согласно исследованиям В.В. Колесова, «в узком смысле менталитет – это прежде всего язык, слова» [Колесов 2006: 3]. Иными словами, язык является самым основным и важным средством постижения менталитета его носителей. Менталитет отражает культурную сторону восприятия мира, а ЯКМ – лингвокультурную сторону [Соседова 2013: 275].

А.А. Зализняк утверждает, что ЯКМ – это «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка <...>, которые складываются в некую единую систему взглядов или предписаний» [Зализняк 2006: 206-207].

Профессор МГУ А.А. Джигоева дает такое определение ЯКМ: «Исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Джигоева 2006: 45].

Анализируя приведённые выше определения, можно сказать, что при определении ЯКМ ученые выделяют главным образом две основные составляющие: **образ, отражающий мир, и язык, который его изображает.**

По мнению О.А. Корнилова, любое толкование понятия ЯКМ не может претендовать на абсолютную правильность, так как «это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач. Это – своего рода орудие» [Корнилов 2003: 4].

С точки зрения лингвокультурологии, О.А. Корнилов рассматривает ЯКМ как «вербализованную систему матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира, формирующий и предопределяющий национальный характер» [там же: 81], т.е. ЯКМ является отражением национального менталитета. Под национальной языковой картиной мира (НЯКМ) учёный понимает результат «отражения коллективным сознанием

этноса внешнего мира в процессе своего исторического развития, включающего познание этого мира. Внешний мир и сознание – вот два фактора, которые порождают языковую картину мира любого национального языка» [там же: 144].

КМ сложилась в «сложную систему образов, отражающих действительность в коллективном сознании» [Карасик 2002: 74]. У каждого народа есть своеобразная НЯКМ. А.Д. Шмелев полагает, что ЯКМ некоторого языка «представляет собою систему презумпций, входящих в значение языковых единиц данного языка» [Шмелев 2009: 15]. Язык задает носителям определенную «картину мира, или семантическую вселенную». Мысли носителей одного языка уникальны, неповторимы, носители другого языка могут воспринимать их как непонятные, чужеродные в виду отсутствия подобного рода мышления в родном языке [Опарина 2004: 27].

ЯКМ основывается на системе ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей. В книге А.А. Зализняка, И. Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» выделяются такие ключевые слова, как *душа, счастье, любовь, дружба, судьба, тоска, разлука, справедливость, попрек* и др. Все такие слова могут быть названы ключевыми концептами для русской языковой картины, они являются «лингвоспецифичными – в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках» [Зализняк, Левонтиной, Шмелева 2005: 10]. Авторы указанной книги также обобщают следующие ключевые идеи или сквозные мотивы для русской картины мира и перечисляют их отражения в языке:

- 1) Идея непредсказуемости мира (*на всякий случай, авось*).
- 2) Представление, что главное – это собраться что-либо сделать (*собираться, заодно*).
- 3) Представление о том, что для того, чтобы человеку было хорошо внутри, ему нужно большое пространство снаружи. Но в то же время, если это пространство необжитое, то это также может вызвать внутренний дискомфорт (*удаль, воля, широта души, добираться*).

- 4) Внимание к нюансам человеческих отношений (*общение, родной*).
- 5) Идея справедливости (*справедливость, правда*).
- 6) Оппозиция «высокое – низкое» (*истина – правда, добро – благо*).
- 7) Идея, что хорошо, когда другие знают, что чувствует человек (*искренний, хохотать*).
- 8) Идея, что плохо, когда человек действует из соображений практической выгоды (*расчетливый, удаль*) [там же: 11].

Один язык может быть основой для сосуществования множества разных культурно-языковых картин мира (конфессиональных, политических) [Никитина 2009: 21]. Естественно, на русскую ЯКМ в основном повлияли христианская картина мира и языческие представления, которые находят своё отражение в русских фразеологизмах, пословицах, поговорках и т.д. Значит, мифологемы, архетипы, ритуалы, получившие вербализацию в форме фразеологизмов и паремий, это тоже часть ЯКМ.

Паремиологический фонд языка – это «совокупность разновременных и разнотерриториальных по происхождению и различных по степени востребованности в современном дискурсе народных изречений» [Семененко 2002: 166]. Паремиологический фонд языка образует **паремиологическую картину мира** (ПКМ), которая складывается под действием двух ключевых факторов – культурологического и лингвистического [Натхо 2008: 38]. В основе модели данной КМ лежат «категории, представляющие внеязыковую действительность в виде содержательных дискретных сущностей: для когнитивной модели это когнитивные (понятийные) категории, а для языковой модели – семантические модели языка» [там же]. ПКМ представляет собой «когнитивно-психологическую реальность, обнаруживающуюся в мыслительной, познавательной деятельности народа, в его физическом и вербальном поведении» [Серегина 2012: 53].

ПКМ рассматривается как инвариантная часть ЯКМ и описывается средствами паремий. Данная КМ содержит особые черты, которые отражаются во внутренней форме паремий. По причине того, что во многих

паремиях отражается коллективистская ориентация поведения человека, ПКМ любого языка основана на образном мировидении, которое формируется при коллективном многовековом исследовании и преобразовании окружающей среды человечеством. Кроме того, в паремиях хранятся архаичные знания о мире и человеке, ПКМ воссоздает КМ в сфере повседневно-бытового общения, в ней отражаются культурно-исторический опыт народа, следовательно, такая КМ наиболее близка к “наивной”.

ПКМ хотя и является важной частью ЯКМ, у нее есть и уникальные особенности. Отличие ПКМ от ЯКМ заключается в том, что языковая картина мира отражает объективную реальность в зависимости от восприятия её человеком, а паремиологическая картина мира рассматривает действительность в связи с отношением человека к ней, данной им оценкой [Серегина 2012: 54]. ПКМ формируется как результат разноаспектного отношения социума к объекту познания [там же].

По мнению Ф.Г. Фаткуллиной, фразеологическая картина мира обладает следующими основными отличительными признаками: универсальность, антропоцентризм, экспрессивность [Фаткуллина 2002: 224], и эти признаки также относятся к ПКМ.

Универсальность ПКМ отражается во многих аспектах. Во-первых, паремиологические единицы существуют в каждом языке. Во-вторых, в разных языках есть тождественные или сходные паремиологические модели или пословицы с одним значением. Приведем в качестве примера две пословицы из нашего исследования:

рус.: *Ворон ворону глаз не выклюет.*

кит.: *乌鸦不啄乌鸦眼 – Ворона не клюёт глаз вороны.*

Антропоцентризм. С недавних пор язык стал восприниматься как антропоориентированный феномен. Центр ПКМ любого языка – человек.

В ЯКМ каждого народа зоонимы являются очень распространённым явлением. Это объясняет наличие в русской и других ЯКМ базовой метафоры «человек – это животное/зверь» [Маругина 2009: 14]. В первую очередь

необходимо обратить внимание на область описания, которая образована словами, чаще других встречающихся в метафорических выражениях. Таким образом можно будет выделить главные семантические характеристики данных слов, установить более широкий круг символических значений, выделить неожиданные и контрастные семантические сочетания, проявляющиеся в национально-культурном сознании носителей языка [там же: 15].

Экспрессивность. ПКМ является аксиологической моделью мира, «в когнитивной структуре которой находят экспликацию совокупные доминантные черты лингвокультурного сообщества» [Серегина 2012: 55]. В каждой лингвокультуре можно выделить определённый набор ценностей, обуславливающих этический тип оценок паремиологической картины мира, а также совокупность предпочтений носителей языка, сформированных под влиянием практической целосообразности, что проявляется в виде рационалистического типа оценок ПКМ [там же]. Аксиологические характеристики напрямую влияют на формирование культурных коннотаций [Карасик 1996: 3].

Согласно мнению Л.Ю. Буяновой, в паремиях содержат денотативную, оценочную, мотивационную, эмотивно-оценочную и стилистическую информацию. Как уникальный когнитивно-аксиологический сложный знак, паремия (пословица и поговорка) «осуществляет функцию национальной культуры, максимально однозначно и семантически адекватно актуализирующей тот или иной фрагмент русской языковой картины мира» [Буянова 2014: 60-62].

Н.Ф. Алефиренко и Н.Н. Семененко связывают пословичную картину мира «с той частью национальной концептосферы, которая представляет базовые культурные ценности» [Алефиренко, Семененко 2009: 312]. По их мнению, изучение паремий с точки зрения ценностного подхода позволяет определить, какие процессы осмысления и переоценки некоторых категорий

действительности легли в основу «ценностной» КМ русского человека [там же].

ПКМ варьируется от языка к языку, она представляет собой совокупность знаний о мире, запечатленных в паремии, которые выступают как интерпретационное поле национальных культурных концептов. В данном исследовании мы рассмотрим репрезентации орнитонимов в ПКМ русского и китайского языков.

1.1.2. Коды культуры в русской языковой картине мира

При изучении понятия **коды культуры** (КК) необходимо в первую очередь обратить внимание на термин **код**, которое пришло в лингвистику из семиотики – науки, исследующей свойства знаков и знаковых систем.

Традиционно в лингвистике синонимичными понятиями для кода являются понятия «языковая система» и «язык» [Маслова 2022: 61]. «Переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода, владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия 1996: 227].

Культура может рассматриваться как семиотическая система, в которой синтезируются знаки и смыслы. В культуре вырабатываются и функционируют коды – вторичные знаковые системы, в которых используются разные материальные и формальные средства для кодирования культурных смыслов, соединяющихся в целой КМ, которая раскрывает мировоззрение данного народа и социума. Этим понятие код культуры отличается от кода – главного термина семиотики [Ковшова 2016: 170].

В этнолингвистике и лингвокультурологии понятие «код» тесно связано с понятием «метафора», их соотношение имеет диалектический характер. По мнению Е.Л. Березовича, эквивалентом понятия «код» являются «базовые метафоры», или «сферы отождествления» [Березович 2007: 138]. Разумеется, код по форме может как совпадать с метафорой, так и перерасти её, в основе

кода неизменно лежит метафоричность, он связан с концептами и ценностями культуры [Маслова 2022: 73]. Так что коды культуры «позволяют через подобию, которые постоянно ищет наше сознание, отражая их в основывающемся на метафоре языке, объяснить действительность, привести непонятное и неизведанное к ясному и освоенному <...>» [Гудков, Ковшова 2007: 18].

В последнее время понятие коды культуры (КК) широко используется в этнолингвистике и лингвокультурологии. В лингвокультурологии разработка идеи видения языка сквозь призму кодов культуры берет начало в исследованиях В.Н. Телии (1999, 2005, 2006); В.В. Красных (2002, 2013, 2016); Д.Б. Гудкова, М.Л. Ковшовой (2007, 2009, 2016, 2018) и других учёных.

Существует множество определений понятия «коды культуры», но до сих пор нет единого мнения среди исследователей о том, какое определение можно считать наиболее полным. В современной лингвистике, некоторые ученые отождествляют КК с языковыми символами: КК – «это языковые символы, требующие дешифровки на основании глубокой и всесторонней интерпретации и позволяющие распознать культуру по ее векторам и измерениям» [Мильруд 2012: 129]. По словам ученого, символы в языке могут действовать как метки, ориентиры и КК [там же]. На основе анализа образов птиц и насекомых в переводных произведениях Е.Н. Филимонова предположила, что символика птиц и насекомых составляет так называемые орнитологический и энтомологический коды [Филимонов 2004: 4]. Необходимо отметить, что символом является основная часть описания КК. В качестве КК «может выступать почти любая чувственно воспринимаемая часть действительности, которая получает символическое содержание, например: растения и животные» [Маслова 2022: 61].

В лингвокультурологии наиболее признанным и распространенным является определение, приведенное В.В. Красных, которая под КК понимает «сетку», «которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2002: 232].

КК «образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры» [там же: 257]. Они соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека [там же: 232], которые часто выражаются с помощью фразеологизмов, пословиц, поговорок, народных примет и других устойчивых выражений. Сознание человека во всех его проявлениях находит отражение в языке, туда также включены коллективные представления как часть архаического мышления. Такие структуры сознания определяются эмоциональной насыщенностью, интенсивностью переживания [Маслова 2022: 63]. Иными словами, кумулятивно-преемственный характер сознания хранит в своей окультуренной коллективной памяти коды культуры и смысл образующих их таксонов [Телия 1999б: 21]. В связи с этим, В.Н. Телия под КК понимает «таксономический субстрат ее текстов. Этот субстрат представляет собой ту или иную совокупность окультуренных представлений о картине мира некоторого социума – о входящих в нее природных объектах, артефактах, явлениях, выделяемых в ней действиях и событиях, ментофактах и присущих этим сущностям их пространственно-временных или качественно-количественных измерений» [там же: 20-21].

Французский философ Р. Барт высказал ту же точку зрения, он определяет КК как «сгустки культурного опыта коллектива, фрагменты памяти культуры, культурные тенденции или мотивы, культурные прецеденты, приобретшие сконцентрированный, парадигматический и иконический характер и, как следствие, ставшие знаковыми системами, служащие моделями для осмысления явления культуры, природы и бытия в целом» [Барт 1994: 284].

КК – универсальное явление, свойственное человеку разумному. Однако именно от конкретной культуры зависит то, как эти коды проявляются, какие ценности они отражают, а также какие метафоры станут полем их реализации [Красных 2002: 232]. Можно сказать, что КК существуют во всех культурах, но в тоже время они отличаются национальным своеобразием.

Культура – это «особый тип знания, отражающий сведения о рефлексивном самопознании человека в системе его жизненных практик» [Телия 1999б: 18], поэтому КК рассматриваются как «те источники окультуренного мировидения (живые существа, артефакты, ментефакты), которые явились предметами культурного осмысления и оценивания в контексте культуры и которые служат своего рода "обозначаемыми" собственно культурных знаков, которые и лежат в основе тропеического осмысления языковых сущностей, представляя собой "подоснову" культурной интерпретации явленного в языковой оболочке языкового образа» [Телия 2005: 38].

М.Л. Ковшова отмечает, что КК представляет собой систему знаков материального мира, которые стали носителями культурных смыслов; «в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [Ковшова 2008: 60]. По её мнению, каждый КК является своей семиотической системой, в которой «разные материальные и формальные средства могут использоваться для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [там же].

Как видим, лингвокультурные коды являются национально детерминированными элементами. Культурный код представляет собой иерархию субкодов, которые отражают ценностную систему носителей определённой культуры, способствуют структурированию культурного знания [Маслова 2022: 73].

Исследователями выделяются разные классификации КК:

Е.Л. Березович делит коды на два вида: субстанциональные и концептуальные. Субстанциональные коды объединяются общностью плана выражения, то есть материальной природой знаков (предметный код обряда, цветовая сигнализация и др.). Смысловая общность элементов, которая также может быть представлена материальным выражением (растительный, кулинарный код и др.), обуславливает концептуальные коды [Березович 2007:

340]. В данном исследовании наше внимание будет сосредоточено на концептуальных кодах, которые позволяют «описать концептуализированные области универсальных и наиболее значимых, судя по широте их знаковой презентации, культурных смыслов» [Ковшова 2016: 172].

Н.И. Толстой выделяет три КК: вербальный (словесный – слова), реальный (предметный – предметы, вещи) и акциональный (действенный – действия) [Толстой 1995: 23].

Согласно В.В. Красных существуют такие основные КК:

- 1) Соматический (телесный). В этой группе части тела представлены как символы человека;
- 2) Пространственный. Он связан с членением пространства;
- 3) Временной. Он отражается в членении времени, движении человека по временной оси;
- 4) Предметный. Он связан с предметами окружающего мира;
- 5) Биоморфный. В этой группе отражаются представления человека о растительном, животном и потустороннем мирах;
- 6) Духовный. Он связан с нравственными ценностями, эталонами и базовыми оппозициями культуры («добро – зло») [Красных 2002: 233-257].

По мнению М.Л. Ковшовой, наиболее идеальной для лингвокультурологического исследования является организация культурных знаков в КК по тематическому признаку: “человек” (антропный код), “природа” (природный код), “тело” (телесный или соматический код) [Ковшова 2016: 174], а также “птица” (орнитологический код). КК «тематически объединены на основе свойств и действий самого человека, животного, растительного и т. п. миров, мира предметного (натуральных или сотворенных человеком “вещей”), природно-ландшафтного или духовно-религиозного и под.» [Телия 2006: 13].

В современной лингвокультуре выделяются следующие часто встречающиеся КК, репрезентированные в языке: космогонический (быть на седьмом небе); соматический (третий глаз); пространственный (левый

заработок); количественный (в три ручья); временной (на октябрьские); предметный (гвоздь программы); природно-ландшафтный (лес рук); архитектурный (храм науки); гастрономический (соль земли); обонятельный (запах крови); код одежды (засучив рукава) и др. [Маслова 2022: 66-67]. Разные культуры демонстрируют разную степень присутствия одних и тех же кодов. Тематические КК представляют собой «реалии мира, переосмысленные в эстетических и этических категориях, ставшие носителями культурных идей и тем самым составляющие культурное пространство» [Ковшова 2016: 174].

Зооморфный код (в том числе и орнитологический) как один из самых объемных тем в любом языке все чаще становится предметом научного интереса современных исследований.

Прежде всего, зооморфный код можно рассматривать как совокупность имен животных, соответственно орнитологический код – совокупность имен птиц, но это не совсем точно. Как справедливо отмечает В.В. Красных, код культуры – это «формирующая определенный фрагмент образ мира совокупность ментефактов, связанных с наделенными культурными смыслами феноменами, относящимися к одному типу и/или к одной сфере бытия. Имена последних несут в дополнение к основным значениям, отражающим свойства именуемых феноменов, функционально значимые для культуры смыслы, что обуславливает их функционирование в качестве эталонов, символов и образных оснований метафор и тем самым позволяет рассматривать данные единицы как тела знаков языка культуры, т.е. придает этим именам роль знаков лингвокультуры» [Красных 2013б: 61]. Иными словами, под культурным кодом не стоит понимать простое наименование какого-либо явления действительности, культурный код – это более осознанное сложное понятие, отражающее не только поверхностные характеристики обозначенного феномена, но и обладающее определённой значимостью для данной культуры.

Таким образом, зооморфный код, согласно В.Н. Телии, – это совокупность «представлений о животном мире, номинатемы животных и

других живых существ, обозначающих их как целое или их части и специфические характеристики, дополняющие их природные свойства функционально значимыми для культуры смыслами» [Телия 2006: 54]. Опираясь на идеи В.Н. Телии, под **орнитологическим кодом** в данном исследовании понимается представление о совокупности названий птиц, обладающих добавочными культурно-значимыми смыслами.

В лингвокультурологии в центре внимания находятся «знаки языка как вербальная “часть” кода культуры, как экспоненты закодированных в них культурных смыслов» [Ковшова, Гудков 2018: 41]. М.Л. Ковшова считает, что «культурная интерпретация фразеологизма осуществляется путем референции вербальных культурных знаков (слов-компонентов фразеологизма) к разным по субстанции культурным знакам в рамках тематических кодов культуры с целью обнаружения их корреляции по культурным смыслам» [Ковшова 2016: 176]. Таким образом, для понимания структуры фразеологизма необходимо проследить взаимосвязь вербальной составляющей и культурных смыслов, отражающих аксиологическую архаическую составляющую сознания носителя языка.

Зооморфный и орнитологический код культуры, как составная часть ЯКМ, «закрепляется в лексике, фразеологии, паремиологии и, концептуализируя внешний и внутренний мир человека, способствует выявлению универсальных и национально-специфических особенностей» [Гукетлова 2009: 7]. В данной работе исследуются паремии, компоненты которых интерпретируются в орнитологическом коде культуры, основу описания которых составляют паремийные и лексические символы и стереотипы.

1.1.3. Стереотипы, символы и установки культуры как элементы содержания паремий

В последнее время много внимания уделяется понятию «**символ**» в лингвокультурологии, потому что культурная семантика в основном носит

символический характер. Важность исследования языковых символов заключается в том, что за ними также может скрываться культура, как и за этнографией в общем. Важно, что «за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры» [Мильтруд 2013: 44].

Французский философ П. Рикер понимает под символом «всякую структуру значения, где прямой, первичный, буквальный смысл означает одновременно и другой, косвенный, вторичный, иносказательный смысл, который может быть понят лишь через первый» [Рикер 1993: 315]. Сущность символа проявляется не в обозначении, а «в символическом отношении к реальности, и, тем самым, в преодолении смысловой определенности знака» [Ковшова 2016: 211]. Для лингвокультурологии более значимым является соотнесение символа с содержанием передаваемой им культурной информации.

С точки зрения лингвокультурологии, под символом понимаются «константы, особого рода устойчивые образы, в структуре которых предметный образ и глубинный смысл находятся в тесной взаимосвязи, что предопределяет регулярную воспроизводимость культурного символа» [Ковшова, Гудков 2018: 119].

Символ связан «с идеей некоторого содержания, которое, в свою очередь, служит планом выражения другого, как правило, культурно более ценного, содержания» [Лотман 1987: 11]. В.В. Красных рассматривает символ как культурный квази-предмет, выполняющий формальное замещение предмета или понятия без серьезного смыслового сдвига [Красных 2007: 14].

Согласно В.В. Красных, символы – это «знаки, избранные в процессе мировосприятия и осознания мира для устойчивого, регулярного воплощения в них ценностного содержания культуры, ее основных категорий, ее смыслов» [Ковшова 2016: 211], такие знаки культуры награждены «культурным смыслом – ценностным содержанием, вырабатываемым в культуре – и служат знаковым заместителем данного культурного смысла. Те или иные

разнообразные по субстанции репрезентанты, регулярно замещая культурный символ, также становятся символами» [там же: 229].

Естественный язык также включен в формы символизации мира: «возникнув в культуре и упрочившись в её фактах, символ подвергается вторичной семиотизации – происходит его оязыковление. Оязыковленный символ является вербальным символом культуры, достигает вершины овнешнения своего культурного смысла» [Ковшова, Гудков 2018: 119]. Именно благодаря оязыковленным символам осуществляется мнемоническая функция культуры, различные культурные смыслы расширяются и укрепляются в языке [там же: 119-120].

Понятие «символ» в лингвокультурологии развивается в соотношении с понятием **квазисимвол** или **оязыковленный символ** [Ковшова 2016: 318]. Квазисимвол – это «элемент промежуточной, лингвокультурной системы, порожденной в результате тесного взаимодействия языка и культуры» [Токарев 2020: 5]. Паремии, транслируя в речи тот или иной постоянно воплощенный в знаке культурный смысл, начинают выступать в качестве оязыковленного символа или вербального символа культуры. В связи с этим, паремии развивают функцию символа – знака культуры.

Вместе с термином **символ** учёные часто употребляют понятие **стереотип**. Разница между ними заключается в следующем: «Мы говорим о символах, если та или иная реалия в культуре замещает некоторый смысл, обретает особое, ценностное, содержание. <...> Мы говорим о стереотипах, когда какое-либо действие играет роль образца действий, объединенных общей направленностью, целью, характером и т.п.» [Ковшова 2016: 324].

По словам В.Н. Телии, стереотип как «категория симболярия культуры оставляет в них след в виде устойчиво воспроизводимой по смыслу и форме рефлексивно-интерпретирующей связи с установками культуры и тем самым придает этим выражениям культурно-смысловую емкость» [Телия 1999а: 93].

Стереотип рассматривается Ю.Е. Прохоровым как нормативная социокультурная единица речевого общения представителей определенного

этноса [Прохоров 2008: 98], тем самым, стереотип речевого общения – это «социокультурно маркированная единица ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, реализуемая в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения» [там же].

В.В. Красных отмечает, что стереотип – это «некоторое “представление” фрагмента окружающей действительности, фиксированная ментальная “картинка”, являющаяся результатом отражения в сознании личности “типового” фрагмента реального мира, некий инвариант определенного участка картины мира» [Красных 2002: 177-178]. По мнению В.В. Красных, стереотип может выступать в двух ипостасях: как некоторый сценарий ситуации и как представление, в первом случае под стереотипом понимаются стереотипы-поведения, во втором – стереотипы-представления [Красных 2002: 178].

Стереотипы-поведения обычно хранятся в сознании в виде штампов и функционируют как канон, они выполняют прескриптивную функцию. Стереотипы-представления хранятся в виде клише сознания и выступают в роли эталонов, они выполняют предиктивную функцию, т.е. они могут диктовать не столько само поведение, сколько набор ассоциаций и предопределять языковую форму [Красных 2002: 179-180]. Итак, стереотипное представление – это «устойчивая в национальном языковом сознании “мыслительная картинка”, соответствующая мировосприятию данного фрагмента ЯКМ представителями лингвокультурного сообщества» [Зиновьева, Абыякая 2014: 136].

Стереотипы-представления также можно разделить на две группы: 1) **стереотипы-ситуации**, например, транспорт – билет; 2) **стереотипы-образы** (форма хранения – клише), например, сорока – болтливая [Красных 2002: 179-180]. В нашей работе особое внимание уделяется стереотипам-образам птиц, которые отражаются в поговорках.

В современной лингвистике стереотипы как фрагменты или образы КМ, которые существуют в сознании человека, языковые стереотипы рассматриваются как часть ЯКМ, потому что язык представляет собой своеобразную базу приобретённых человеком знаний об окружающей действительности, язык имеет непосредственную связь с мышлением носителей, является собирателем национальной культуры [Семашко 2014: 178].

При этом языковой стереотип воспринимается как некоторое суждение об объектах действительности, включающее в себя описательные и аксиологические признаки [Алефиренко, Жаркынбекова 2014: 12].

Выше мы упомянули о понятии «квазисимвол» (оязыковленный символ), далее перейдем к квазистереотипам, которые являются своего рода константами ЯКМ, так как через такие квазистереотипы в концептуальной картине появляется обиходно-бытовое понимание мира отдельно взятого языка [Телия 1986: 46]. Стереотип «будучи оязыковленным, “надлежит” над презентирующими его дискретными значениями и формами языковых знаков» [Ковшова, Гудков 2018: 126].

При описании символического компонента в семантике фразеологизмов М.Л. Ковшова касалась понятий **стереотип** и **квазистереотип**, лингвокультуролог определила стереотип как «образец каких-либо действий, принятый в культуре и отраженный в её фактах, в деятельности, в поведении» [Ковшова 2016: 337]. По мнению М.Л. Ковшовой, в случае совпадения отражённых во фразеологизме реалий с фактами культуры, фразеологизм считается стереотипом. Квазистереотип отличается закреплённостью представлений об объекте только за данным фразеологизмом [там же].

В последнее время в лингвокультурологии превалирует тенденция не только комплексного изучения понятия «стереотип», но и детализированное изучение каждого ее компонента. Изучение зооморфных стереотипов является одним из перспективных направлений. Зооморфные стереотипы – это образы, символы-образы, образы эталоны в языке, которые «выступая стимулятором

эмоциональной реакции, являясь основой экспрессивного значения языковой единицы, отражают особенности коллективного сознания народов, т.е. являются этноспецифичными» [Гукетлова 2009: 6].

Среди множества зооморфных стереотипов, естественно, нельзя игнорировать стереотипы о птицах, которые часто проявляются в форме речевого клише, так что основой для изучения стереотипных представлений в разных языках и культурах служат устойчивые выражения, к которым относятся фразеологизмы, пословицы и поговорки.

При определении национально-культурной специфики важную роль играют культурные установки, существующие в каждом языковом социуме. В настоящее время понятие «**установка культуры**» (**УК**) как один из основных терминов лингвокультурологии вызывает интерес у учёных и исследователей. Описание УК встречается в следующих исследованиях лингвокультурологического характера: В.Н. Телия 1999, 2005, 2006; В.А. Маслова 2001; Е.О. Опарина 1999, 2004; И.В. Шалина 2009; Н.Н. Семененко, 2010; М.Л. Ковшова 2012; Ани Рахмат 2013; Е.И. Зиновьева, Пи Цзянькунь 2016; Цао Цзяци 2020 и др.

По мнению В.Н. Телии, «основным стержнем культуры, организующим её в особую часть картины мира, является совокупность её установок» [Телия 1999б: 18]. Исследователь И.В. Шалина отмечает, что система установок «составляет основой стержень культуры. Существенные жизненные ориентиры, вырабатываемые социумом и закрепляемые в нормах, стереотипах поведения, текстах культуры, связываются с ценностями и ценностными ориентациями» [Шалина 2009: 19]. Для носителей социальной культуры такие ориентиры обладают характером «моральных установок по преимуществу и сближаются с понятием деонтической нормы, обычно размытой действием предпочтений в выборе ценностей. По отношению к духовным ценностям эти ориентиры имеют характер нравственных установок, размытость которых имеет своим следствием не нормативную, а личностную или надличностную

абитуализацию, межпоколенно воспроизводимую по традиции» [Телия 2005:8].

Моральные и нравственные ориентиры жизни человека как личности играют роль во всех сферах его социального и духовного бытия. В связи с этим, под УК В.Н. Телия понимает «ментальные образцы, играющие роль прескрипций для социальных и духовных жизненных практик», которые являются результатом непрерывного процесса самопознания человека и продуктом взаимодействия индивидов [Телия 1999б: 18]. УК основаны на формах осознания мира, они помогают человеку разобраться в «достойном / недостойном его отношении к природе, к себе самому как личности (“Я”), к социальному окружению (к “другим”), а также к мистически-духовно воспринимаемым первоначалам всего сущего» [Телия 2006: 776]. Поэтому В.А. Маслова даёт УК такое определение: «это своего рода идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как “достойная/недостойная”» [Маслова 2001: 50].

УК – это определенный уровень обобщения когнитивных смыслов, они «обретая ту или иную знаковую форму, образуют (если воспользоваться метафорой Э. Кассирера) “символическую вселенную, в которой человек и осуществляет свою жизнедеятельность”. Благодаря означиванию эти установки воспроизводятся и транслируются из поколения в поколение, создавая предпосылки для традиционной их преемственности в самосознании социума» [Телия 1999б: 18-19]. Иными словами, УК зависят от осознания человека своей принадлежности к определенной культуре, проникают во все сферы жизнедеятельности человека (искусство, познание, поведение и др.) [Ковшова, Гудков 2018: 131].

УК формируются с самого раннего возраста, но «их принятие как морально-нравственных ориентиров жизнедеятельности во многом зависит от “давления” того микро- или макросоциума, с которым идентифицирует себя личность <...> Выбор и предпочтение тех или иных установок культуры колеблется в зависимости от идентификации личности» [Телия 2006: 776].

Именно постоянно расшатывающие их воспроизводимость индивидуальные или групповые предпочтения вкладывают в культуру динамичность [Телия 1999б: 19]. К тому же, В.Н. Телия заметила, что тип превалирующих в обществе установок оказывает воздействие на развитие культуры [там же].

Языковые единицы включают в себя информацию, «в которой содержатся и элементы ценностных установок, стереотипов, а также хранится национально-культурный опыт как аккумулируемый результат деятельности народа» [Венжинович 2016: 62]. В лингвокультурной общности УК представляют собой духовные и социальные ориентиры, влияющие на восприятие знаков культуры и характер оценочных суждений, а также моделирующие поведение [Опарина 2004: 53].

По словам Е.О. Опариной, культурные установки обычно не проявляются «на поверхности языкового выражения своего дискурса-источника, как это бывает, например, с мифологемами и архетипами: идиомы и устойчивые словосочетания, содержащие данные единицы симболярия культуры в языке, часто включают лексические единицы, по которым они могут быть опознаны, во всяком случае, при достаточной степени культурно-языковой компетенции» [Опарина 2004: 53-54].

УК имеют имплицитные и эксплицитные проявления: имплицитные УК «закрепляются во внутренней форме и семантике, проявляются в выборе и организации языковых единиц и их форм для создания сообщений о мире, для обмена мыслями и чувствами между людьми в различных практиках. К эксплицитным установкам культуры можно отнести прескрипции культуры, зафиксированные в религиозных текстах, в пословицах, в эталонах обиходного опыта установка культуры соотносятся с социальными и духовными ориентирами, формирующимися как результат представлений носителей культуры о нормативной/идеальной жизнедеятельности» [Ковшова, Гудков 2018: 131].

В статье А.П. Василенко «Самобытность русских и французских фразеологизмов в национально-культурном ключе» изложена такая точка

зрения: благодаря тому, что значения фразеологизмов интерпретируются с позиции ценностных установок, которые свойственны менталитету того или иного народа, культурно-национальная специфика проявляется во фразеологии [Василенко 2010: 48]. Автор полагает, что выявить национально-культурную специфику фразеологических единиц можно при помощи поиска и раскрытия специфичных образно-метафорических форм, содержащихся во фразеологизмах, а также при помощи сопоставительного и интроспективного подходов [там же: 51]. Такие приёмы будут применены в нашем лингвокультурологическом исследовании.

Семантика паремий как предмет исследования позволяет не только «наблюдать закономерности отражения культурных реалий в языковой картине мира, но и рассматривать важнейшие ценностные установки культуры, базовые ориентиры этноязыкового сознания, регулирующие развитие и самосохранение этноса» [Семененко 2010: 59-60].

Надо отметить, что «культурно-национальные установки обычно не носят "абсолютного" характера». Это означает, что в рамках одной лингвокультуры сосуществуют иногда противопоставленные друг другу стереотипы [Опарина 1999: 183-187]. Такое явление также часто встречается в паремиях, в частности, противоположные УК можно выделить из пословиц о своём и чужом. Возьмем в качестве примера материалы, которые изучаются в данном исследовании: *Курица соседа выглядит гусыней*. Здесь УК: Зависть превращает всё чужое в самое лучшее. А противоположная УК «своё – самое лучшее» также выражается с помощью этих двух орнитонимов: *Своя курица больше чужого гуся*.

Причиной возникновения противоречивых культурно-национальных установок является то, что стереотипы соотносятся не с целым народом, а отдельными социальными группами, которые могут быть носителями противоположных взглядов на одно явление. Кроме того, картина мира народа изменяется с течением времени, внимание носителей лингвокультуры

привлекают различные аспекты феноменов действительности, что влияет на восприятие мира в целом [там же].

1.1.4. Феномен «лакуна» в лингвокультурологии

Термин **лакуна** (от лат. *Lacuna* – углубление, провал) широко используется во многих гуманитарных науках, однако в данный момент не имеет четкого и однозначного определения.

Отметим, что разграничивается широкое и узкое понимание понятия «лакуна». При узком понимании лакуна определяется как «пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были существовать в языке, если исходить из его отражательной функции <...> и из лексической системы языка» [Гак 1976: 261]. По мнению О.А. Огурцовой, лакуна – это «слово, словосочетание (как свободное, так и фразеологическое), грамматическая категория, бытующие в одном из сопоставляемых языков и не встречающиеся в другом сопоставляемом языке» [Огурцова 1979: 82]. Некоторые ученые называют «безэквивалентной лексикой» пробелы в лексической системе языка [Бархударов 1984: 39-41; Верещагин, Костомаров 1990: 77-86], и употребляют термины «безэквивалентная лексика» и «лакуна» как синонимы [Ермолович 2009: 55].

В широком смысле понятие «лакуна» понимается не только в аспекте языка, но и культуры. И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, перефразировав определение Ю.С. Степанова, рассматривают лакуны как «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры, являющихся способами существования национального сознания» [Марковина, Сорокин 2010: 4]. Т.Ф. Вахитова называет лакунами «лингвоспецифические единицы», проявляющиеся в процессе межкультурного взаимодействия и являющиеся результатом существующих в лингвокультурных сообществах различий. Такие единицы указывают на специфичность языка, а также демонстрируют особенности сознания его носителей [Вахитова 2018: 19].

В данной работе мы рассматриваем термин «лакуна» в широком понимании, в соответствии с которым, согласно Н.Л. Глазачевой, лакуна представляет собой «лингвокультурный феномен, затрудняющий понимание между участниками любого вида коммуникации, в частности, понимание между представителями разных народов в процессе межкультурной коммуникации» [Глазачева 2006а: 246].

Классификации лакун также различны. По В.Г. Гаку, существует два типа лакун:

1) «Отсутствие слов для обозначения понятий, которые, несомненно, существуют в данном обществе и которые имеют особое словесное обозначение в другом языке» [Гак 1976: 261], т.е., межъязыковые (интерлингвистические) лакуны. Например, лакуна в русском языке по сравнению с китайским – это отсутствие слова, эквивалентного китайской лексеме: 斤 *цзинь* – китайская весовая единица.

2) «Отсутствие слов, которые как бы предусмотрены самой лексической системой языка» [там же], т.е., внутриязыковые (интралингвальные) лакуны. Например, в русском языке слово *жесточе* – неупотребляемая сравнительная степень к прилагательному жестокий.

В лингвокультурологических исследованиях больше внимания привлекает первый тип – межъязыковые лакуны, под которыми Л.К. Байрамова понимает «лакунарные единицы как такие, которые в другом языке имеют пробел, пропуск, пустоту, т.е. лакуну – нулевой коррелят лакунарной единицы» [Байрамова 2011: 22].

При сопоставлении лексики русского и французского языков В.Л. Муравьев разделил лакуны на две основные группы: лингвистические и этнографические, в каждой группе также есть свои собственные подгруппы:

1) Лингвистические лакуны:

а) Абсолютные. Данный вид лакун связан с непредставленностью в одном языке какого-либо слова или идиомы, необходимых для выражения понятия, представленного в другом языке [Муравьев 1975: 6-7].

б) Относительные. Данный вид лакун выделяется в процессе сопоставления частоты употребления лексических единиц, обладающих одним значением в разных языках [там же: 10].

в) Векторные. Такие лакуны связаны с несовпадением понятийных объёмов разноязычных слов [там же: 14]. Например, русское слово *бабушка* может быть родовым понятием по отношению к китайскому *奶奶/祖母* (со стороны отца) *外婆/外祖母/姥姥* (со стороны матери).

г) Стилистические. Они выделяются на основе отсутствия в языке единицы, обладающей идентичной стилистической окраской с единицей другого языка [там же: 18].

2) Этнографические лакуны:

а) Абсолютные. Для выявления таких лакун необходимо привлечение дополнительных этнографических критериев [там же: 31].

б) Относительные. Такие лакуны прямо связаны с фактами цивилизации, отличными от национальных [там же: 32].

в) Векторные. Такие лакуны находятся на границе относительных и абсолютных лакун [там же: 35].

г) Ассоциативные. «слова или словосочетания, вызывающие у большинства носителей языка стойкие ассоциации, порождённые национальной внеязыковой действительностью, национальным мышлением, закреплённые в другом языке за иными словами либо вообще отсутствующие в иной цивилизации» [Муравьев 1980: 45]. Такие лакуны важны для нашего исследования.

Лакуна порождается потерей смысла в кодах культур и языков при трансфере знака из одной лингвокультуры в другую, «т.е. механизм декодирования принимающей культуры не располагает семантическими средствами идентификации знака» [Глазачева 2006б: 9].

Из классификации В.Л. Муравьева можем выделить два главных фактора, влияющих на возникновение лакун: 1) лингвистические. Поскольку у разных языков разная система языка. 2) Экстралингвистические. У каждого

народа есть свои исторические, культурные традиции, свои географические социальные условия жизни.

По словам Т.Ф. Вахитовой, на порождение лакун непосредственно влияют внеязыковые факторы, такие как территория проживания народа, образ и уклад жизни и т.д., а также лингвокультурные традиции, которые диктуют, как употребляется та или иная единица языка [Вахитова 2018: 7].

С учетом разных классификаций лакун и факторов, влияющих на формирование лакун, мы предлагаем разделить названия птиц, которые фигурируют в исследуемом материале и имеют признаки лакун, на следующие группы:

- 1) Перечни орнитонимов, используемых в паремиях двух языков, не совпадают;
- 2) Разная номинативная плотность орнитонимов, используемых в паремиях двух языков;
- 3) Разные стереотипные представления двух народов об одной и той же птице.

Важнейшим объективным показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного сообщества «является понятие номинативной плотности, т.е. детализация обозначаемого фрагмента реальности, множественное вариативное обозначение и сложные смысловые оттенки обозначаемого» [Карасик 2002: 94]. Номинативная плотность значимых для языка единиц репрезентируется национальными словарями. Номинативная плотность отличается от частотности употребления единиц. Показателями частотности являются тексты НКРЯ, демонстрирующие актуальность той или иной единицы для определенного отрезка исторического времени. Номинативная плотность – это величина практически постоянная (устаревшие единицы уходят в пассивный запас, но остаются в языке, новые фразеологизмы появляются редко). Частотность употребления фразеологизмов в речи может меняться в зависимости от внешних

экстралингвистических факторов (высказывания известных людей, праздники, различные события политической или культурной жизни).

Подробно обсудим феномен лакун в паремиях с компонентом-орнитонимом во второй главе.

1.2. Лингвокультурологическое направление в исследовании русских и китайских паремий

1.2.1. Соотношение терминов «пословица», «поговорка», «паремия» в русском языке.

В российской лингвистике о проблемах системы устойчивых языковых единиц написано много, но учёные пока ещё не могут прийти к единому мнению в определенных вопросах. Основные споры сосредоточены на проблеме разграничения пословицы и поговорки, вопросе о включении или не включении пословиц и поговорок во фразеологизмы, лингвистическом статусе и терминологических особенностях паремии и т.д. Эти вопросы обсуждались в трудах таких ученых, как В.В. Виноградов, В.И. Даль, В.П. Жуков, Г.Л. Пермяков, Н.М. Шанский, Л.Б. Савенкова, В.М. Мокиенко, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко, Е.И. Селиверстова и др.

В настоящее время больше всего разногласий вызывает термин **паремия**. В основе этого термина лежит греческое слово – притча. «Паремии (пословицы и поговорки) не только вкраплялись в текст как его неотъемлемая часть, но и становились текстами “в себе”, образуя собрания народной и книжной мудрости» [Мокиенко 2013: 121].

М.А. Черкасский под паремией понимает «минимальную единицу надъязыкового семиотического яруса, обладающую свойствами клишированности, афористичности и сентенциозности» [Черкасский 1978: 36].

Значительный вклад в исследование паремий внес Г.Л. Пермяков. Лингвист определяет паремии как «устойчивые словесные образования». Паремии, по определению ученого, это народные изречения в виде

предложений (например, пословицы, поговорки, приметы), а также в форме цепочек предложений, которые представляют элементарную сценку или простейший диалог – побасенки, «одномоментные» анекдоты, загадки [Пермяков 1988: 80]. Паремии являются знаками «определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» [Пермяков 1968: 26].

Опираясь на мнение Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенкова считает, что паремии – это «вторичные языковые знаки, замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [Савенкова 2002: 3].

По мнению Г.Г. Матвеевой и М.А. Серёгиной, паремии – это «одна из подсистем языка синтаксического уровня, представленная в виде полного или незаконченного предложения, обладающего лаконичностью и ритмичностью. <...> К ним относятся пословицы, поговорки и пословично-поговорочные комплексы [Матвеева, Серёгина 2009: 178]. То есть можно сказать, что термин «паремия» является родовым наименованием в отношении пословиц и поговорок [Серёгина 2013: 5].

Н.Н. Семененко отметила, что большинство ученых рассматривает паремии как афоризмы народного происхождения, относятся к ним в первую очередь пословицы и поговорки [Семененко 2005: 201].

Но в то же время многие ученые считают, что паремии – это пословицы. Л.Б. Кацюба полагает, что термин «пословица», синонимичный термину «паремия», в последнее время употребляется гораздо чаще, чем последний [Кацюба 2013: 65]. В своей работе «Пространство русской пословицы. Постоянство и изменчивость» Е.И. Селиверстова пользуется терминами «паремия» и «пословица» как синонимичными [Селиверстова 2017: 36]. Несомненно, из всего класса паремий наиболее употребительным и изученным является пословица [Бредис, Димогло, Ломакина 2020: 267].

Кроме того, в некоторых работах термин «паремия» приравнивается к понятию «загадки», как, например, в работе Л.В. Романюка [Романюк 2013: 26-29].

В.М. Мокиенко полагает, что «статус паремий разного типа и их терминологическая и классификационная интерпретация постоянно обсуждаются и будут обсуждаться. <...> теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста» [Мокиенко 2010: 11]. В данной работе паремия рассматривается как пословица и поговорка, поскольку «термины **пословица** и **поговорка** употребляются недифференцированно» [там же: 9], особенно в лингвокультурологических исследованиях.

Чем же отличается пословица от поговорки?

Пословицы рассматриваются как «язык веками формировавшейся обыденной культуры» [Телия 1996: 241], отражающей «все категории и установки этой жизненной философии народа – носителя языка» [там же]. Они представляют «образное законченное изречение, имеющее назидательный смысл и, обычно, специфическое ритмо-фонетическое оформление» [Ахманова 1966: 341]. Однако не все изречения можно назвать пословицами, так как пословицы должны отвечать мышлению множества людей, должны иметь длительную историю передачи из поколения в поколение [Аникин 1991: 6].

В.И. Даль назвал пословицу коротенькой притчей, по его мнению, пословица – это «суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности» [Даль 1989: 14], а поговорка – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суждения, заключения, применения» [там же: 14].

В.П. Жуков отмечает, что пословицы имеют буквальный и переносный план, они выражают законченную мысль, а поговорки – изречения, которые воспринимаются только буквально [Жуков 1991: 9].

Опираясь на концепцию Г.Л. Пермякова, можно утверждать, что пословицы представляют собой замкнутые предложения, клишированные целиком, а поговорки существуют как незамкнутые предложения [Пермяков

1988: 18]. Поэтому план выражения паремии представляет структуру предложения (для пословицы и некоторых поговорок) и структуру словосочетания (для поговорок) [Алефиренко, Семененко 2009: 240].

В.М. Мокиенко добавил, что поговорка выражает понятие, а пословица – суждение, которое «имеет назидательный характер, выраженный образно» [Мокиенко 2005: 5]. Например: *Не учи белого лебедя плавать, а боярского сына с татарами биться*. Значит, поговорка «лишена дидактичности, конкретна по содержанию, она – результат простого наблюдения или сравнения» [Селиверстова 2017: 32].

Объединяя взгляды вышеперечисленных ученых, можно обнаружить, что пословица в отличие от поговорки обладает семантической целостностью, законченностью мысли, обобщенностью, образностью, назидательностью (дидактичностью), имеет переносный смысл, и в дополнение к этому, пословица в меньшей степени зависит от ситуации [Баранов, Добровольский 2014: 80].

Вопрос о том, являются ли паремии (пословицы и поговорки) частью фразеологической системы, до сих пор остаётся дискуссионным.

В.В. Виноградов дал классическое определение фразеологии. По его мнению, в объем фразеологии входят: фразеологические сращения, единства и сочетания [Виноградов 1977: 144; 151; 158]. Н.М. Шанский добавил фразеологическое выражение – «устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» [Шанский 2012: 84]. Н.М. Шанский предположил, что «во фразеологии изучаются все устойчивые сочетания слов: и единицы, эквивалентные слову, и единицы, в семантическом и структурном отношении соответствующие предложению» [Шанский 1996: 4].

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский рассматривают пословицы как часть фразеологизмов, по их мнению, пословицы являются фразеологизмами «со структурой предложения, имеющие в своем значении идею всеобщности,

иллокутивную семантику рекомендации или советы (нравоучения) и характеризующиеся относительной дискурсивной самостоятельностью» [Баранов, Добровольский 2008: 69].

Сторонники этой точки зрения включают таких исследователей, как М.М. Раджабова, Т.А. Шайхуллин и А.М. Зарипова, которые рассматривают паремии как единицы фразеологии [Раджабова 2016: 167; Шайхуллин, Зарипова 2017: 8].

Есть также множество противников этого мнения.

Автор «Словаря русских пословиц и поговорок» В.П. Жуков отметил, что от фразеологизмов паремии (пословицы и поговорки) отличаются в «структурно-грамматическом отношении», они являются законченными предложениями. В основе пословиц и поговорок «лежат не понятия, а суждения», в связи с этим они не могут быть «носителями фразеологического значения, которое присуще фразеологизмам» [Жуков 1991: 9].

Н.Н. Семененко утверждает, что паремии и афоризмы отличаются от фразеологизмов невыполнением номинативной функции [Семененко 2005: 202].

При изучении понятий «пословица» и «поговорка» в современной русской лингвистике, Н.А. Потапова высказала точку зрения, что данные понятия отличаются от фразеологизмов, а также разграничиваются между собой на основании наличия прямого и переносного смысла, формой выражения заложенной мысли [Потапова 2016: 359].

Согласно мнению Е.И. Селиверстовой, паремии отличаются от фразеологизмов законченностью, синтаксической структурой, принципами речевого выбора, условиями контекстуального включения и функционирования в тексте, прагматической направленностью, эвфоническим оформлением, определенными парадигматическими и синтагматическими отношениями между компонентами [Селиверстова 2017: 25].

Итак, в данном исследовании мы придерживаемся такой точки зрения: паремии определяются как самостоятельный пласт языковых выражений, которые условно объединяются с фразеологией [Семененко 2005: 201].

Перейдем к рассмотрению системы китайских устойчивых языковых единиц.

1.2.2. Соотношение устойчивых языковых единиц в китайском языке

Чтобы выяснить, какие языковые единицы соответствуют русским паремиям в китайском языке, следует кратко обрисовать систему китайских устойчивых языковых единиц. Прежде всего следует отметить, что провести четкие соответствия между терминами устойчивых языковых единиц русского и китайского языков очень трудно, хотя разными учеными предпринимаются некоторые попытки.

В современной китайской лингвистике вся совокупность различных устойчивых оборотов называется 熟语 *шуйюй* ‘готовые выражения’, который произошёл от русского термина «фразеология» (в широком значении) 1950-х годов [Яо Сиюань 1998: 38-39]. В китайском языке шуйюй означает как фразеологизм, так и фразеологию [У Фан 2006: 33]. Классификация шуйюй является спорной. Обычно выделяются четыре-шесть разрядов:

1) 成语 *чэньюй* ‘готовые выражения’; 谚语 *яньюй* ‘народные речения’; 俗语 *суйюй* ‘просторечные выражения’; 格言 *гэянь* ‘афоризмы’; 惯用语 *гуаньюньюй* ‘привычные выражения’; 歇后语 *сехоуей* ‘недоговорка-иносказание’ [Ло Хуаянь 2000: 121].

2) чэньюй; яньюй; сехоуей; гуаньюньюй; суйюй [Ма Гофан 1959: 51].

3) чэньюй; яньюй; гуаньюньюй; сехоуей [Шао Цзинминь 2002: 140].

Вслед за Ма Гофан, будем считать, что существует всего пять разрядов:

Чэньюй ‘готовые выражения’ – устойчивое словосочетание, состоящее чаще всего из **четырёх иероглифов**, имеющее лаконичную форму и краткое обобщенное переносное значение. Источником чэньюй являются древние

басни, крылатые выражения из произведений классиков, старинные стихи и др. [Словарь чэньюй Синьхуа 2009: 3]. Например: 风声鹤唳: букв. *Ветра шум и крики журавлей*; перен. *Бояться всего и вся*.

Термину **сехоууй** в системе русского языка аналога нет. Словом сехоууй обозначаются **двучленные речения**, первая часть которых представляет собой иносказание, загадку и сравнение, эта часть создает игру слов, а вторая – раскрытие иносказания и смысла. Например, 啄木鸟找食–全凭嘴: *Дятел ищет пищу – полагается только на рот*. Это сатира на человека, который только говорит и ничего не делает.

Гуаньюньюй ‘привычные выражения’ – устойчивые словосочетания, которые часто, но не всегда, состоят из **трехсложных глагольно-объектных сочетаний** [Вэнь Дуаньчжэн 2005: 23-24]. Например, 放鸽子 *Выпускать голубя*: не сдержать слова.

Яньюй ‘народные речения’ – это устойчивые выражения, ходящие в народе, они выражают глубокую истину с помощью общепонятных слов [Словарь современного китайского языка 2016: 1513]. Например, 鸟往高处飞, 人往高处走。 – *Птица летит на вершину, а человек идёт вверх (где лучше)*. Это означает, что человек всегда стремится к лучшей жизни.

Яньюй определяется как готовые, трафаретные устные выражения, которые представляют собой ритмические предложения и используют различные стилистические средства для обобщения опыта, передачи знаний, изложения аргументации и признаются членами одной нации или группы. В дополнение к этому, они часто выражаются в виде **законченного предложения**, выражающего **окончательные суждения**, действующие как "аксиомы" в повседневной жизни [Ан Дэмин 2008: 584]. Ма Гофан и У Сюэхэн отмечают, что яньюй отражают реалии общества и жизненный опыт людей в определённый промежуток времени, они – кристаллизация мудрости и опыта народа, такие языковые единицы 1) обладают сильной выразительностью и эмоциональностью; 2) состоят из одного или нескольких коротких

предложений; 3) легки для понимания и обладают характеристиками разговорного языка; 4) обычно являются законченной мыслью: законченные суждения или рассуждения; 5) являются обобщением народного опыта и жизненных знаний, воплощением мудрости и истины; 6) главные функции – передавать знания, поучать человека, советовать и убеждать народ [Ма Гофан, У Сюэхэн 2001: 3].

В настоящее время существует два ответа на вопрос о том, какие языковые единицы в русском языке эквивалентны яньюй. Одни ученые рассматривают яньюй как пословицы и поговорки [Иванченко 2013: 96; Салимова 2018: 148; Циберная, Лазарева 2020: 63], другие считают яньюй только пословицами [Ветров 2007: 16; Барчукова и др. 2015: 514; Ареева 2020: 23; Цао Цяци 2020: 26; Цю Сюеин 2021: 52]. Объединяя определения яньюй и их характеристики, мы предпочитаем рассматривать **яньюй** в качестве **пословицы**.

Существуют также разные классификации яньюй. По своему содержанию китайские пословицы принято делить на следующие группы: 1) крестьянские; 2) метеорологические; 3) сатирические и нравоучительные; 4) пословицы о местных условиях и обычаях; 5) пословицы о жизненных знаниях [У Чжанькунь 1983: 298-302]. В этих группах «крестьянские» и «метеорологические» китайские пословицы соответствуют русским приметам (особенно природным), которые представляют собой «проверенные временем предсказания, основанные на презумпции скрытой связи между явлениями природы, свойствами предметов и событиями человеческой жизни, выраженные в краткой, метафорической форме» [Тонкова 2007: 6]. В русской лингвистике приметы синтаксически близки пословицам. Но приметы не способны выражать умозаключение, назидание в рамках обобщенного значения, как пословицы. Семантическая структура примет обусловлена их двухкомпонентной логической структурой: первая часть – это наблюдение, а вторая часть – прогноз, в отличие от пословиц, которые, как правило, данной особенностью (прогностической) не обладают [Павлов: 1984: 294-299]. В

китайском языке приметы выступают как часть пословичного корпуса устойчивых единиц.

Большинство китайских лингвистов разделят яньюй (пословицы) на основные две категории: социальные и природные [Ма Цзяньдун 2017: 67]. Наиболее известный представитель этого направления – Вэнь Дуаньчжэн, который создал очень подробную классификацию яньюй (пословиц):

Схема № 1. Классификация яньюй по мнению Вэнь Дуаньчжэна

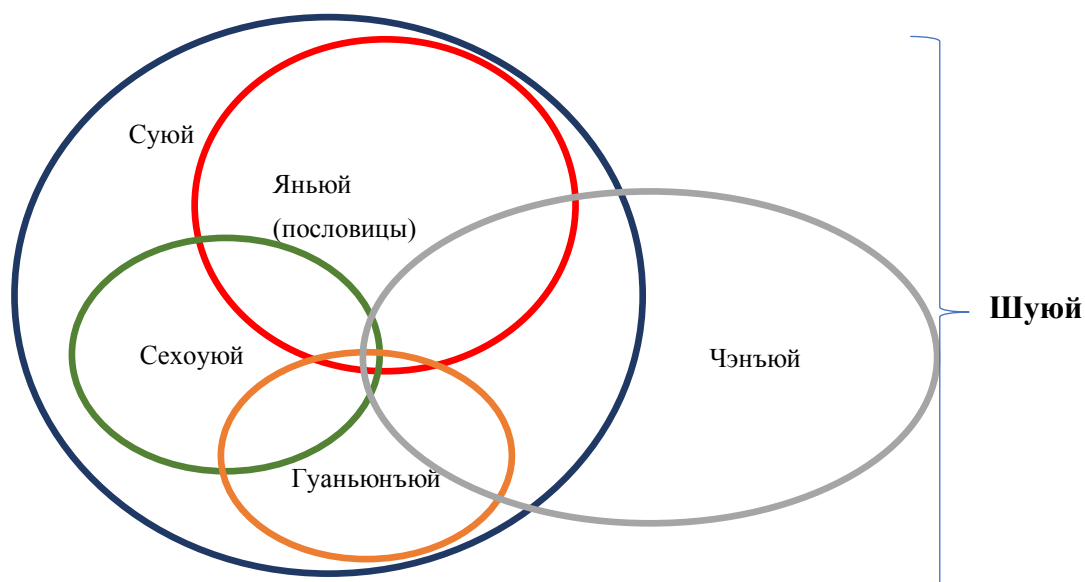

[Вэнь Дуаньчжэн 2005: 21].

В русско-китайских или китайско-русских словарях слово **суюй** ‘просторечные выражения’ часто понимается как поговорки. Это не совсем точно. Определение понятия *суюй* до сих пор остается неясным. В узком смысле считается, что *суюй* – это устойчивые выражения, широко используемые в разговорной речи, за исключением яньюй, сехоуэй, гуаньюньюй и т.д. [Яо Сиюань 1998: 40]. А в широком смысле *суюй* рассматривается как более широкая категория, чем остальные, к нему относятся яньюй, гуаньюньюй, сехоуэй и некоторые чэньюй, которые часто употребляются в бытовой устной речи [Вэнь Дуаньчжэн 2005: 8]. В данной диссертации *суюй* рассматривается в широком смысле. Согласно Вэнь Дуаньчжэну, яньюй (пословицы) – это *суюй с целью передачи знаний* [там же: 15]. Эта особенность отличает яньюй от других содержательных элементов, составляющих понятие «суюй».

В целом в китайском языке существует пять основных разрядов фразеологических единиц, которые **взаимосвязаны, но между ними не существует четких границ**. Мы можем представить их в виде следующей схемы:

Схема № 2. Системные отношения фразеологических единиц в китайском языке

Основываясь на приведенном выше рассуждении, мы считаем, что яньюй в китайском языке являются эквивалентной языковой единицей пословиц в русском языке. Нелегко найти точный аналог суюй в русском языке. На наш взгляд, эквивалентными языковыми единицами паремий (пословиц и поговорок) в китайском языке являются, прежде всего, яньюй, во-вторых, небольшая часть суюй, за исключением яньюй. Связь между ними может быть выражена с помощью математических символов: **яньюй $\leq$ паремия $<$ суюй**.

В целом, в нашем исследовании больше внимания уделяется **яньюй** (особенно социальным) в китайском языке.

1.2.3. Лингвокультурологический аспект изучения паремий

В современном мире большое внимание ученых разных направлений лингвокультурологии привлекает вопрос поиска и вычленения культурно-значимой информации в словах и словосочетаниях [Радбиль и др. 2019: 11].

Направление лингвокультурологического описания лексики и паремиологии является одним из наиболее перспективных. По мнению М.Л. Ковшовой, лингвокультурологические исследования строятся на признании наличия определённой культурной информации в языковых знаках [Ковшова 2019: 14]. И паремия как народное творчество является атрибутом культуры каждого народа.

Паремиологический фонд языка выступает в качестве ценного объекта современного лингвокультурологического исследования, поскольку паремия как полифункциональный знак может реализовывать функции и языка, и культуры. В дополнение к этому, паремии как стереотипы народного сознания являются неотъемлемой составляющей НЯКМ [Семененко 2002: 166]. Можно сказать, паремиологический фонд языка является главным источником и носителем национально-культурной информации [Гасанова, Салимгереева 2021: 448].

При лингвокультурологическом изучении паремий важное значение имеют следующие методологические установки: признание паремиологических единиц значимым инструментом сбора и передачи культурного опыта представителей народа; признание наличия в паремиях концептуальной информации, важной для НЯКМ; признание значимости паремиологического фонда для определения ценностной окраски НЯКМ [Алим Аппоев, Асхам Аппоев 2010: 128].

Лингвокультурологическое изучение русских паремий на фоне других языков всё чаще проводится в последнее время, например, труды Е.В. Ивановой 2003, З.А. Юсуповой 2005, Ж.Ш. Апекова 2009, Т.А. Шайхуллина 2012, Е.А. Ошевой 2013, А.С. Головина 2014, М.А. Бредиса 2017 и др. Естественно, в том числе существуют работы, посвященные лингвокультурологическому изучению русских паремий на фоне китайского языка, например, труды Пи Цзянькунь 2014, М.Д. Мамедовой 2015, Чжан Мянъ 2017, Линь Цзиньфэн 2018, Ли Вэньжуй 2019, Цао Цзяци 2020, Сюеин 2021 и др.

Среди этих работ особый интерес для данного исследования представляет лингвокультурологическое описание образов птиц и животных на паремиологическом материале.

Омер Бичер проанализировал образы типичных животных (*верблюда, волка, ворона/вороны, коня, лисы, осла, свиньи, собаки*) в русских паремиях, на фоне их турецких соответствий и сравнил культурные коннотации зооморфизмов в паремиях и в переносных значениях зоонимов, зафиксированных словарями двух языков [Омер Бичер 2016]. Рассматривая пословицы и поговорки с зоонимическим компонентом в английском и русском языках, В.Л. Боктаева показывает универсальные и специфические особенности ЯКМ двух народов [Боктаева 2016].

В лингвокультурологических исследованиях культурные коннотации некоторых птиц или птиц одной и той же группы часто привлекают внимание ученых, и в этих статьях наиболее часто используемым исследовательским материалом являются **паремии**. Например, А.П. Денисова и М.В. Кутьева рассмотрели орнитоним *кукушка* в ЯКМ носителей русского и испанского языков [Денисова, Кутьева 2011]; Е.И. Зиновьева выявила стереотипное представление об орнитониме *сорока* в русской ЯКМ (на фоне других лингвокультур) [Зиновьева 2012]; А.С. Лобанова проанализировала существующие в сознании коми-пермяков типичные представления об орнитониме *ворон/ворона* [Лобанова 2016]; Лю Сини определила сходные и различные символичные значения орнитонима *курица*, присущие русской и китайской лингвокультурам [Лю Сини 2018]; С. Лю сосредоточил свое внимание на изучении стереотипных представлений об особенностях поведения или характеристиках **домашних птиц** в русской и китайской лингвокультурах [С. Лю 2019]; Заметил эту группу также А. Эргашев, который в своей работе проанализировал образы **домашних птиц**, отражённые в клишированных единицах русского и узбекского языков [А. Эргашев 2021].

Можно заметить, что в вышеупомянутых работах были рассмотрены культурные значения некоторых птиц, и во многих из этих исследований

паремии не были подробно изучены, по причине того, что они не являются единственным исследовательским материалом, поэтому лингвокультурологическое описание русских паремий с компонентом-орнитонимом требует дальнейшего углубления, особенно на фоне китайского языка.

1.3. Особенности термина *орнитоним* в русском и китайском языках

Язык рассматривается как путь проникновения в ментальность нации. Особую роль играют слова, описывающие мир природы. Птицы как неотъемлемая часть мира природы, их названия (**орнитонимы**) стали воплощением национально-культурных особенностей мышления, концептуально важной и эмоционально нагруженной частью ЯКМ [Кутьева 2009: 3-4].

Пронизывая едва ли не все сферы жизни, орнитонимы интересуют лингвистов, лингвокультурологов, литературоведов: Н.Д. Пименова (2002), О.Б. Симакова (2004); В.В. Сибул (2007), М.В. Кутьева (2009), Н.Ю. Костина (2012); Т.Н. Сивкова, Нгуен Тхи Иен (2015); У Хань (2015); А.В. Москаленко (2015), Е.И. Зиновьева (2012, 2016); С.В. Костылёва (2016); Л.Р. Сакаева (2017); Бичер Омер (2018) и др.

Само слово «орнитоним» произошло от сочетания двух греческих слов «ornitos» ‘птица’ и «onima» ‘имя, название’, поэтому термин «орнитоним» часто буквально понимается как названия птиц. В лингвистике наиболее широко используемое определение слова «орнитоним» до настоящего времени было предложено учёным О.Б. Симаковой. По её словам, «орнитоним – это номинативная единица, представленная отдельным словом или сочетанием слов, которая служит для выделения, индивидуализации и идентификации именуемой птицы среди других птиц» [Симакова 2004: 8]. Соответственно, совокупность названий птиц в определенном языке или в группе языков называется орнитонимией [там же].

Видно, что основное значение орнитонимов – это номинативное. Российский зоолог И.В. Муравьев разделил происхождения наименований птиц на следующие группы:

1) Названия, производные от голосовых позывок, песен, звуков, которые птицы издают при токовании, в брачных песнях и отчасти в полёте. Например, *гагара, галка, кулик, чиж*.

2) Названия, производные от отличительных черт окраски и цвета в оперении в целом и отдельных частей тела. Например, *серый гусь*.

3) Названия, производные от видоспецифических характеристик строения и окраски некоторых перьев. Например, *ласточка-касатка* – деревенская ласточка.

4) Названия, производные от размерности птиц. Например, *малая чайка*.

5) Названия, производные от черты поведения птиц. Например, *рыбалочка* – зимородок.

6) Названия, производные от мест обитания птиц. Например, *болотная сова* [Муравьев 2006: 107].

По мнению китайских учёных, происхождения названий птиц делятся на следующие десять категорий:

1) Названия, основанные на цветовой характеристике птиц. Например, *丹顶鹤 маньчжурский журавль* (букв.: журавль с красной макушкой), *翠鸟 зимородок* (букв.: лазурная птица).

2) Названия, основанные на морфологических характеристиках птиц. Например, *画眉 серый певчий дрозд* (букв.: птица с бровями), *猫头鹰 сова* (букв.: орёл с кошачьей головой).

3) Названия, основанные на среде обитания птиц. Например, *雪鹑 снежная куропатка*.

4) Названия, основанные на знаменитых фамилиях. Например, *理氏鸚 степной конёк* (букв.: конёк по фамилии Ли)

5) Названия, основанные на ареале обитания птиц. Например, 藏雪鸡 *тибетский улар*.

6) Названия, основанные на приметах, легендах и рассказах. Например, 喜鹊 *сорока* (букв.: счастливая птица).

7) Названия, основанные на размерах птиц. Например, 小天鹅 *маленький лебедь*.

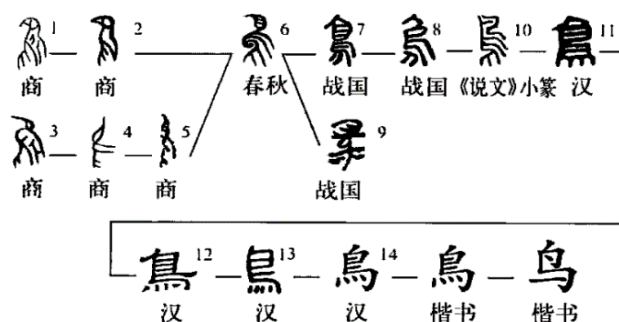
8) Названия, основанные на предпочитаемых птицами источниках пищи. Например, 啄木鸟 *дятел* (букв.: птица, клюющая дерево).

9) Названия, основанные на звуках, издаваемых птицами. Например, 布谷鸟 *кукушка* (букв.: птица-Бу Гу).

10) Названия, основанные на скрытых смыслах. Например, 企鹅 *пингвин* (букв.: гусь, надеющийся на что-то) [Ван Лэй, Мэн Ли, Чжао Шие 2008: 65-67].

Надо отметить, что общее название птицы на китайском языке – иероглиф 鸟 ‘птица’, является иероглифом изобразительной категории, его эволюция от династии Шан (1766 - 1122 г. до н. э) до настоящего времени выглядит следующим образом:

Рисунок 1. Эволюция иероглифа 鸟 ‘птица’

[Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ»].

Этот иероглиф также может выступать в качестве ключа в некоторых других иероглифах, обозначающих названия птицы, например, иероглифы 鸡 ‘курица/петух’, 鸭 ‘утка’, 鹅 ‘гусь’, 鹤 ‘журавль’ и т.д.

Орнитонимы, как и зоонимы – важная часть огромного пласта лексики языка, связанной с зоонимами. «Значение зоонима как многозначного слова

объединяется в семантическое единство на основе эпидигматических отношений между его лексико-семантическими вариантами, и существование подобных отношений свидетельствует об их иерархии» [Солнцева 2004: 9]. Смысловая структура зоонима включает в себя зоосемизмы (собственно наименования животных) и зооморфизмы. Помимо основного, номинативного значения зоонимы включают в свою семантическую структуру предикативно – характеризующее значение [там же].

По мнению В.В. Виноградова, в любом языке возможности выражения оттенков смысла посредством новых лексических единиц ограничены [Виноградов 1987: 15]. Именно поэтому любому языку необходимы переносные, вторичные лексические значения большинства слов, в том числе и орнитонимов, которые включают в свою семантическую структуру, кроме номинативного значения, значение, основанное на метафорическом переносе и имеющее в качестве дифференциальной семы сему характеристики.

Проанализировав семантические структуры орнитонимов в русском и немецком языках, лингвист Л.В. Амелина заметила, что семантические структуры наименований птиц, независимо от общего числа зафиксированных в них значений, можно свести к некоторыми определенным моделям, включающим строго определенные типы значений:

1) Наименование птицы – наименование человека. Например, а) *ласточка* – это ‘ласковое название женщины, девочки’ [Словарь русского языка: В 4-х т. Под ред. А. П. Евгеньевой. Т.2: 165] (далее МАС); б) *пигалица*: ‘о невзрачном, малорослом, тщедушном человеке (преимущественно о женщине)» [МАС Т.3: 120].

2) Наименование птицы – наименование животного, насекомого или иной птицы. Например, *птицуха*: ‘небольшой зверек, похожий на зайца’ [МАС Т.3: 129].

3) Наименование птицы – название продукта. Например, *курица* – это мясо курицы или петуха [Словарь современного русского литературного языка. Т.5: 1867-1868] (далее БАС);

4) Наименование птицы – наименование предмета или явления. Например, слово «ласточка» иногда используется для обозначения гимнастической фигуры, при которой положение тела напоминает ласточку в полете [МАС Т.2: 165].

Среди этих моделей наиболее характерной является «наименование птицы – наименование человека», которая подтверждает антропометрический принцип [Амелина 2010: 172-174]. Данный принцип заключается в том, что животное на протяжении всего существования человека «было не только источником питания и одежды, но и мерилom многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных» [Мокиенко 2005: 107].

Названия птиц (орнитонимы) могут отражать сходства по внешности, включая поведение человека, его характер посредством метафоры [Тризна 2010: 58]. В качестве примера описания внешности человека с помощью орнитонимов можно привести ситуацию, когда в русской культуре человека, который повторяет одно и то же, или же человека, одетого в яркую, пеструю одежду, называют попугаем. Кроме того, метафоризация в орнитологической лексике иногда происходит на основе сравнения крика или пения птицы с поведением человека. Например, для описания человека, который обладает красивым, преимущественно высоким голосом, славящегося своим искусством пения, используется орнитоним *соловей* [там же: 58].

В дополнение к этому стоит добавить, что некоторые названия птиц образовались с помощью метафорического переноса от существительных, называющих человека по различным его характеристикам. Например, *глупыш* говорят обычно о детях, глупых по малолетству, несведущих [там же: 60].

В китайской лингвистике систематичного глубокого исследования на тему корреляции наименований птицы с наименованиями человека пока не проводилось. Однако такое явление в китайском языке с древних времён чрезвычайно популярно. Чтобы доказать это утверждение, мы можем привести примеры из китайских словарей – «现代汉语词典 Словарь

современного китайского языка» и «新华词典 Словарь (словосочетаний) Синьхуа»:

1) 鸨 дрофа: а) название птицы; б) название женщины (проститутки), которая является хозяйкой публичного дома (борделя) в прошлом;

2) 鸿鹄 лебедь: а) другое название лебедя; б) о человеке, отличающемся высокими стремлениями;

3) 百灵 жаворонок: а) название птицы; б) о человеке, отличающемся приятным голосом.

Как культурный символ, птица сыграла важную роль в формировании и развитии китайской культуры. В прошлом птицы были объектом поклонения, китайцы считали птиц богами и предсказывали будущее по их поведению [Чжан Дэцзу 1996: 59-63].

Итак, связь между человеком и птицей в аспекте лингвокультурологии изучается довольно давно. Выявлено их взаимодействие на семантическом, символическом и терминологическом уровнях.

В данном исследовании орнитонимы важны в качестве разряда существительных, которые включают в свою семантическую структуру, кроме номинативного значения, значение, основанное на метафорическом переносе и имеющее в качестве дифференциальной семы сему характеристики. В качестве компонента паремий орнитонимы способны отражать национальные и интернациональные особенности ЯКМ, становиться объектом лингвокультурологического описания.

1.4. Принципы построения словарей и словарной статьи лингвокультурологического типа.

Пословица и поговорка становятся важным предметом лексикографии в русском языкознании с XVIII века [Ломакина 2012: 65]. А работа по созданию словарей яньюй (пословиц) в Китае началась в конце 1970-х - начале 1980-х годов [Чэнь Цзюаньцзюань 2019: 27]. По мнению С.Е. Никитиной,

«составление словаря на основе текстов одного жанра позволяет выстроить фрагмент или проекцию общей фольклорной и мифологической картины народного мировидения» [Никитина 1993: 65].

В русской лингвистике существует много типов классификации паремий, по мнению Г.Л. Пермякова, главнейшими из них являются: **алфавитная** (В.П. Жуков 1991); **классификация по опорным словам** (лексическая или энциклопедическая), **монографическая** («Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX вв.»), **генетическая** и **тематическая** (В.И. Даль 1996, В.И. Зимин и А.С. Спирин 2006) [Пермяков 1979: 8-10], и **классификация по стержневому принципу** (В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева 2012). Паремии, составляющие тематическую группу отражают отношение носителей языка к объектам материальной культуры и их нравственные ориентиры [Ломакина 2011: 219].

В последнее время лингвокультурологический потенциал паремий активно разрабатывается.

Под понятием «словарь лингвокультурологического типа» Е.И. Зиновьева понимает «совокупность разнородных по своему содержанию лексикографических источников, ставящих перед собой задачу отражения культурной информации на основании результатов анализа языковых единиц» [Зиновьева 2016б: 37]. Поэтому словари лингвокультурологического типа должны быть «объективацией связей и структуры определенного фрагмента народной картины мира» [Банкова, Калиткина 2000: 136].

Основным средством «словарной репрезентации культурного фона паремий является лингвокультурологический комментарий» [Никитина 2015: 132], который направлен на описание взаимодействия образного содержания паремии через символы и стереотипы с теми или иными пластами и кодами культуры [Якименко, Цю Сюеин 2021: 908]. Составление лингвострановедческого комментария невозможно без изучения национальной специфики языка и выраженного им мыслительного процесса обучающихся [Андрейчина 1977: 2].

Учебный лингвокультурологический словарь обладает рядом особенностей: «1) в адресате словаря <...>; 2) в целевой установке: формировать лингвокультурологическую компетенцию учащихся с опорой на концепты русской духовности; 3) в максимальной приспособленности учебно-методического аппарата словаря к учебному процессу» [Кобякова 2006: 14].

В последние годы некоторые ученые сосредоточились на практике составления лингвокультурологического словаря **паремий**. Например, Словарь, написанный Ани Рахмат, С.В Банит и Н.Е. Якименко «Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков: Лингвокультурологический словарь». В данной работе классификация паремий основана на критериях группировки наименований животных по дифференциальной семе “степень прирученности животного человеком” [Ани Рахмат, Банит, Якименко 2020]. Кроме того, существует «Словарь паремий русского и китайского языков о труде и лени. Учебный лингвокультурологический словарь». Основные разделы в данном словаре такие: 1) сопоставление УК в русском и китайском языках; 2) краткая характеристика имени концепта; 3) репрезентация УК средствами паремий; 4) заключение, которое содержит выводы о сопоставлении паремий двух языков; 5) ценностные особенности компонентов в исследуемом материале [Цю Сюеин, Якименко 2021].

Предлагаемая Е.И. Зиновьевой и Цао Цзяци модель словарной статьи лингвокультурологического словаря паремий (на материале русских и китайских пословиц с компонентом-названием насекомого) включает следующие зоны: 1) зона заголовочной единицы; 2) зона семантизации незнакомых слов; 3) зона описательного толкования смысла пословицы; 4) зона ситуаций; 5) зона вербализуемой пословицей УК; 6) зона иллюстраций; 7) зона синонимичных к заголовочной паремий; 8) отсылочная зона; 9) зона переводческого аналога русской пословицы в китайском языке (при наличии). В дополнение к названным зонам, авторы подчеркнули необходимость

составления комментария по стереотипным представлениям о насекомом, вербализованных в пословицах [Зиновьева, Цао Цзяци 2020: 14].

Надо отметить, что учебный лингвокультурологический словарь паремий нацелен не только на выполнение образовательной функции, но и на решение следующих задач: 1) вычленение и описание национально-культурной специфики паремий в русском языке; 2) выявление их когнитивно-дискурсивного потенциала; 3) формирование системы концептосфер паремий путём создания корпуса паремий, наиболее значимых для носителей русского языка; 4) создание тематико-идеографической классификации паремий, актуальных для современного носителя [Кацюба 2011: 166].

Выводы данного исследования могут быть использованы в практике составления лингвокультурологического словаря русских и китайских паремий с компонентом-орнитонимом.

Выводы

Первая глава данного исследования посвящена основным теоретическим вопросам лингвокультурологического анализа орнитонимов в русских и китайских паремиях.

Языковая картина мира является отражением национального менталитета, заключенного в значении разных единиц данного языка. Данная картина мира формируется различными языковыми средствами, в том числе паремиями, к которым относятся стереотипные представления носителей языка. *Паремиологическая картина мира* как инвариантная часть языковой картины мира характеризуется универсальностью, антропоцентризмом и экспрессивностью.

Вопросы определения, статуса и особенностей *паремии* постоянно обсуждаются. В данном исследовании мы рассматриваем термин паремия как родовой для пословиц и поговорок, которые употребляются недифференцированно.

Система устойчивых выражений каждого народа имеет своё национальное своеобразие. Русские и китайские ученые пытаются найти соответствия понятий и терминов устойчивых выражений в двух языках, но точного совпадения пока не обнаружено. На наш взгляд, понятие *яньюй* в китайском языке является эквивалентным понятию *пословица* в русском языке, так как данные языковые единицы обладают многими общими особенностями: устойчивостью, семантической целостностью, законченностью мысли, образностью, легкостью восприятия, обобщенностью, дидактичностью/назидательностью и др. А эквивалентными языковыми единицами паремий (пословиц и поговорок) в китайском языке являются, прежде всего, яньюй. Однако стоит помнить о следующей дифференциации: яньюй $\leq$ паремия $<$ суюй.

В каждой культуре вырабатываются и функционируют *коды* – вторичные знаковые системы. Вслед за М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудковым, мы определяем код культуры как набор знаков, составляющих план выражения

для культурного содержания, включающих тесно взаимосвязанные ценностную информацию и установки, являющихся общепринятыми в пределах данной культуры. Соответственно, *орнитологический код* понимается как совокупность названий птиц, обладающих добавочными культурно значимыми смыслами.

Основу описания кодов культуры составляют *символы* и *стереотипы*, которые широко применяются в паремиях. Это следует объяснить тем, что паремии играют важную роль в символизации мира в качестве знаков вторичной семиотизации, и выступают оязыковленным символом и стереотипом.

Лакуна как неотъемлемый феномен лингвистики имеет узкое и широкое значение. В узком смысле лакуна трактуется только в аспекте языка как пропуски в лексической системе языка. А в данном исследовании феномен «лакуна» определяется в широком значении как расхождения языков и культур, которые возникают в процессе межкультурной коммуникации и отражают национальное мировидение и миропонимание.

При выявлении национально-культурных особенностей особую функцию выполняют *установки культуры*, существующие в каждом языковом социуме. Согласно В.Н. Телии, установки культуры – это ментальные образцы, играющие роль предписаний для социальных и духовных жизненных практик, они соотносятся с моральными и нравственными ориентирами жизни человека и, как правило, фиксируются во фразеологизмах, пословицах и поговорках. Особый интерес для нас представляют общие и различающиеся установки культуры, вербализованные в русских и китайских паремиях с компонентом-орнитонимом.

Орнитонимы (наименования птиц) – важный фрагмент огромного пласта лексики любого языка. Под орнитонимом в данном исследовании мы понимаем имена, присваиваемые птицам, в то же время, они имеют добавочные культурные коннотации, которые привлекают особое внимание современных учёных-лингвокультурологов. При знакомстве с некоторыми

научными трудами, посвященными лингвокультурологическому анализу зоонимов и орнитонимов, обнаружилось, что исследование образов птиц в паремиях требует дальнейшего углубления, особенно на фоне китайского языка. И данное исследование будет вносить скромный вклад в практику составления лингвокультурологического учебного словаря паремий.

Теоретические положения, изложенные в данной главе, служат основой для практического исследования отобранного материала в следующей главе.

ГЛАВА 2. ОРНИТОЛОГИЧЕСКИЙ КОД КУЛЬТУРЫ В РУССКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ФОНЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА)

2.1. Состав и классификация материала

Объектом данного исследования послужили пословицы с компонентом – названием птиц (орнитонимом).

Для определения наиболее знакомых носителям языка птиц был проведен интернет – опрос. Информантам было предложено написать названия известных им птиц. Всего в опросе приняло участие 50 русских и 50 китайских респондентов.

От русских участников опроса было получено:

– **10 названий домашних птиц:** курица (47), гусь (45), петух (41), утка (40), куропатка (12), перепёлка (8), цесарка (7), кенар(канарейка) (6), страус (5), индюк (5).

– **60 названий диких (не прирученных человеком) птиц:** воробей (48), ворона (46), ласточка (45), кукушка (40), аист (38), лебедь (37), сокол (36), дятел (33), галка (30), журавль (30), сойка (27) скворец (25), сорока (25), жаворонок (24), синица (22), орел (22), грач (20), снегирь (13), стриж (12), дрозд (12), глухарь (11), сова (11), цапля (7), чайка (7), филин (5), зяблик (4), малиновка (3), коршун (3), ястреб (3), куропатка (2), королек (2), иволга (1), угод (2), пингвин (2), пеликан (1), фламинго (2), щегол (1), пеночка (1), пустельга (1), тетерев (2), сыч (1), выпь (1), гриф (1), чибис (1), вальдшнеп (1), трясогузка (1), свиристель (1), клест (1), овсянка (1) и т.д.

– **8 названий декоративных птиц:** попугай (40), соловей (38), голубь (34), канарейка (17), павлин (15), фазан (2), амадин (1), щегол (1).

От китайских участников опроса было получено:

– **6 названий домашних птиц:** утка (15), петух/курица (12), перепел (10), гусь (10), домашний голубь (4).

– **39 названий диких птиц:** воробей (45), ворона (40), сорока (40), кукушка (20), ласточка (20), дикий гусь (19), горлица (18), сова (18), дятел (16),

орёл (10), журавль (10), морская чайка (9), коршун (9), жаворонок (8), лебедь (7), турач (7), беркут (5), цапля (4), страус (3), колибри (3), китайская иволга (3), сыч (3), мандаринка (2), альбатрос (2), фламинго (2), сокол (2), пеликан (2), удод (2), соловей (2), пингвин (1), малиновка (1), гриф (1), зимородок (1), дрофа (1), филин (1), фазан (1), аист (1), ястреб (1), кулик (1).

– 9 названий декоративных птиц: *попугай (43), голубь (42), павлин (25), жаворонок (10), певчий дрозд (4), лазоревка (1), сутора (1), чечётка (1).*

Основными прототипическими образами в категории "птицы" в обеих культурах являются: *курица/петух, утка, голубь, воробей, ласточка, ворон/ворона, кукушка, сорока, лебедь, журавль, павлин, попугай.*

В русском языке выделено 957 паремий с компонентом-орнитонимом из следующих словарей: «Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц», «Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок», «Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т.». В пословицах использованы следующие орнитонимы:

Ворон/ворона/воронёнок (210), курица/кура/курочка (186), сокол (75), гусь (60), воробей/воробушек (62), петух/петушок (53), сорока (49), сова (41), соловей/соловушка (41), кулик (30), журавль (29), синица/ синичка (27), орёл (24), сова (41), кукушка/кукушечка (38), утка/утёнок/уточка (25), голубь /голубица/ голубка/ голубочек/ голубушка (24), павлин/пава (19), лебедь (13), индюк (8), дятел (7), ласточка (6), галка (6), гагара (6), ястреб (6), сойка (5), чайка (5), коршун (4), попугай (4), скворец (3), беркут (2), выпь (2), перепел (2), баклан (2), овсянка (1), стриж (1), тетерев (1), цапля (1), цесарка (1), королёк (1), райская птица (1).

В китайском языке из таких словарей, как «Вэнь Дуаньчжэн. Полный свод пословиц Китая. В 2-х частях», «Вэнь Дуаньчжэн. Словарь китайских пословиц», «Чжэн Хунфэн, Цзян Жуйлян. Китайские пословицы», было выделено 895 единиц со следующими орнитонимами:

Курица/петух (370), ворон/ворона (160), феникс (101), утка (80), воробей (68), орёл/сокол (34), дикий гусь (30), ласточка (25), голубь (20), гусь (14),

журавль (19), мандаринка (9), фазан (8), лебедь (7), попугай (7), коршун (7), птица Луань (6), птица Пэн (6), сова (5), сорока (4), павлин (4), перепел (4), кукушка (4), домашний голубь (3), горлица (3), зимородок (2), ястреб (3), китайская иволга (3), цапля (3), чайка (2), дятел (2), певчий дрозд (2), баклан (1), дрофа (1), кулик (1), жаворонок (1), птица Чжэнь (1).

Лингвокультурологический анализ орнитонимов становится отправной точкой, базой для лексикографического описания этих единиц в учебных лингвокультурологических словарях. В первую очередь внимание при составлении учебных лингвокультурологических словарей уделяется лакунам как очевидным факторам, нарушающим коммуникацию. Сопоставление единиц с большой номинативной плотностью заслуживает не меньшего внимания, поскольку они отображают процесс закрепления в культуре национальных символов и стереотипов, которые в силу различий в историческом, мифологическом и религиозном развитии, не совпадают у русского и китайского народов.

Таким образом, мы разделяем самые репрезентативные орнитонимы, используемые в поговорках двух языков на три группы, номинативная плотность которых наглядно представлена в следующих таблицах.

Таблица № 1. Несовпадающая номинативная плотность орнитонимов, используемых в поговорках двух языков

Орнитонимы в русских поговорках	Орнитонимы в китайских поговорках	Частное от деления большего числа на меньшее
Сова (41)	猫头鹰 (夜猫子) (5)	8.2
Сокол (75)/ Орёл (24)	鹰 (34)	2.9
Кукушка (38)	布谷鸟 (杜鹃) (4)	9.5
Сорока (49)	喜鹊 (4)	12.3
Павлин/пава (19)	孔雀 (4)	4.8
Утка (25)	鸭 (80)	3.2

В данной части работы мы использовали математическую формулу, которая даёт возможность абстрактного сопоставления лингвистического материала.

В каждой подгруппе частное от деления большего числа на меньшее, больше двух. Т.е. количество паремий с каким-либо орнитонимом в одном языке по крайней мере в два раза больше, чем в другом языке.

Таблица № 2. Нулевая номинативная плотность орнитонимов, используемых в одном из языков

Орнитонимы в русских паремиях	Орнитонимы в китайских паремиях
Соловей (41)	夜莺(0)
Кулик (30)	鹈 (1)
Индюк (8)	火公鸡 (0)
Галка (6)	寒鸦 (0)
Гагара (6)	潜水鸟(0)
Райская птица (1)	天堂鸟 (0)
Феникс (0)	凤凰 (101)
птица Луань (0)	鸾 (6)
птица Пэн (0)	鹏 (6)
птица Чжэнь (0)	鸬 (1)
Дикий гусь (0)	雁 (鸿雁) (30)
Мандаринка (0)	鸳鸯 (9)

Орнитонимы, включенные в эту группу, существуют в паремиях одного языка, а в паремиях другого языка не используются или появляются только один раз.

Таблица № 3. Совпадающая номинативная плотность орнитонимов, используемых в паремиях двух языков

Орнитонимы в русских паремиях	Орнитонимы в китайских паремиях	Частное от деления большего числа на меньшее
Курица (186)/ Петух (53)	鸡 (公鸡/母鸡) (370)	1.5
Ворон/ворона (210)	乌鸦 (160)	1.3
Воробей (62)	麻雀 (68)	1
Журавль (29)	鹤 (19)	1.5
Голубь (24)	鸽子 (23)	1
Лебедь (13)	天鹅/鸿鹄 (7)	1.9
Попугай (4)	鹦鹉 (7)	1.8

В отличие от первой группы, частное от деления большего числа на меньшее, в каждого погруппе, меньше 2 (и близко к 1). То есть количество паремий с каким-либо орнитонимом в этих двух языках в данной группе не сильно отличается.

Для данного исследования были отобраны паремии с вышеупомянутыми орнитонимами (за исключением диалектных единиц,

содержащих обсценную лексику, устаревших единиц и т.д.), но кроме того, в исследование были включены паремии с некоторыми другими орнитонимами с целью увеличения репрезентативности анализа. Количество используемого материала приведено в следующей таблице:

Таблица № 4. Количество паремий с компонентом - орнитонимом в русском и китайском языках

Орнитоним	рус.	кит.
Сова	27	4
Сокол / Орёл	сокол 45/орёл 7	8
Кулик	18	1
Кукушка	17	2
Сорока	33	5
Павлин/пава	19	5
Утка	19	20
Соловей	34	0
галка	6	0
Гагара	6	0
Райская птица	1	0
Феникс	0	40
птица Луань	0	6
птица Пэн	0	4
птица Чжэнь	0	1
Дикий гусь	0	18
Мандаринка	0	3
Курица / Петух	курица 37 / петух21	59
Ворон/ворона	76	24
Воробей	16	14
Журавль	29	12
Голубь	24	10
Лебедь	13	6
Попугай	4	6
Другие	17	9

Надо отметить, что некоторые из этих паремий содержат более одного орнитонима. В результате в картотеке исследования насчитывается 375 русских паремий и 191 китайская паремия.

Лингвокультурологический анализ, предлагаемый нами в данной работе, включает следующие этапы:

1) описание этимологии существительного-наименования птицы с целью раскрытия внутреннего образа единицы;

- 2) выявление мифологической составляющей орнитонима в русской ментальности (характерные архетипические мотивы в представлении о птице);
- 3) описание стереотипного представления об орнитониме;
- 4) анализ ассоциаций, связанных со стимулом-наименованием птицы;
- 5) анализ паремий с компонентом-*орнитонимом*;
- 6) рассмотрение текстов, включающих исследуемое существительное;
- 7) сопоставление с китайскими аналогами.

Мифологичность орнитонима обоснована, как правило, целостным представлением национальной мифологической картины мира, которая рассматривается нами как «первая форма познания мира, запечатленная в языке и соответствующих текстах (обычно устных), это целостное миропонимание, в котором различные представления увязаны в единую образную картину мира, сочетающую в себе реальность и фантазии, естественное и сверхъестественное, знание и веру, мысль и эмоции» [Пименова 2014: 39].

Интернет-опрос позволил выявить народные представления, понятные орнитологические образы, зафиксированные в паремиях.

2.2. Лингвокультурологический анализ паремий, не совпадающих по номинативной плотности компонента-орнитонима в двух языках

а) описание паремий с компонентом *СОВА* (41 рус.: 5 кит.)

Сова – это ‘хищная ночная птица с большой круглой головой, большими глазами и с коротким и загнутым клювом’ [БАС. Т.14: 55]. Сова – это образ, который часто встречается в русских паремиях, но появляется всегда как отрицательный символ: *Сова не принесёт добра* [Мокиенко В.М. и др. Большой словарь русских пословиц, 2010: 846] (далее БСРП). В русской мифологии сова – зловещая нечистая птица, символ одинокой женщины, она наделяется демоническими свойствами, в ней видят воплощение черта. Своим появлением и криком возле дома сова предвещает смерть [Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т.5.: 96-98] (далее СД). Однако

именно этот орнитоним используется в поговорах для описания отношения родителей и детей.

Родители чаще всего бескорыстно и безусловно любят своих детей и считают лучшими даже тех, кто внешне выглядит нескладно и неприглядно: *И сова своих детей хвалит; Хвалится сова своими детьми, говорит, что нет краше совиных детей; И сова своего совёнка хвалит: глазастьенький, головастьенький; И сова своих детей хвалит, что её детки хороши: и глазастьы, и ушастьы* [БСРП: 845]; *Сова своих детей хвалила, что они луноглазые* [БСРП: 846]. Сова хвастается красотой своих детей. Чувство родительской любви не зависит от каких-либо внешних факторов, таких как красота, ум и так далее. Эти поговорки основаны на наблюдениях за особыми чертами внешности совы, а также за тем, как совы относятся к своему потомству и выращиванию птенцов. Русские называют совой «человека, у которого круглые, широко открытые глаза и неподвижный взгляд <...>» [Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь, 2004: 160] (далее РКП). Это сравнение не считалось и не считается комплиментом, поскольку внешность совы, хоть и завораживает, но главным образом пугает своей застывшей мимикой. По одной из легенд, сова, нахваливавшая красоту своих детей перед другими птицами, вынуждена была перестать летать днём и начать скрываться под покровом ночи, чтобы избежать очевидных насмешек над собой и совятами [СД. Т.5.: 97]. Но даже если и так – сова продолжает считать своих детей лучшими, а отношение к потомству является едва ли не единственной положительной чертой данного стереотипа в русском языке. Пословицу используют в ситуации, когда хотят упрекнуть мать, которая непомерно хвалит своих детей. Приведём пример из басни Юрия Девянова:

«<...> Взамен у ястреба просила:

«Моим птенцам не делай зла.

«Да, как же их, сова, узнаю.

«О, ястреб,— молвила сова. —

Они цветам подобны мая,

Лети и помни же слова.

Когда к гнезду она вернулась

Он всех совят в когтях унёс.

Они ему не приглянулись.

Глаза большие, крюком нос.

Всем матерям, как и поэтам,

Свои творенья краше всех.

Коль подтвердят красу всем светом,

Вот это истинный успех!» [<https://stihi.ru/2012/11/27/10643>].

Орнитоним *сова* в составе русских паремий формирует **УК: *Все родители любят своих детей.***

Кроме того, в дихотомии «свой – чужой» существуют такие пословицы с компонентом *сова*, как: *Сова о сове, а всяк о себе.* * Заботится [БСРП: 846]. Синонимичная единица: *Своя рубашка (рубаша) ближе к телу.* ‘**Собственное благополучие дороже интересов других людей**’ [Жуков 1991: 292].

Русские не только считают сову некрасивой, но также наделяют образ совы нечистой и зловещей силой. Из-за бесшумности ночного полета, светящихся глаз и жутких криков, сову связывают со смертью и оккультными силами. Согласно этнолингвистическому словарю «Славянские древности», *сова*: 1) наделена демоническими свойствами, рассматривается как воплощение черта; 2) предвестник смерти; 3) не может дружить с другими птицами. Это часто упоминается в легендах и поверьях: другие птицы гонятся за совой, из-за того, что она – разбойница; помогает чудовищной птице Куку охотиться на других птиц и т.п. [СД. Т.5: 96-97].

В составе паремий орнитоним *сова* противопоставляется компоненту *сокол*, который используется по отношению к ‘юноше, мужчине, отличающемся красотой, смелостью, удалью’ [БАС. Т.14: 183]. Сова в славянской мифологии воплощает черты противоположные красоте, смелости и удали, она уродлива, труслива и смешна [СД. Т.5: 98]. На противопоставлении данных стереотипов построен ряд пословиц, которые

отражают **УК: *Какие родители, такие и дети*: Сова не родит сокола, а такого же чёрта, как сама; От совы соколы не родятся; Из совы сокол не будет [БСРП: 846], а также отражают идею предначертанности определённого пути: *Сова хоть бы под небеса летала, а всё соколом не будет* [БСРП: 846]; *Хоть под небесами летай, а все сове соколом не быть* [Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. Т.2: 301] (далее Даль). В таких паремиях находит отражение и **УК: *Сущность трудно скрыть и изменить***. Сокол – птица «хищная», крайне опасная, как и сова, но обычно воспринимается русскими в положительном ключе. Сова никогда не сможет притвориться орлом, потому что: *Знать сову и по перьям; Знать сову и по полёту; Сову видно по полёту* [БСРП: 846]; *Видать сову по полёту*. По манере поведения, по поступкам, делам сразу видно, что это за человек' [Жуков 1991: 68; 69]. Из этих пословиц удалось выделить **УК: *О сущности человека (не) судят по внешнему виду***.**

Такая УК часто используется при выборе партнера жизни и друзей. При выборе жены мужчина ведет себя рационально, учитывает множество различных факторов: *Видать сову по полёту, а девушку по походке* [БСРП: 846]. Выбирающему жену рекомендуется оказывать предпочтение девушкам, отличающимся строгим поведением и добропорядочным образом жизни, не бранчливым. Ярким примером может служить пословица: *Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли сову госпожу?* [БСРП: 859]. В русских представлениях, во-первых, *сова* – некрасивая птица, у которой круглые широко открытые глаза. Во-вторых, сова относится к «ночным, зловещим, птицами и наделяется демоническими свойствами» [РКП: 159]. Образ такой птицы «отражает мотив одиночества: нередко она выступает как символ женщины безбрачной (вдовы, старой девы) или распутной (неверной жены)» [там же]. Согласно поверьям, крик совы предвещает смерть, гибель урожая или пожар [там же]. Но всё это не имеет значения при выборе жены. Основанная на характеристике голосов птиц, приведенная выше пословица акцентирует внимание на другом. Щекотать – 'О пении некоторых птиц (соловьев, канареек и т.п.)' [БАС. Т.17: 1657]. Сорока – птица, 'издающая

характерный крик – стрекотание' [РКП: 203]. Такая птица болтлива. Русские сравнивают недалёких женщин, которые любят сплетничать, распространять слухи, с сороками [РКП: 164]. Также неприятен крик вороны, который не только некрасив, но и часто является предзнаменованием худых вестей [СД. Т.1: 436]. Здесь сова противопоставлена другим птицам именно по манере говорить: она произносит звук, похожий на "Угу, угу!" (в основном, только ночью) – это знак согласия. Хороша жена та, которая со всем соглашается и мало говорит, вероятно, именно поэтому пословица останавливает свой выбор на "сове госпоже". Если женитесь на "сороке", то будете терпеть пустую болтовню и шум, на "вороне" – вас ждут несчастья. Из трёх птиц, приведённых в паремии, "сова" – это лучший вариант.

Поскольку совы всегда действуют ночью, в Китае сову также называют *полуночным котом*. Образ совы используется в китайских паремиях гораздо реже, чем в русских, но китайцы так же, как и русские, рассматривают сову как птицу, приносящую несчастья: *夜猫子进宅 – 无事不来。* – *Сова прилетает – без дела в дом не ходят.* Это означает, что гость принесёт что-то неприятное [Словарь китайских Суюй: 1002]. *夜猫子不黑天不进宅, 黄鼠狼不深夜不叨鸡。* – *Сова не прилетает в дом до темноты; хорёк не приносит курицу в зубах до поздней ночи.* Плохие люди всегда совершают плохие поступки в то время, которое они считают наиболее подходящим [Чжэн Хунфэн, Цзян Жуйлян. Китайские пословицы, 2008: 65] (далее КП), потому что, они боятся раскрыть свои плохие намерения: *夜猫子害怕见太阳。* – *Сова боится увидеть солнце* [КП: 369]. Кроме того, в китайской культуре сова извещает о смерти, является птицей злой и непочтительной, которая по легенде съела свою мать [<https://www.cidianwang.com/shuowenjiesi>], но это не отражено в пословицах.

Хотя стереотипные представления о сове в культурах обеих наций негативны, в современной русской культуре с образом совы также связано представление о мудрости [РКП: 160], а в Китае сова никогда не имела

положительного образа в глазах большинства людей, на сову обращено меньше внимания.

б) описание паремий с компонентом *СОКОЛ/ОРЁЛ* (99 рус.: 34 кит.)

Слово *сокол* восходит к др.-инд. Sakunas «какая-то большая птица» [Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.3: 708-709] (далее Фасмер). Согласно толкованиям в словарях, сокол – это ‘хищная птица с сильным клювом и длинными острыми крыльями, парящая во время полета’ [МАС. Т.4: 187]; ‘хищная птица, отличающаяся быстрым парящим полётом’ [Ожегов, Шведова 2006: 744]; ‘хищная птица, способная долго и высоко летать парящим полетом и питающаяся птицами, насекомыми и др. мелкими животными’ [Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Т.4: 364] (далее Ушаков).

Словарные дефиниции в разных источниках очень отличаются по своему содержанию: на основании таких определений иногда трудно понять, о какой птице идет речь [Зиновьева 2016б: 37]. Если следовать требованиям, которые выработаны в русском языке к описанию предметно-конкретной лексики (к которой относятся орнитонимы) в толково-энциклопедических (к которым отчасти относятся лингвокультурологические словари) словарях, то можно орнитоним сокол определить следующим образом: один из наиболее крупных представителей семейства соколиных, отличается сильным клювом и длинными острыми крыльями. Такие птицы любят устраивать в небе воздушные игрища, демонстрируя маневренность и красоту своего полета. Что подтверждается следующими пословицами: *Видать сокола по полёту; Знать сокола и по полёту. Сокола по полёту узнают. О соколе судят по полёту* [БСРП: 849]. **УК: О сущности человека (не) судят по внешнему виду.** Сравним: *По одежке встречают, по уму провожают.*

В этих пословицах часто содержатся критерии выбора мужа: *Видать сокола по полёту, а доброго молодца по походке; Ясного сокола видать по полёту, а молодца – по походке; Знаешь сокола по полёту, а добра молодца по походке; Знать сокола по полёту, а молодца по выходке* [БСРП: 849]. Походка

имела и имеет большое значение для описания внешности и характера человека. Походка каждого индивидуальна, поэтому по походке можно узнать о состоянии физического здоровья человека (походка зажатая или свободная), о его профессии и темпераменте (походка спокойная или энергичная, уверенная или неуверенная, легкая или тяжелая, расхлябанная или собранная) [<http://profidom.ru/Uznayu-po-pohodke>].

Пословица говорит нам о том, что предки русского человека уже очень давно обратили внимание на соотношение походки и характера человека. Подтверждением этому может быть анализ лексических единиц *походка* и *выходка* в составе паремии. Слова *походка* и *выходка* чередуются в пословице не случайно, оба варианта имеют право на существование. Доказательством тому служат два ряда синонимов, зафиксированных различными словарями: 1) *Знать сокола по полёту, а молодца по походке (по выходке, по выступке)*, т.е. по манере ходить; 2) *Знать сокола по полёту, а молодца по речам (по поступкам, по хватке)*, т.е. по характеру. Слово *выходка* в русском языке может обозначать и особый способ ходить, и 'поступок, противоречащий общепринятым правилам поведения': *Мальчишеская выходка* [МАС. Т.4: 290]. Оба значения актуальны: выбирай мужа и по внешним данным, и по поступкам.

В фольклоре *сокол* «преимущественно наделяемая мужской символикой» птица [СД. Т.5: 98]. *Сокол* – «ласковое обращение к юноше, мужчине (обычно в сочетании со словом «ясный»)» [БАС. Т.14: 184]. Образ «сокола» часто используется для обозначения мужчины, юноши, отличающегося удалью, отвагой, красотой [МАС. Т.4: 187], которые «находятся в неразрывном единстве с сердечной открытостью и душевной чистотой» [Словарь русской ментальности. Т.2: 298].

Однако все эти качества меркнут перед слепой любовью, которую человек может испытывать к объекту своей страсти. Любящий человек часто не замечает недостатков того, кого любит и не слушает ничьих советов: *Полюбился (Полюбится) сатана пуще (лучше) ясного сокола* [БСРП: 784].

Любовь парадоксальна, и у неё нет причин. Общество может считать кого-то недостойным любви, но всегда найдётся тот, кто этого не будет замечать: *Сокол лебеда летая бьёт, а ворона себе сидя и жабу жрёт* [БСРП: 849]. Как было отмечено ранее, в представлении русских образ сокола обладает большими положительными характеристиками, нежели образ совы. Но в любви всё непредсказуемо: *Полюбится сова лучше ясного сокола; Поглянулась сова лучше ясна сокола; Покажется сова лучше ясного сокола* [БСРП: 845]. Эта же мысль может быть выражена следующим образом: *Любовь зла, полюбишь и козла; Не по хорошу мил, а по милу хорош.*

Кроме того, о равенстве партнеров в браке говорит такая пословица: *Сокол горит любовью к соколихе, осётр – к осетрихе* [БСРП: 849]. Правда, стоит заметить, что выраженная с помощью орнитологического кода данная мысль в русском языке нам больше не встретила.

Итак, пословицы с компонентом **сокол** формируют такие ментальные УК о выборе партнера для жизни: **1) При выборе брачного партнера нужно смотреть не только на внешние данные (походка), но и на его (её) поступки; 2) Любящий человек часто не замечает недостатков того, кого любит.**

Однако некоторые люди воспринимают брак скорее как оковы и вынужденный долг: *Рад бы соколом, да жена кошелём.* ‘Жена кошелём – о беременной женщине’ [БСРП: 849]. Наречие «соколом» означает быстро, гордо, смело [МАС. Т.4: 187]. *Сокол* символизирует «напористый порыв, свойственный молодости <...> и часто граничащий с безрассудством» [РКП: 161]. Свойства такой птицы – «стремительность и безрассудство поведения» [Словарь русской ментальности. Т.2: 298]. Поговорка *Вольный сокол*: «О свободном человеке, не имеющем семьи» [Мокиенко и др. 2007: 630]. После того, как жена забеременеет, муж не может быть таким же безрассудным, как раньше, не может действовать опрометчиво, он обязан нести ответственность за свою семью.

Категория «свой – чужой» как один из типичных аспектов в выявлении ценностных УК также проявляется в пословицах с компонентом-орнитонимом, отражающих супружеские отношения: *Своя жена – ворона, а чужая – соколёна; Ближняя – ворона, а дальняя – соколёна* [БСПП: 154]. В русских представлениях, ворона – некрасивая, нечистая птица, а соколёна – ‘девушка, женщина, отличающаяся красотой’ [Ефремова Т.3: 347]. ***Чужая жена кажется лучше.***

Оттеняют друг друга орнитонимы *сокол* и *ворона* и при демонстрации правил поведения в семье. Например, когда речь шла о количестве детей в семье. Детей в китайской семье всегда было много. Та же ситуация с количеством детей в семье была и в России. Семей с одним ребёнком было крайне мало. Особенно среди крестьянской части населения. В многодетных семьях родители воспитывают своего первого ребенка очень серьезно, относятся к нему, как к сокровищу, а ко второму и третьему ребенку не так бережно, как к первому: *Первые детки – соколятки, последние – воронятки* [Даль. Т.1: 334]. Слово *сокол* часто связывается с прилагательным, имеющим позитивные значения, такие как: вольный, гордый, добрый, красивый, сильный, ясный и др. [Словарь русской ментальности Т.2: 298]. Сокол «способен совершать отважные, дерзкие и героические поступки. В представлении русских связывается с положительным началом <...>» [РКП: 161].

Видно, что в русских пословицах орнитонимы *сокол* и *ворон/ворона, сова* часто появляются в виде сравниваемых пар, носителей контрастных характеристик. Компонент-орнитоним *сокол* является носителем положительных стереотипных и символических значений, в то время как *сова/ворона* являются стереотипами отрицательных характеристик. Это можно подтвердить многими пословицами, например, пословица о том, что не стоит судить человека по его внешности, потому что: *Видом сокол, а голосом – ворона* [БСПП: 122]. ***Сущность трудно скрыть и изменить: Не бывать вороне соколом.*** [БСПП: 156]. *Как ни бодрись ворона, а [ей] до сокола далеко*

[БСРП: 155]. Когда замечательного, достойного человека сменил заурядный, недостойный, русские говорят: Сокол с места, а сова на место [БСРП: 849]; Был бы сокол, а вороны налетят [БСРП: 848].

В состязании между воронами и орлами вороны всегда оказываются в невыгодном положении: *Не пугай сокола вороной (вороною); Не умела ворона сокола щипать*. Из предания, будто М.И. Платов (русский военачальник, генерал) был в гостях у неприятелей-французов, и, отъезжая, сказал это' [БСРП: 155-156]. Однако раненый сокол уже не обладает таким преимуществом: *Мёртвым соколом и вороны (утки) не затравишь; Мёртвым соколом ворон не травят; Мёртвым соколом и вороны не затравишь; Мёртвым соколом не ловят и ворон; Пешего сокола ворона бьёт; Подстреленного сокола и ворона клюёт; Подстреленного сокола и ворона носом долбит; Над пуганым соколом и вороны грают* [БСРП: 849]. Это можно интерпретировать следующим образом: сильный человек в непривычной для себя среде, в тяжелом положении становится слабым и уязвимым, даже слабее обычных или слабых людей.

Обратимся к примеру из НКРЯ:

«Он, послушав правдолюбивых и сердобольных советников своих, приказал немедленно отобрать от Ивана Молодого Сержанта, Удалой Головы, без роду, без племени, спроста без прозвища, все документы царские, чины, ордена, златочеканные медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него более вельможи, бояре царские, стали клеветать, обносить, оговаривать. Подстреленного сокола и ворона носом долбит; свались только с ног, а за тычками дело не станет! Бился, бился наш Иван — какого добра еще дожидаться? Надувшись на пиво, его не выпьешь; глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь» (В.И. Даль. Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища, 1832).

В китайском языке есть синонимичные единицы: 秃爪子老鹰, 抓不住 芦花大母鸡。 – Сокол/орёл с плешивыми когтями не может поймать курицу

[КП: 491]; *凤凰落地不如鸡*。 – Когда феникс садится на землю, он хуже курицы/петуха [Вэнь Дуаньчжэн. Словарь китайских пословиц. 2011: 197] (далее СКП).

Данные паремийные единицы репрезентируют **УК: Сильный человек, потерпевший бедствие, уязвимее, чем обычные/слабые люди.**

Всё, чем жил человек в глубоком прошлом, и что сейчас активно используется в формировании культурных кодов и стереотипов, определяет культурный менталитет народа. Фразеологизмы выступают как «своего рода шаблоны национально-культурного миропонимания, как достояние национального сознания» [Телия 1996: 239]. Языковые и культурные стереотипы, возникшие на основе наименований животных, сформировались, очевидно, в силу «произвольной избирательности» [Зимин, Пак Сон Гу 2004: 102-114]. Так семейства ястребиных и соколиных птиц включают более 150 наименований, однако в состав паремий входит всего 3 орнитонима: *орёл*, *сокол*, *ястреб*. Орнитонимы *орёл* и *сокол* имеют как сходства, так и различия, однако на аксиологической шкале ценностей в русском языке они занимают положительный полюс, в то время как орнитонимы *сова* и *ворона* в составе паремий – отрицательный.

Орлом могут назвать мужчину, который в представлении языкового сообщества имеет множество неоспоримых достоинств, обладает мужественной красотой, отвагой, смелостью и так далее [МАС. Т.2: 638]. *Орёл* – благородная птица, которую в славянской культуре почитают как «божью птицу, царя птиц и владыку небес» [СД. Т.3: 558]. Поэтому, когда речь идёт о родственных связях, особенностях наследования детьми родительских черт, *сова* и *орёл* также выступают как образы-носители противоположных качеств (хорошее – плохое): *Орёл орла плодит, а сова сову родит* [БСРП: 627]; *Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла; Сова не родит орла, а такого же черта как сама* [Даль. Т.2: 208]. Данные паремийные единицы репрезентируют **УК: Каковы родители, таковы и дети, дети похожи на родителей.** Кроме того, **УК: Люди с разными мировоззрениями не дружат**

также отражается в пословицах с этими орнитонимами: *Орёл с вороною не толкуется; Орёл с вороною не толкует* [БСРП: 627].

Сокол и орёл на китайский язык переводятся иероглифом 鷹. Частота орнитонима *сокол/орёл* в китайских пословицах намного ниже, чем в русских. Причины, по нашему мнению, заключаются в следующем. Русские уважают сокола, с одной стороны, за его смелость и отвагу, а с другой стороны, за то, что сокол является хорошим помощником на охоте. [http://worldencyclo.ru/?p=116]. В Древнем Китае культура кочевничества была не так развита, как на Руси. Кроме того, хотя орел так же символизирует силу и мужество в китайской культуре [Лю Сичэн, Ван Вэньбао. Словарь китайских символов. 1991: 330] (далее СКС), но есть множество других птиц с таким же образом (например, Пэн), с которыми мы подробно познакомимся ниже.

Обратимся к китайским пословицам с компонентом *сокол/орёл*.

Китайцы сравнивают сильного и мужественного человека с соколом/орлом: *暴风雨折不断雄鹰的翅膀。 – Буря не может обломать крылья орла/сокола* [Вэнь Дуаньчжэн. Полный свод пословиц Китая. 2004: 28] (далее ПСПК). Это означает, что неудачи не сломят сильных. Именно трудности закаляют людей, делая их великими: *花盆里长不出苍松, 鸟笼里飞不出雄鹰。 – Сосны не растут из цветочных горшков, орёл/сокол не вылетает из клетки* [ПСПК: 370]. Это можно интерпретировать, так что сосне нужно испытывать разные условия существования, в том числе ветер и дождь, а соколу нужно практиковаться в небе, на свободе. Здесь **УК: Трудности делают человека сильнее**. И после того, как человек добился успеха и получил высокую должность, он не должен забывать, что он является членом коллектива: *雄鹰飞得再高, 影子还在地上。 – Как бы высоко ни летел сокол, тень все равно на земле* [КП: 63].

Китайцы считают, что сокол/орёл – умная, скромная и осмотрительная птица: *鹰在高空筑巢, 蛟入深水作戏。 – Орёл/сокол строит гнездо на высоте, рыба входит в глубокую воду перед игрой*. Мудрые люди всегда должны быть

осмотрительными [СКП: 1115], они должны уметь скрывать свои истинные силы: *鷹立如睡, 虎行似病。* – Когда орёл/сокол стоит, кажется, что он спит; когда тигр ходит, кажется, что, он болен [КП: 631]. **УК: По-настоящему умный человек не раскрывает свои преимущества сразу.**

В китайских пословицах образы сокола/орла и зайца связаны: *鷹飽不拿兔, 兔飽不出窩。* – Сытый сокол/орёл не тронет зайца, сытый заяц не выйдет из норы. Эта пословица говорит, что некоторые люди перестают усердно работать, как только они становятся богатыми в жизни [КП: 678]. Ещё одна пословица гласит: *不見兔子不撒鷹。* – Не спускай орла/сокола, пока не увидишь зайца. Не торопись начинать, пока у тебя нет уверенности [СКП: 35]. **УК: Человек должен хорошо обдумывать предстоящие действия.**

В целом, стереотипные представления об этих птицах совпадают в двух языках и опираются они в основном на наблюдения за жизнью птицы в природе.

в) описание паремий с компонентом *КУКУШКА* (38 рус.: 4 кит.)

Кукушка – лесная птица, издающая звук «куку» [Ушаков. Т.1: 1543]. Поэтому название «кукушка» происходит от данного звукоподражательного слова [Фасмер. Т.2: 407]. Крик кукушки часто расценивался как злое слово [СД. Т.3: 38]: *Кукушка кукует – горе вещует* [БСРП: 458].

Кукушка обычно не вьёт собственные гнезда и кладёт яйца в чужие [Ушаков. Т.1: 1543]. Это отражено во многих русских пословицах: *Кукушка своего гнезда не вьёт* [БСРП: 458]; *Не диковина, что кукушка в чужое гнездо села, а то [была бы] диковинка (диковина), кабы своё свила* [БСРП: 275]; *Кукушка кукует – от бездомья горюет; О том толкует кукушка, что своего гнезда нет; Оттого кукушка по чужим гнёздам бедует, что своего нет; За то кукушка без гнезда, что в Благовещение его завилла* [БСРП: 458]. Благовещение – православный праздник, который совершается ежегодно 25 марта по старому стилю. Прилёт кукушки приурочивается к Благовещению [СД. Т.3: 38].

В китайском языке есть похожая пословица: 杜鹃咕咕叫, 是为无家忧。

– *Кукушка* кукует, и она печалится из-за того, что у нее дома нет [ПСПК: 225].

Именно из-за данной особенности поведения кукушки русские ассоциируют её с матерью, которая не заботится о своих детях, оставляя их на попечение других или даже бросая на произвол судьбы [РКП: 105-106]. Поэтому говорят: *Кукушка не мать, не каждому судьбу поймать; Кукушка не мать, не каждому счастье поймать* [Уваров]. Орнитоним кукушка отражает УК о том, что **плохие (нерадивые) родители не заботятся о своём потомстве.**

В русской народной культуре кукушка – птица, наделённая женской символикой [СД. Т.3: 36]. Стоит отметить, что в русских пословицах кукушка часто ассоциируется с образом жены. Жена наделённая образом кукушки, умеет убедить мужа в том, что ему необходимо прислушиваться к ней, особенно когда происходит ссора между свекровью и невесткой: *Ночная кукушка* *денную (дневную) перекукует (перекокует)* «1). О жене и матери: Сын жену послушается, а мать нет. 2). О любовнице и жене. <...> Ночная кукушка – жена. <...>» [БСРП: 458]. Конфликт между свекровью и невесткой – извечная проблема: *Кукушка соловушку бранит; Кукушка соловушку журит, свекровь сноху* [БСРП: 458]. Так с помощью образа **кукушки** выявляются УК: 1) **Жена имеет большее влияние на мужа, чем другие родственницы;** 2) **Мира между свекровью и невесткой не может быть.** Вторая УК иногда выделяется из русских пословиц с компонентом *гусь*: *Две гусыни в одном гнезде не усидят* [БСРП: 231] (*Две медведицы в одной берлоге не уживутся*). Гусыня: ‘О нерасторопной, глупой женщине’ [Ушаков. Т.1: 642]. Обычно, считается, что если в семье две хозяйки (сноха и свекровь, невестка и золовка, две невестки и т.п.), то ссор не избежать. «Женщина в русских паремиях о семье считается носителем греха – чем больше женщин, тем больше греха: *Больше баб в семье, больше греха*» [Зиновьева, Алешин 2022: 140].

Кроме того, важно отметить, что в русской культуре кукушка, хоть и является птицей с ярко выраженной женской символикой, имеет связь «с горем, разлукой, смертью и миром мертвых» [СД. Т.3: 36]. В русской культуре происхождение образа кукушки часто связывают с отношением общества к женщине, которая по тем или иным причинам потеряла свою семью, осталась одна [там же]. В легендах кукушкой становится жена, тоскующая по утонувшему мужу, отданному в солдаты, пропавшему на войне, брошенному и умершему и т.п. [там же]: *Не кукушка кукует, а жена горюет* [БСРП: 458]. Кукушка не вьет гнезда, поэтому её образ ассоциируется с мотивом одиночества, неустроенности в жизни [РКП: 105]: *Бездомова кукушка по лесу летает, бездомова баба по суседям сигаёт* [БСРП: 458]; *Жена не кукушка, своё гнездо знает* [Уваров]. В современном русском языке кукушкой называют женщину, которая не имеет «своего постоянного жилья, при этом ведущую легкомысленный, неблагоустроенный образ жизни» [РКП: 106]. Мифологическая составляющая о плохой матери оказывается актуальной для современного носителя русского языка. Представление же о кукушке, как одной из птиц с ярко выраженной женской символикой, появление которой связывают с нарушениями семейно-родственных или брачных отношений (утрата брата, мужа, жениха), в сознании современного носителя языка (по данным интернет - опроса) не отразилось.

Обратимся к примерам из НКРЯ: «А Штайн ещё как кукушка/ он бросает своих детей» (Евгений Миронов. Интервью с актером Е. Мироновым, 2007 // Т/к «Культура», декабрь 2006); «Японскую макаку Бонсайку впору называть кукумакой Бросайкой: она, как кукушка, уже во второй раз отказалась воспитывать новорожденного детеныша» (Надежда Павлова. Япона мать // «Ивановская газета», 2013.06.13); «И он выбрал себе семью, в которую, как кукушка, залетел сам, однако же не вытесняя и не обездоливая его обитателей» (Г. Д. Катанян. Азорские острова, 1955-1990).

Образ кукушки используется в китайских поговорках реже, чем в русских. В китайской культуре кукушка имеет около 50 названий [СКС: 71]. Наиболее распространенные из них: 布谷鸟 *Птица-Бу* и 杜鹃 *Ду Цзюань*.

Птица-Бу Гу имеет два значения: 1) «Бу Гу», как и русское слово «кукушка», является звукоподражанием. Крик кукушки: Бу Гу. 2) Бу Гу также означает засев. Обычно кукушка кукует во время посева, поэтому ее считают птицей, которая мотивирует людей заниматься земледелием [Ло Цзэсянь 2007: 71]. Именно поэтому образ кукушки в китайском языке чаще встречается в сельскохозяйственных приметах, например: 布谷鸟儿叫, 种谷时节到。 – *Кукушка кукует – пришло время засеять хлеб* [ПСПК: 74].

Название Ду Цзюань происходит от имени правителя царства Шу, встречающегося в одной сказке. В конце правления династии Чжоу, один из правителей – Ду Юй, который ещё называется 望帝 *Ванди*, после своей смерти превращался в кукушку [Ло Цзэсянь 2007: 70]. Выражение, связанное с этой сказкой, таково: 望帝啼鹃 – *Ванди, который превратился в кукушку, кричит*. Таким образом описывается печальный крик кукушки, и используется для передачи печали и тоски по родине [Байду байкэ].

В китайских представлениях кукушка является обиженной и сетующей птицей, обладающей проникновенным криком, похожим на плач. Кроме того, в окрасе у данной птицы присутствует красный цвет на клюве, что напоминает кровавый кашель [Ло Цзэсянь 2007: 72]. Существует выражение 杜鹃啼血。 – *Кукушка кричит кровью*. Это означает, что печаль достигла предела [Байду байкэ]. Из-за особого крика и физических характеристик кукушки китайские поэты считают её обиженной, печальной птицей, и используют её образ, чтобы выразить свою грусть. Орнитоним *кукушка* часто появляется в стихотворениях на следующие темы: переживание неудач, тоска по дому (но неспособность вернуться) [Ло Цзэсянь 2007: 72].

Кукушка – один из наиболее стереотипных образов в русской и китайской культурах. Однако в отличие от русского языка, образ кукушки в

китайском языке чаще используется в стихах и приметах, чем в паремиях. Хотя кукушка является отрицательно оцениваемой птицей в культурах обеих стран, стереотипы восприятия, основанные на мифологии России и Китая, не совпадают: кукушка в Китае запечатлена в стихах печали по Родине, а в России кукушка получает отрицательную характеристику, которая базируется на мифах о плохой матери или жене.

г) описание паремий с компонентом *СОРОКА* (49 рус.: 4 кит.)

Сорока – в толковых словарях русского языка определяется как ‘птица семейства вороновых с длинным хвостом и чёрным с белым оперением, издающая характерные звуки – стрекотание [Ефремова. Т.3: 360]; Слово древнее, возводится к древне-индийскому *sacrih* – «какая-то птица», название звукоподражательное [Фасмер. Т.3: 723].

В основе мифологической составляющей этого орнитонима лежат отрицательные характеристики данного представителя вороновых. Согласно русским представлениям, сорока – нечистая птица, символика которой определяется её демонической природой. Приметы с компонентом сорока обычно имеют зловещий характер. Стрекочущая сорока перед сборами в дорогу – к несчастью. Сороки стрекочут на хате, под окном или на заборе – к смерти в доме [СД. Т.5: 125-126]: *От сороки не жди проку; У сороки повёртка бесовская* [БСРП: 859].

Бытовая составляющая образа сороки тоже несёт отрицательный заряд:

Поговорка *Сорока на хвосте принесла*: ‘Неизвестно, откуда (узнал что-либо) используется чаще как шуточный или уклончивый ответ на вопрос: «Откуда ты знаешь об этом?»’ [Жуков 1991: 313].

В «Русском ассоциативном словаре» самая частотная реакция на слово-стимул *сорока – воровка* (37 ассоциаций) [Русский ассоциативный словарь. 2002: 613] (далее РАС), что вызвано свойственной сорокам повадке «прятать в своём гнезде блестящие предметы» [Ожегов, Шведова 2006: 749]. В подтверждение этому существует пословица: *Охоча сорока до находки*. * *Т. е. воровка* [БСРП: 858].

Отрицательную оценку несёт сравнение *трещит как сорока* – ‘говорит быстро и громко’ [Ожегов, Шведова 2006: 749]. Русские сравнивают сороку со слишком болтливым человеком [Ефремова Т.3: 360], особенно женщиной. В русских поговорках отмечается **болтливость сороки**: *Затвердила сорока Якова, да и зовёт им всякого; Заладила (затвердила, твердит) [как, что] сорока Якова – одно про всякого*. ‘Говорится тому (или о том), кто надоедливо, упорно повторяет одно и то же’ [БСРП: 858]; *Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу* [БСРП: 859]; *С ворон болтун начал, на сорок перевёл* [БСРП: 154]. Однако и самому болтливому человеку язык приносит беды: *Кабы на сороку не свой язычок [век бы по воле летала]; Сорока от своего языка погибает; Сорока сама рассказывает, где гнездо свила* [БСРП: 859]; *Всякая сорока от своего языка погибает (погибнет, гинет)* [БСРП: 858]. Синонимичная единица у этих пословиц: *Язык мой – враг мой*. Пословицы с компонентами **сорока** формируют УК: **1) С болтунами держи язык за зубами; 2) Излишняя словоохотливость вредит себе.**

Сороки держатся стаями, такой вывод можно сделать на основе анализа русских пословиц: *Одна сорока с плоту, а десять на плот; Как одна сорока хвост задерёт, то за нею и все* [БСРП: 858]; *Сорока с плоту, а десять на плот; Сорока с тыну, а десять на тын* [БСРП: 859]. Именно поэтому, **УК: В единении сила** также выражается через пословицы с компонентом *сорока*: *Дружные сороки и гуся съедят; Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют; Дружные сороки и гуся утащат* [БСРП: 859]. Китайские аналоги: *合心的喜鹊能捉鹿*. – Дружные сороки смогут поймать оленя [КП: 303]; *合群的喜鹊能擒鹿, 齐心的蚂蚁能吃虎*. – Дружные сороки смогут поймать оленя, дружные муравьи смогут съесть тигра [КП: 424].

В русской культуре сорока – нечистая птица, близкая к вороне, они объединяются в пару в звукоподражательных шуточных текстах [СД. Т.5: 125-126]: *Знай сорока сороку, а ворона ворону; Сорока в платье и ворона в платье,*

будет платье и на нашей братье; Сорока вороне дивует, а обе на улице ночуют; Сорока вороне дивуется, а обе живут на одной улице [БСРП: 858].

Кроме того, основываясь на внешних характеристиках сороки, существуют следующие пословицы: *И сорока в одно перо не родится* [БСРП: 858]; *Сорока не ворона: в одно перо не родится* [БСРП: 859]. Вариант: *Курица в одно перо не родится*. 'В одно перо означает совершенно одинаковый, очень похожий один на одного' [БСРП: 465]. Все вороны одинаковые, черные, а сорока – двухцветная. В фольклоре сорока показывается нарядной птицей (сорока-белобока), она любит наряжаться и предпочитает яркие украшения [РКП: 163]. **УК: Не все (люди) одинаковы по своим качествам.** Но в то же время русские говорят: *Пестра сорока, белобока, а все одна в одну; Не живёт сорока без белого бока; Не сорока, перо в перо не уродится* [БСРП: 858]; *Только сорока перо в перо родится* [БСРП: 859].

В данном фрагменте номинативная плотность составила 49 (рус.):4 (кит.). Такая разница происходит не от того, что сороки не замечены в Китае, наоборот, китайцы очень любят сорок. В Китае появление сороки считается счастливым предзнаменованием. Это проявляется ещё на уровне словообразования: буквальный перевод сороки на китайский язык – радостная птица (喜鹊). По указанной причине, сорока в качестве счастливой птицы гораздо чаще встречается в народных приметах (нашли 40 единиц), чем в пословицах. Этим можно объяснить положительный оттенок примет с компонентом сорока: *天上喜鹊叫, 好事跟尾到。* – Сорока кричит в небе – к приятному делу [ПСПК: 989]; *喜鹊叫, 贵人到。* – Сорока кричит, благородный человек придёт [ПСПК: 1065]. В китайских представлениях крик сороки предсказывает счастье, прибытие приятных, знатных гостей. А согласно русским приметам с особенной «говорливостью» и «болтливостью» сороки связаны приметы о прибытии гостей и получение известий [СД. Т.5: 126]: *Сорока даром не щекочет; Сорока гостей накликала* [БСРП: 858]. Но «эта примета несет в ряде случаев отпечаток негативной символики сороки,

вследствие чего её крик пророчит иногда именно плохие вести или недобрых гостей» [СД. Т.5: 126].

В дополнение к этому, сорока в Китае символизирует любовь: *喜鹊成双才做窝, 两厢情愿才成婚*. – *Сороки* делают гнездо только в парах, люди вступают в брак только по доброй воле обеих сторон [ПСПК: 1065]. Здесь **УК: Вступай в брак с тем, кого действительно любишь**. Образ сороки тесно связан с китайским традиционным праздником Циси (День влюбленных в Китае), который отмечается 7-го июля по лунному календарю. Эта связь возникла из широко распространенной легенды в Китае: одна небожительница (Чжинюй) и один мужчина на земле (Нюлан) влюбились друг в друга, они счастливо жили на свете, пока об этом не узнала небесная владычица и не вернула Чжинюй на небеса. Во время возвращения Чжинюй владычица нарисовала шпилькой между влюблёнными серебряную реку (Млечный Путь), чтобы Нюлан не смог догнать Чжинюй. С этого момента Нюлан и Чжинюй могут встречаться только раз в год, 7 июля. В этот день ежегодно тысячи сорок прилетают и строят своими телами мост через серебряную реку, чтобы помочь влюблённой паре встретиться, поэтому в этот день на свете сороки редко встречаются: *七月七, 喜鹊稀*. – 7 июля *сорок* очень мало [ПСПК: 683]. В современном китайском языке существует такое выражение: *搭鹊桥* – *строить сорочий мост*, значит сосватать кого-либо. Также есть выражение: *鹊桥相会* – *Встретиться на сорочьем мосту*. Смысл таков: влюбленные или супруги встретятся после долгой разлуки.

Стереотипы восприятия в двух культурах разные: у русских сорока – плохая птица (шумная воровка, связанная в сознании со зловещими приметами), у китайцев же сорока – хорошая птица (помогает влюбленным и приносит счастье людям). Разница в восприятии связана с мифологической составляющей образа этой птицы.

д) описание паремий с компонентом ПАВЛИН/ПАВА (19 рус.: 4 кит.)

Павлин – это птица, которая отличается ‘пестрым ярким оперением и большим распускающимся хвостом (у самцов)’ [МАС. Т.3: 9]. В представлении русских павлин олицетворяет собой чистую красоту и общепризнанный идеал. Следующая пословица указывает на это: *Грудь лебедина, походка павлина, очи соколы, брови собопы* [Уваров]. Один недостаток, по мнению русских, всё же у этой птицы есть – её тощие и короткие ноги: *Павлин бы и красив, да ногами несчастлив; Хорош павлин, да ногами худ* [БСРП: 638]. У любой красоты есть обратная сторона и свои изъяны. Синонимичная единица: *Велик баклан, да есть изъян* [БСРП: 34]. Из пословиц с компонентом *павлин* можно вычленить следующую УК: ***Никто не совершенен, идеальных людей не бывает.***

Вместе с тем, в русской языковой картине мира павлин, его походка и манеры ассоциируются с тщеславными, самовлюблёнными людьми. В русских сказках, преданиях павлин часто выступает в роли глуповатой и чрезмерно горделивой птицы. Русские называют павлином мужчину, который «важничает, показывает свое превосходство, красуется, хвастается, желая произвести впечатление», однако же в реальности ничего особенного из себя не представляет [РКП: 136]. На эту тему существует фразеологизм: *распустить павлиний хвост*.

Данный стереотип существует и в китайской культуре. Используя образы павлина, распускающего хвост, китайцы высмеивают самодовольство людей. Это можно увидеть в следующем выражении: *孔雀开屏—自作多情*. – *Павлин распускает хвост — полагает, что некто в него влюблён (хотя на самом деле это не так)*. Однако в более древней китайской культурной традиции существует полностью противоположный образ данной птицы. Он считается талисманом и символом счастья, картины с изображением павлина часто называются “спокойствие в мире”, а изображение “павлин распускает хвост” символизирует счастье и благоденствие. В дополнение к этому, стоит сказать, что образ павлина связан с властью и карьерой. В династиях Мин и Цин узоры на одежде чиновников могли демонстрировать окружающим их

статус и ранг. В качестве узора на одежде гражданского чиновника третьего ранга выступал павлин, чиновники династии Цин использовали перья этой птицы в качестве украшения на головном уборе, чтобы продемонстрировать всем свою власть и влияние. Изображение “павлиньи перья в коралловой вазе” – символ благополучного карьерного роста [СКС: 156]. Видно, что павлиньи перья являются священным элементом китайской культуры. Китайские пословицы гласят: *孔雀珍惜花翎, 好人珍惜名声。 – Павлин бережёт свои перья, а хороший человек бережёт репутацию; 孔雀爱惜尾巴, 好人珍惜名誉。 – Павлин бережёт свой хвост, а хороший человек бережёт свою славу* [ПСПК: 469]. Репутация человека так же драгоценна для него, как и перья для павлина. Здесь можно выделить следующую **УК: Разумный человек больше всего ценит свою репутацию.**

Образ павлина встречается и в русских пословицах, говорящих о репутации, но с компонентом *пава* – самка павлина: *Какова пава, такова ей и слава* [БСРП: 638]. Это означает, что мнение о человеке в обществе складывается из его поступков. Данная мысль встречается в паремиях русского языка довольно часто: *Какова баба, такова и слава; какова девка, таковы вести (такова ей припевка); Каков Савва, такова ему и слава; Какова Маланья, таково ей и поминанье*. Если человек поступает хорошо, о нём идёт добрая слава, а если ведёт себя неподобающе, тогда о нём плохо отзываются. Следовательно, из пословицы с компонентом *пава* выделяется **УК: Людей оценивают по их поведению и поступкам.**

В русских паремиях образ павы встречается чаще, чем образ павлина. На самом деле самка павлина не так красива, как самец, окрас павы однообразен, а роскошного распускающегося хвоста у неё нет. Однако это никак не повлияло на само восприятие образа в русской языковой картине мира, пава высоко ценится за свои уникальные перья: *Знать пава по перью; Знать паву по перьям* [БСРП: 638]. Стоит отметить, что в русской культуре пава – характеристика для женщины «с горделивой осанкой и плавной походкой» [РКП: 137]. У представленных выше пословиц есть иные варианты с другими

орнитонимами, которые были упомянуты выше, например: *Знать ворона по полёту; Ворону знать и по перью; Знать сокола и по полёту; Знать-то ведь сокола и по полёту; Знать сова и по полёту, и по перьям; Видать сокола по полёту; Знать птицу по перьям, а человека по речам; Знать сокола по полёту, а молодца по выходке* и т. д. Внешние характеристики человека, его манеры, образ сильно влияют на то, каким его видят другие. Итак, пословицы с компонентом *пава* и их варианты формируют такую УК: **О сущности человека (не) судят по внешнему виду.**

Представление о человеке дополняется следующими паремиями со схожим значением: *Красна пав пером, а жена добром; Красна пава пером, а жена – нравом* [БСРП: 638]. Птица может выделяться своими оперением, а женщина, добрым нравом. **УК: В женщине (жене) главное не красота, а добрый нрав (характер)**

Также с помощью образа павы в русских пословицах выделяется мысль о том, что достоинства женщины могут отчасти заключаться в достоинствах её мужа. Отсюда можно сформулировать следующую УК: **Жена мужем красна:** *Красна пава пером, а жена – мужем; Красна пава перьем, хороша жена – мужем; Красна пава перьем, честна (чесна) жена – мужем* [БСРП: 638]. Синонимичные единицы: *Птица красна перьем, а жена – мужем; Птица крыльями сильна, [а] жена – мужем* [БСРП: 730].

В китайском языке существительные не имеют категории рода. Слово 孔雀 является общим названием самца и самки павлина, оно не указывает на пол птицы. Поэтому **сложно выделить** образ самки павлина в китайских пословицах, однако это возможно в культуре. Здесь установки в русской и китайской культурах совпадают. Пава – невероятной красоты девушка, самодостаточная и горделивая. В классической литературе красивая девушка часто сравнивается с павой, а в современном Китае термином 孔雀女 ‘женщина-пава’ называют девушку из богатой семьи, которая выросла в большом городе и с детства купалась в безграничной любви своих родителей. Такие девушки в своей жизни редко сталкивались с трудностями, у них всё в

жизни обычно идёт гладко. Большинство из этих девушек добры, но из-за того, что некоторые из них тщеславны, высокомерны и фальшивы, в большинстве случаев выражение “женщина-пава” имеет уничижительный, негативный оттенок [Байбу байкэ].

В русском фольклоре и авторских баснях выделяется символическая корреляция павы (павлина) с вороной. Например, в басне И.А. Крылова «Ворона» ворона, которая хотела казаться лучше, чем она есть, украсила свой хвост павлиньими перьями. Но в конце концов, ее не признали за свою ни павы, ни вороны. Отсюда произошли пословицы: *От ворон отстала, а к павам не пристала* [БСРП: 154] или в поговорке: *ни павы ни ворона*. Здесь говорится «о человеке, который по своим взглядам, интересам и т. п. отошёл от одних и не примкнул к другим» [Мокиенко и др. 2007: 475], однако по своей сути так и не изменился. Отсюда произошли пословицы с компонентами *павы* и *ворона*: *От одних отстал, к другим не пристал – ни павы, ни ворона; И стала наша Олёна ни павы, ни ворона* [БСРП: 625]. Кроме указанных пословиц в общий список можно добавить следующий фразеологический оборот со схожим значением: *ворона в павлиньих перьях*. Здесь речь идёт «о человеке, который присваивает себе чужие достоинства, чтобы казаться более значительным, и поэтому выглядит смешным и жалким» [Мокиенко и др. 2007: 102]. С этой идеей связана ещё одна пословица: *Отщеголяла ворона в павлиньих перьях, ощипали её* [БСРП: 156]. В русских поговорках выделяется символическая корреляция павы с вороной, и когда эта корреляция появляется, образ вороны всегда имеет негативную окраску (глупая и смешная птица), образ павы же положителен. **УК: Человек стремится казаться лучше, чем он есть на самом деле.**

Также в некоторых пословицах говорится о предначертанности с рождения определённого жизненного пути: *В стае ворон павы не родится; От вороны павы не жди* [БСРП: 157]. **УК: Дети похожи на своих родителей.**

Такая корреляция существует и в китайских пословицах: 孔雀乌鸦不同林, 好人坏人不同群。 – *Павлин и ворона не живут в одном лесу, хороший и*

плохой человек вместе не уживутся [ПСПК: 469]. В этой пословице отражена **УК: Человек стремится к себе подобным**. Хотя ворона также фигурирует в китайской культуре как положительный образ (ворона уважает своих родителей), в большинстве случаев её образ негативен (злая птица). Павлин же в свою очередь – это символ высокой духовной культуры и нравственности. Согласно китайским народным представлениям, эти птицы отличаются не только выразительной внешностью, но и благородными качествами, они обладают девятью особенными характеристиками: 1) приятная внешность; 2) чистый голос; 3) спокойная походка; 4) действуют своевременно (в нужное время); 5) соблюдают умеренность в пище; 6) никогда не жалуются на судьбу; 7) верны своему партнеру; 8) не блудят; 9) постоянно совершенствуются [СКС: 156].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что русских паремий с компонентами *павлин* и *пав* (особенно с компонентом *пав*) значительно больше, чем китайских. Для этого есть множество причин, одна из которых заключается в том, что в китайской культуре существуют образы птиц, которые схожи с образом павлина и используются чаще, например, вариант ранее упомянутой пословицы может быть таким: *феникс и ворона не живут в одном лесу*. Иногда вместо компонента *павлин* используется компонент *попугай*, который также является декоративной птицей.

е) описание паремий с компонентом УТКА (25 рус.: 80 кит.)

Утка – образовано от праславянского корня *ot* или *oty*, родственного древнерусскому и индоевропейскому со значением «водоплавающая птица». В русском языке слово употребляется с конца XIX века [Фасмер. Т.4: 174]. Номинативное значение слова *утка* в русском языке – ‘водоплавающая птица с широким клювом, короткой шеей и короткими, широко поставленными лапами’ [Ожегов, Шведова 2006: 843]. Слово утка ведет свое происхождение от индоевропейской и древнерусской основы в значении «водоплавающая птица». Образ утки как водоплавающей птицы отражен в некоторых русских паремиях, например: *Кинулся за уткой – потерял лодку* [БСРП: 937]. Данная

пословица описывает человека, который в попытке угнаться за чем-то малым, упускает что-то большое и важное. Существуют некоторые пословицы, построенные на намеренном искажении: *Увидал, что на утках озеро плавает* 'О глупом, бестолковом человеке' [Мокиенко и др. 2007: 691]. Также: *Не учи утку плавать, а собаку летать* [БСРП: 937]. **УК: Нет никакой необходимости давать советы человеку, который сам знает, как лучше поступать.** В китайском языке существует шутовское прозвище для человека, который не умеет плавать – сухопутная утка: 旱鸭子下不了水。 – *Сухопутная утка не может войти в воду* [СКП: 266]. Смысл таков: кто-то в чем-то не силен. В противоположном значении слово *утка* употребляется в следующей пословице: 水大漫不过鸭子去。 – *Полые воды не затопят утку* [КП: 619]. В данной паремии существуют два важных смысла. Первый: мастер все трудности сможет преодолеть. Второй – описывает ситуацию, в которой человек с высоким статусом всегда будет иметь преимущество перед человеком с низким статусом [КП: 485]. Похожей коннотацией обладает следующая пословица: 水长鸭子浮。 – *Когда вода прибывает, поднимается и утка*. Смысл таков: по мере улучшения базы всё, что на ней основано, будет расти и улучшаться [СКП: 864]. **УК: С ростом основы возрастает всё, что на ней зиждется.**

В отличие от китайских пословиц, в русских паремиях делается акцент не на преимуществе положения утки в ее родной стихии, а на том, что стоит за ним: *Утка в воду – пузырь кверху* [БСРП: 937]. Это означает, что, несмотря на всю кажущуюся безобидность ситуации, всегда есть что-то укрывшееся от глаз. В славянской культуре, утка часто «смешивается с гагарой и наделяется вместе с ней свойствами нечистой силы. <...> В великопольской легенде о сотворении мира черт велел утке украсть немного земли, созданной Богом» [СД. Т.5: 382-383]. Существуют такие поверья «о душе утопленника, плавающей после смерти в виде синей утки; о черте в облике черной утки, подбивающем человека к самоубийству <...>» [там же]. Пословица данной модели не единственная в русском языке, также существует: *И (все) беси в*

воду, и пузырья вверх. ‘Устар. Экспрес. Никаких следов, улик (не осталось)’ [Фёдоров 2008: 22]. В славянских представлениях вода – место «обитания нечистой силы и душ умерших» [СД. Т.1: 386].

В русских пословицах компонент *утка*, может олицетворять жадность: *Поп как утка: зоб набила, её на сторону своротило, а она всё хватает* [БСРП: 692]; *Попы как утки: уж и зоб своротило, а всё хватает* [БСРП: 695]. Особенно популярным сатирическим образом в русском фольклоре является образ жадного попа. «Ради наживы он пускает в ход все средства, не совместимые с его саном и положением» [Тарасенкова 1957: 63]. Эти пословицы высмеивают корысть и жадность священников, используя характеристики утиного зоба, который представляет расширенную часть пищевода, «где накапливается и предварительно обрабатывается пища» [Ожегов, Шведова 2006: 230]. Утиный зоб часто используется для создания насмешки над ненасытными: *Утиного зоба не накормишь, а подъяческого (поповского, судейского) кармана не наполнишь; Утиного зоба не наполнишь* [БСРП: 379].

Но в славянских народных представлениях образ утки не всегда несет в себе только негативную окраску. По легенде, «утка обязана своим происхождением Христу: уточками стали камушки, брошенные в воду маленьким Иисусом» [СД. Т.5: 383]. Это отражено в следующих пословицах: *Утка да рыбка – Божья дань* [БСРП: 379]; *Рыбку да утку встанью взять, а малых деток бог дает* [Даль. Т.1: 334]. **УК: Дети даются Богом.**

В фольклоре «утка выступает как символ девушки-невесты, часто в паре с селезнем как символом жениха» [СД. Т.5:383]: *Сера утица – охота моя, красна девушка – зазнобушка моя; На то у селезня зеркальца на крыльях, чтоб утки гляделись* [Даль. Т.1: 159]. В некоторых местах «сваты иносказательно объясняют цель своего прихода тем, что они ищут утку для своего селезня» [Даль. Т.1: 383]. Существует поговорка: *Покупать утку.* ‘Свататься’ [Мокиенко и др. 2007: 691]. Иногда утки и гуси могут выступать в качестве пары: *Гусь с уткой идёт, большой боярин вина несёт* [БСРП: 231]. Пословица

описывает свадебный обряд, здесь утка представляет невесту, гусь – жениха, боярин – распорядитель на церемонии (*Большой боярин; Малый боярин*).

В русских пословицах уткой также называют болтливую женщину: *Где утка, там (тут) и мутка*. ‘Утка зд. – баба. Мутка – 1. Муть, осадок нерастворённых частиц в воде. 2. Сплетня’ [БСРП: 937]. В дополнение к этому слово *утка* также означает ‘ложный сенсационный слух’ [Ожегов, Шведова 2006: 843]. Это видно из следующих устойчивых словосочетаний: *Газетная утка*. ‘О лживом известии, напечатанном в газетах’; *Пускать/пустить утку*. ‘Распространять какую-л. ложную информацию’ [Мокиенко и др. 2007: 691]. Кроме того, в современном русском языке в составе сравнений *утка* выступает как символ глупого человека – *умный как утка* (о глуповатом человеке), и стереотипом некрасивой женской походки – ходить (переваливаться, ковылять) *как утка* [Мокиенко, Никитина 2008: 709].

Надо отметить, что в китайской культуре только по иероглифу 鴨 невозможно определить пол птицы. Но в современном переводе иероглиф 鴨 обычно переводится как утка. 鸭 ‘утка/селезень’ – очень оскорбительное прозвище для мужчин в Китае. Во-первых, для тех, у кого неверные жены [Байду байкэ], во-вторых, в китайском языке 鸭 ‘утка/селезень’ – прозвище для мужчины, занимающегося проституцией.

Утка часто появляется в качестве демонстрации чужой неуклюжести: 笨鸭子上不了架。 – Неуклюжая *утка* не может лезть на насест. Птица здесь символизирует нерасторопного и глупого человека, у которого ничего не получается [КП: 3]. Также существует похожее выражение: 赶鸭子上架。 – *Гнать утку* на насест. Смысл таков: заставлять человека делать то, что он не умеет [КП: 644].

Русская народная мысль в первую очередь обращает внимание на зоб утки, а китайская на ее клюв. Например, 处处鸭子是扁嘴。 – *Утки повсюду – плоские клювы* [ПСПК: 131]. Используется для описания ситуаций, в которых нет ничего особенного. 鸭子死了嘴巴硬。 – *Хотя утка мертва, ее клюв все*

еще тверд». В значении грубого и бесцеремонного человека, упорно отстаивающего своё мнение (ошибочное) [КП: 138].

«Утиный клюв» используется для поучения болтунов: *鸭子过河嘴上前。* – *Утки переходят через воду, клювом вперёд* [КП: 138]; *半斤鸭子四两嘴。* – *У половины цзиня утки есть четыре лян клюва* [КП: 272]. Цзинь и лян – китайские меры веса (0.5 цзиня=8 лянов). Китайцы особое внимание уделили и утиным лапам: *鸭子肥不到蹼上去。* – *Какой бы жирной ни была утка, она не толстеет в лапах.* Это ироничное выражение, высмеивающее разрыв между бедными и богатыми [КП: 255].

Образ утки также нашел свое место в отображении китайского культа еды: *煮熟的鸭子又飞了。* – *Вареная утка снова улетает.* Смысл таков: то, что было достигнуто, может вновь пропасть [КП: 681].

Русские пословицы не забывают обращаться к образу утенка: *Два чирёнка – тот же утёнок; Два чирка – тот же крековень, утёнок* [БСРП: 995]. Чирок относится к семейству утиных. Значение данной паремии таково: внешние различия не меняют сути. Следующий пример затрагивает вопрос пагубного вмешательства в чужие дела: *Высидела курица утят, да и плачется с ними.* В китайском языке есть похожее выражение: *鸡抱鸭子 – 干忙活。* – *Курица высиживает утят – работает впустую.* Человек, занимающийся не своим делом, не получит ничего хорошего.

В русской культуре образы курицы и утки взаимозаменяемы: *Не считай утят, пока (коли) не вылупились* [БСРП: 937]. Тот же смысл, что и у аналогичной пословицы: *Цыплят по осени считают.* **УК: О результате можно говорить только после окончания дела.** Кроме того, образ утки может появляться в паремиях, описывающих предопределенность человеческой судьбы: *Гусь не намается, утка не наполощется, кура не нашаркается* [Даль. Т.2: 210]; *Сколько утка ни бодрись, а (лебедем) гусём не быть* [БСРП: 937].

Подобное явление существует и в китайском языке, например: *鸭子不和鸡合伙*。 – *Утка не составит компанию курице*. **УК: Люди с разными мировоззрениями не дружат.** *鸭吃糠鸡吃谷, 各人头上各种福*。 – *Утка ест мякину, курица ест зерно – у каждого есть свое счастье; Дыица дзизуаи хуэишуй, жиэи дзизуаи хуэймэй*。 – *Утёнок умеет плавать, цыплёнок умеет есть рис; Дыицаи эиэи хуэишуй, муэиэи эиэи хуэйчзху*。 – *Сын утки умеет плавать, сын плотника умеет рубить столбы* [ПСПК: 1128]. Как утята и цыплята копируют поведение утки и курицы/петуха, дети наследуют что-то хорошее или плохое от своих родителей. **УК: Какие родители, такие и дети.**

И ещё: *鸭再打扮, 也卖不了鹅价格*。 – *Как бы ни наряжал утку, её невозможно продать по цене гуся* [там же]. **УК: Внешний облик человека не прибавляет ему ценных качеств.**

Для отражения **УК: Лучшие сочетаться браком с равными по социальному статусу** также используется образ домашней птицы: *鸡配鸡, 鹅配鹅, 鸭子配鸭子*。 – *Курица/петух составит пару петуху/курице, гусь составит пару гусю, утка/селезень составит пару селезню/утке* [ПСПК: 398].

Среди китайских паремий, содержащих наименования домашней птицы, количество пословиц с компонентом *утка* (70 единиц), уступает только тем, которые имеют компонент *курица/петух*, а в русских второе место занимают единицы с компонентом *гусь* (60 единиц). Культура утки пронизывала всю историю китайской цивилизации, и утки особенно ценятся с гастрономической точки зрения [Шуань Юаньфэн, Ли Яньлинь 2014: 137-138]. Кроме того, по сравнению с домашними гусями китайцы уделяют больше внимания диким.

Итак, как в русской, так и в китайской паремиологической картинах мира образ утки амбивалентен, но в большинстве случаев отрицателен.

2.3. Лингвокультурологический анализ паремий с нулевой номинативной плотностью орнитонимов в одном из языков

а) описание паремий с компонентом *СОЛОВЕЙ* (41 рус.: 0 кит.)

Слово «*соловей*» происходит от праславянского слова **solvijь*: «желтовато-серый». Птица названа по цвету оперения [Фасмер. Т.3: 711]. Соловей – Это ‘маленькая певчая перелетная птица семейства дроздовых. Соловей имеет ‘серовато-бурое оперение, отличается красивым пением’ [МАС. Т.4: 191]. Русские называют соловьём человека ‘с красивым, высоким голосом, славящегося своим пением’ или краснобая [Ерофеева. Т.3: 351].

Будучи перелетной птицей, соловей имеет особый образ, использующийся для описания непостоянного человека: *Перелётный соловей: то на сосну, то на ель* [БСРП: 854].

Красивый и мелодичный голос соловья является одной из самых существенных его черт. Это отражено во многих русских паремиях, например: *Соловей берёт пением, а человек – умением; Соловей хорош голосом, а колхоз – колосом* [БСРП: 854]. Кроме того, существуют пословицы, отражающие оппозицию «внешность» – «сущность»:

1) *Мал соловей, да голос велик; Мал соловей, а весну знает; Невелик соловей, да голос золотой; Соловей мал, да голос удал; Соловей не велик, да громко поёт; Соловей – птичка-невеличка, а заголосит, [так] лес дрожит; Соловей – птичка-невеличка, а поёт – лес дрожит* [БСРП: 854]. У этих пословиц есть многие синонимичные единицы: *Мала (невелика) птичка, да ноготок востер (остер); Мал золотник, да дорог*. ‘Говорится, чтобы подчеркнуть достоинства чего-л. маленького по размеру, кажущегося незначительным, но важного по существу, или кого-л. молодого, но перспективного’ [Мокиенко 2002: 108].

2) *Щебечет как соловей, а кусает как гадюка; Поёт соловьём, а рыщет волком* [БСРП: 854] За добрыми и красивыми словами могут скрываться грязные намерения. В китайском языке есть идиома с орнитонимом, которая выражает то же значение 鴉心鵲舌 – *Иметь сердце совы, но язык иволги*.

3) Сам воробей, а поёт как соловей [БСРП: 153].

Из всех вышеперечисленных русских пословиц с компонентом *соловей* мы можем выделить **УК: Внешность не равна сущности. Внешность обманчива.**

В русских паремиях соловей и ворона часто коррелируют, например: *Соловей* месяц поёт, а *ворона* круглый год каркает; Не каркал *соловей* по-вороньему; *Соловей* с *вороной* в одном лесу живут, да по-разному песни поют [БСРП: 854]; *Вороне соловьём* не петь. Варианты: *Сорока* никогда *соловьиных* песен не поёт [БСРП: 859]; *Поёт и петух*, да не по-*соловьиному*. [БСРП: 654]. Как гласит пословица: *Не всем соловьём* петь [БСРП: 854]. Однако, *В нужде и кулик соловьём* свищет. Синонимичные единицы у этой пословицы: *Беды мучат, уму учат; Нужда научит калачи есть.* 'Бедность, необходимость научать быть изобретательным, трудолюбивым и т.п.' [Жуков 1991: 59; 231].

В русской культуре особо выделяется символическая корреляция кукушки с соловьем, например, упомянутая выше пословица: *Кукушка соловушку* журит, *свекровь сноху*. Народной мудростью отмечено, что время окончания пения соловья и кукования кукушки часто совпадает. Как правило, этот период выпадает на «Петров день» [РКП: 105]: *Закончил соловей – и начала кукушка* [БСРП: 854]. Есть также пословица, связанная с этим: *Ласточка весну начинает, а соловей кончает* [БСРП: 854]. Соловей – птица, наделяемая мужской брачной символикой, в народной культуре соловей тесно связан с кукушкой, часто составляя ей пару [РКП: 106]. И хотя в мифах эти птицы тесно связаны, за орнитонимом соловей прочно закрепилась положительная аксиологическая оценка, поскольку в славянской культуре «соловья считают “божьей”, “святой” птицей» [там же], а кукушка в народном сознании является носителем отрицательной коннотации.

Но соловей также стал символом потери свободы из-за своего голоса: *Не выпускай соловья из клетки, пока песни не споет. Чем приятней поёт соловей, тем у него клетка плотней. Свобода важнее всего: Не нужна соловью*

золотая клетка, а нужна зелёная ветка; Не нужна соловьёю золотая клетка, лучше зелёная ветка [БСРП: 854].

Нередко народная мудрость обращается к такому вопросу, как «Чем кормить соловья?» Ответы на этот вопрос в пословицах: Соловей баснями не сыт (сыт не будет) [БСРП: 854]; Соловьёв баснями не кормят. ‘Говорится перед тем, как пригласить кого-л. к столу (обычно после затянувшихся разговоров), или (реже) тогда, когда важным (нужным) не пустые разговоры, а конкретные дела’ [Жуков 1991: 312].

Пение песен может рассматриваться как высший «долг», божественный дар или талант соловья. Исключительная любовь к пению у этой птицы послужила поводом для создания фольклорного образа в следующей пословице, где соловей сравнивается с безответственным родителем: Щебечет соловей в клетке, забыв свои детки [БСРП: 854]. Зачастую родители мечтали, чтобы их дети побыстрее выросли, стали поддержкой и опорой, как описано в русской пословице: Соловей поёт, пока детей выведет [Уваров].

В китайском языке пословицы с образом соловья не найдены, так как соловей – это часто встречающаяся птица в России, а в Китае большинство соловьев живут в провинции Синьцзян [Байбу байкэ]. Кроме того, в китайской культуре есть много других певчих птиц, которых любят китайцы, таких как дрозды, китайские иволги и т.д.

Таким образом, в русской паремиологической картине мира образ соловья обладает преимущественно положительными качествами.

б) описание паремий с компонентом КУЛИК (30 рус.: 1 кит.)

Кулик – это ‘небольшая болотная птица сем. ржанковых, с длинными ногами и длинным носом’ [МАС. Т.2: 147]. Площадь всех болот (холодная и сырая местность) занимает десять процентов территории России, что составляет примерно 2 миллиона квадратных километров [<https://go.mail.ru/search>]. В Китае основную часть площади занимают горы и пустыни (жаркая и сухая местность), это примерно 33% всей территории [там же]. Площадь болот в Китае гораздо меньше, чем в России, а кулики живут на

болотах. Эта особенность отразилась в языке в номинативной плотности орнитонима *кулик* в составе паремий двух языков.

В русских пословицах при описании отношений между куликом и средой обитания данной птицы – отражается дихотомия «свой» – «чужой»: *Где живёшь, кулик? – На болоте. – Иди к нам в поле. – Там сухо; Каждый кулик в своём болоте велик; Каждый кулик в своём болоте хозяин; Всяк кулик на своей кочке велик* [БСРП: 459]; *Всяк (всякий) кулик в (на) своём болоте велик*. ‘Каждый имеет вес, значение только в своем деле, в привычном для него месте’ [Жуков 1991: 78]. Поэтому ‘Каждый хвалит то, что ему близко, дорого’: *Каждый кулик своё болото хвалит; Всяк (всякий) кулик своё болото хвалит* [БСРП: 459]. Варианты вышеприведенных пословиц: *Каждая курица свой насест знает; Всякая курица на своём пепелище хозяин; Каждая курица свой насест хвалит* [БСРП: 465]; *Всяк (Всякий) петух на своём пепелище хозяин* [БСРП: 653]. *И петух на своём пепелище силен; И петух на своём пепелище храбрится; Петух на своём пепелище царёк* [БСРП: 654]. Из этих пословиц выделяется **УК: Каждый любит то, что ему близко**. На сегодняшний день эта установка также оказывается актуальной. Во-первых, паремия была знакома и понятна всем опрошиваемым респондентам. Во-вторых, она является наиболее частотной по данным НКРЯ (более 30 примеров) из 150 входов: «*Всяк кулик своё болото хвалит*. Просто у вас, дяденька, одно болото, а у нас другое» (Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть, 2007); «Впрочем, *кулик всегда хвалит свое болото*, а как его хвалить, не ругая соседние?» (Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике, 1976-1999).

В славянских представлениях кулик – это птица, наделяемая демонологическими свойствами [СД. Т.3: 40]. Особенно это проявляется, когда хотят подчеркнуть сходство двух людей в чем-либо, как правило, говоря ‘о супругах или товарищах, имеющих **плохие качества**’. Русские говорят: *Кулик да гагара – два сапога пара* [БСРП: 460]; *Пара – кулик да гагара* [БСРП: 459]. Ситуация сходства между двумя людьми может передаваться и другими

средствами, она частотна: эта *парочка – Мартын да Варочка*; фитонимы – *одного поля ягоды, одним лыком шиты, одного дуба желуди*; предметы быта – *на одну колодку, из одного теста, одного сукна епанча, пятак пара* [Жуков и др. 1987: 418]. Орнитонимы поддерживают этот код культуры: они способны отражать ситуацию сходства двух людей или предметов.

Паремии с компонентом *кулик* также обозначают ситуацию несоответствия: *Кулик до воды охоч, а плавать не умеет* [БСРП: 459]. Кто живёт на воде, тот обычно хорошо плавает. Кулик – это исключение из правил. *Кулик на месте соколином не будет птичьим господином* [БСРП: 459]. Прежде всего важны деловые и личные достоинства человека, не на своём месте он будет плохим господином, поскольку не обладает нужными качествами, кулик не может стать соколом.

Русские связывают приход весны с миграцией кулика, который является одним из обрядовых символов весны [СД. Т.3: 40]. Это упоминается в русской паремии: *Прилетел кулик из заморья, вывел весну из затворья (принёс весну из неволя)* [БСРП: 459] Ещё и пословицы: *Далеко кулику до Петрова дня, а раку с клешнёю – до коня с копытом; Далеко ли кулику до Петрова дня.* 'Хвастливому или несведущему человеку нетрудно выдать желаемое за действительное'; *Далеко кулику до Петрова дня* [БСРП: 460]. А когда хотят выразить противоположное значение, говорят: *Недалеко кулику до Петрова дня* [БСРП: 460]. Петров день – это праздник, «обозначающий переход к наступающей осени» [СД. Т.4: 24]. Он приходится на середину июля, это пик лета и время наступления жары почти на всей территории России. Если кулик прилетел ранней весной (март, апрель), а весна затяжная и холодная, до тепла еще далеко, еды на болоте очень мало, говорят: *Далеко кулику до Петрова дня* (может не дожить); если весна тёплая, и до календарного лета уже недалеко, говорят *Недалеко кулику до Петрова дня*, доживёт, с голоду уже не умрёт. Таким образом, пословица может использоваться и как утешение: всё будет хорошо, и как предостережение: плохого еще очень много. Пословицы – указатели обстоятельств, которые бывают различными, в том числе и прямо

противоположными. Таким образом, казалось бы, «неправильные» изречения оказываются верными, когда их применяют в соответствующей ситуации [Пермяков 1988: 30].

В китайских пословицах мы нашли только одну пословицу с образом кулика: 鹬蚌相持, 渔人得利 – *кулик и устрица вцепились друг в друга, а выгода досталась рыбаку* [СКП: 1166]. Это означает, что две стороны боролись, и пострадали обе стороны, а выгода досталась третьей. **УК: При конфликте двух сторон выгода обычно достаётся третьему.**

В целом образ кулика в русской и в русской паремиологической картине мира негативен, но кулик является символом весны, а в китайской лингвокультуре – является лакуной.

в) описание паремий с компонентом *ИНДЮК* (8 рус.: 0 кит.)

Индюк – ‘большая домашняя птица (самец) из семейства куриных с широким распускающимся хвостом’ [Ушаков. Т.2: 1205].

В русской культуре индюк «глуп, важен, надменен, отличается пустой многозначительностью» [РКП: 83]. Русские обращаются к образу индюка для характеристики «необоснованно высокомерного глупца, представление о собственной важности и значимости которого ни на чем не основано, из-за чего он выглядит комично (индюк надутый; надулся, как индюк; важный как индюк)» [там же].

В связи с этим существуют такие поговорки, как *Разумный индюк высидел (кого)*. ‘О глупом, бестолковом человеке’; *Индюшки от воробья не распознает*. ‘О глупом, не осведомлённом в какой-л. области человеке’ [Мокиенко и др. 2007: 267], и пословицы: *Знать, тебя разумный индюк высидел*; *Индюк думал, думал, да в суп попал*; *Индюк думал, думал, да и сдох* [БСРП: 390]. Употребляется выражение *индюк думал* в ответ «на реплику собеседника, мол, я думал, что..., а оно оказалось... В ответ звучит насмешливо-ироничное *индюк тоже думал*» [<https://stihi.ru/2019/12/10/1471>].

Индейка – крупная домашняя птица, разводимая для получения мяса, поэтому ‘при полном безразличии к чьей-л. судьбе или тогда, когда идут на

отчаянный риск' русские говорят: *Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка* [Жуков 1991: 196].

Наряду с индюком часто используется орнитоним курица: *На чужом дворе и курица – с индюка; Чужая курица индюком выглядит* [БСРП: 466]. Другой вариант: *Курица соседа выглядит гусыней* [БСРП: 465]. Из этих пословиц получили **УК: Чужое всегда кажется лучше**. Противоположная УК также проявляется в пословицах с компонентом-орнитонимом: *Своя курица больше чужого гуся* [БСРП: 466]. **Своё – самое лучшее**.

В русских представлениях индюк – домашняя птица, которая особенно ценится с гастрономической точки зрения. А китайцы в прошлом почти не ели мяса индюка, который не часто встречается в повседневной жизни, поэтому образ индюка не найден в китайской культуре.

г) описание паремий с компонентом **ГАЛКА** (6 рус.: 0 кит.)

Галка – 'Птица сем. Вороновых, с темным оперением' [МАС. Т.1: 298]. Галка распространена в Западной Евразии и Северной Африке [<https://dic.academic.ru/>], не распространена в Китае (в Восточной Евразии).

Слово *галка* происходит от праслав. *галь «ворон, черная птица» [Фасмер. Т.1: 390]. Самые частотные ассоциации к слову *галка*: птица 20; палка 17; ворона, черная 6 [РАС: 128]. Видно, что образ галки похож на образ вороны, который является негативным. В этом можно убедиться на примере паремий: *Маленькая галка, а рот большой* [БСРП: 171]. Варианты этой пословицы *Мала ворона, да рот широк; Мила ворона, да рот широк* [БСРП: 155]. Ещё есть пословица: *Авирон не боится ворон, а на галки есть палки* [БСРП: 13]. Авирон – «один из числа восставших против Моисея и Аарона, поглощенный вместе с Кореем и Даваном разверзшеюся под ними землей» [Полный православный богословский энциклопедический словарь Т.1.: 32].

Из пословиц с компонентами *галка* и *ворона* можно вывести следующую **УК: Большой успех приходит не сразу, а с опытом: Бей галку и ворону: руку набьёшь – сокола убьёшь; Галку бей, ворону бей: руку набьёшь – сокола убьёшь**.
 '1. Сложному делу учатся постепенно. 2. Когда есть из чего выбирать, выбирай

лучшее' [БСРП: 171]. Синонимичные единицы: *Стреляй по чёрной вороне, убьёшь белу лебедушку*. [БСРП: 156]; *Бей сороку и ворону – добьёшься и до белого лебедя* 'Начинай с малого, со временем, приобретя опыт, навык, добьёшься и большего'; *Бей сороку и ворону – доберёшься [и] до ясного сокола*; *Бей сороку и ворону – добьёшься и до ясного сокола, и до белой лебедки* [БСРП: 859].

Палка также является высокочастотным ассоциативным словом для *галки*. Существует такая пословица о мотовстве: *Разбросали палки на чужие галки* [Даль. Т.1: 92]. Кроме того, русские также ассоциируют деньги с галкой: *Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются* [Даль. Т.1: 64].

В целом, в русской паремиологической картине мира образ галки схож с образом вороны.

д) описание паремий с компонентом *ГАГАРА* (6 рус.: 0 кит.)

Гагара – 'Крупная северная водоплавающая птица с густым и ценным оперением' [МАС. Т.1: 295]. Птица распространена на севере Евразии и Америки [<https://dic.academic.ru/>].

Выше было упомянуто, что русские используют пословицы с компонентами *кулик* и *гагара* при описании друзей или супругов, которые имеют отрицательные черты характера: *Пара: кулик да гагара*. Та же ассоциация встречается и в пословицах с компонентами *гусь* и *гагара*: *Хорошая пара – гусь да гагара*; *Чем не пара – гусь да гагара?* [БСРП: 641]. *Гусь да гагара – два сапога пара*; *Гусь да гагара – какая [и] пара*. 'Кто-л. Кому-л. совсем не пара' [БСРП: 231].

Существуют пословицы, основанные на наблюдениях за особыми чертами внешности гагары: *Сколько ни мой гагару – белее не будет* [БСРП: 170]. *Сколько ни мой гагару, все черна* [Даль. Т.2: 209]. Данная модель распространена в русских пословицах, например: *Как ни бодрись ворона, а [ей] до сокола далеко*; *Как (сколько) ни вертись собака, а хвост позади*. 'Как ни пытайся скрыть свою сущность, свое нутро, все равно по всему видно, что ты за человек' [Жуков 1991: 138]. **УК: Сущность трудно скрыть.**

Итак, можно сделать вывод, что в русской паремиологической картине мира образ гагары негативен.

е) описание паремий с компонентом *РАЙСКАЯ ПТИЦА* (1 рус.: 0 кит.)

Концепт *райская птица* возник вследствие «трансформации как мифопоэтического, так и объективизированного (опредмеченного в артефактах) архетипического образа птицы в ходе интерпретации мифа о Мировом древе после христианизации Руси» [Авдеева 2013: 14]. Славянская мифология содержит несколько образов райских птиц, например, Алконост, прообраз которого содержится «в древнегреческом мифе об Алкионе, превращенном богами в птицу зимородка. На русских лубочных картинках Алкион изображается полуптицей-полуженщиной с большими перьями различной окраски. <...> Рядом с Алкионом часто изображается птица Сирий <...>» [СД. Т.1: 100]. Для данного исследования важно, что райская – это прекрасная, волшебная, лучшая во всех проявлениях: *Полюбится сова – не надо райской птицы* [БСРП: 845].

В русской литературе встречается пример использования орнитонима райская птица в качестве образа идеальной девушки:

«Такому парню невесту найти какая хитрость! Любая бы девка из своей ровни за него с радостью пошла, да он, видно, занесся маленько. Тут у него оплошка и случилась. В Чусовском городке, конечно, начальник был. Воеводой ли – как его звали. А у этого воеводы дочь в самой невестинной поре. Василий и стал на ту деваху заглядываться. Родня да приятели не раз Василию говаривали: – Ты бы на эти окошки вовсе не глядел. Не по пути ведь! А то, гляди, еще бока намнут. Только в таком деле разве сговоришь с кем, коли к сердцу припало. Не зря сказано – *полюбится сова, не надо райской пташки*. Зубами скрипнет Василий: – Не ваше дело! – А сам думает: «Кто мне бока намнет, коли у самого плечо две четверти и кулак полпуда. Деваха та, воеводина-то дочь, по всему видать, из обманных девок пришлась. Бывает ведь, – лицом цветок, а нутром – головешка черная. Эта деваха хоть ласково на Василья поглядывала, а на уме свое держала» [Бажов 1986: 118]. Объект

влюблённости характеризуется отрицательно – *деваха, обманная девка; лицом цветок, а нутром – головешка черная; себе на уме*. Влюблённый не замечает недостатков девушки, в которую он влюблён, ничему плохому не верит.

В русских паремиях орнитоним *райская птица* используется для описания высших положительных характеристик. Образы других мифических птиц не входят в состав русских паремий.

Мифические птицы уникальны для каждой культуры. Перейдем к рассмотрению мифических птиц в китайских паремиях.

ё) описание китайских паремий с названиями мифических птиц

Фэнхуан (феникс) – король птиц в легендах. Самец обозначается иероглифом: 凤 фэн, а самка – 凰 хуан. Обычно название птицы сокращают до простого «凤 Фэн» [Словарь (иероглифов) Синьхуа. 2004: 132].

Согласно писанию из древнейшей книги, богатой мифами и легендами («Шань хай цзин»), феникс – очень красивая птица, у которой разноцветные перья, поэтому встречается такая пословица: *凤凰靠羽毛, 姑娘靠衣裳*。 – *Красен феникс пером, а девушка одеждой* [ПСПК: 255]. Данная птица в глазах китайцев обладает особой статью и благородством, поэтому часто символизирует жен и наложниц императора. Например, 凤辇 экипаж феникса ‘экипаж императрицы’ [СКС: 85].

В дополнение к его красивой внешности, феникс также обладает высокими нравственными качествами, которые даже были отмечены непосредственно на его теле: орнамент на голове феникса – повторяет форму иероглифа 德 Дэ ‘добродетель’; на крыльях – 义 И ‘справедливость/долг’; на спине – 礼 Ли ‘благопристойность/ритуал’; на груди – 仁 Жэнь ‘гуманность’; на животе – 信 Синь ‘верность/правдивость’. Как только феникс появляется, повсюду воцаряется мир [Юань Кэ 1985: 91-91]. Феникса сравнивают с человеком с высокой моралью: *凤鸟乘于风, 圣人因其时*。 – *Феникс летает высоко с помощью ветра, а мудрец действует согласно складывающимся условиям*. Феникс использует ветер, чтобы взлететь выше, и

выдающиеся люди используют шанс, чтобы добиться больших достижений [СКП: 198]. **УК: Мудрые люди способны воспользоваться случаем.** В китайской культуре дракон, как мифическое животное с благородным характером, часто появляется вместе с фениксом: 神龙不贪香饵, 彩凤不入雕笼。 – Дракон не будет жаждать приманки, прекрасный феникс не будет влетать в изукрашенную клетку. Смысл: Настоящий благородный человек умеет не поддаваться искушению (слава, богатство, красота и т.д.) [СКП: 779]. Так же люди, обладающие низкими качествами, не могут совершать благородные поступки: 野鸡长不了凤凰毛。 – У фазана не вырастают перья феникса [СКП: 779].

Пословицы с фениксом часто выражают такую **УК: Человек всегда стремится к себе подобным:** 狐狸不乐龙王, 鱼鳖不乐凤凰。 – Лиса не желает дружить с царём драконов, рыба и черепаха не желают дружить с фениксом [СКП: 290]; 凤凰鸦鹊不同群。 – Феникс не живёт вместе с вороной и сорокой [КП: 643]; 乌鸦彩凤不同栖。 – Ворона и прекрасный феникс не живут вместе [КП: 668]; 凤凰不落乌鸦巢。 – Феникс не влетит в гнездо вороны [СКП: 197]. И это приводит к такому результату – **С кем поведешься, от того и наберешься:** 与凤同飞, 必出俊鸟; 与虎同眠, 没有善兽。 – Птица, летающая с фениксом, непременно станет блестящей; Зверь, спящий с тигром, не может быть добрым [КП: 378].

Две вышеупомянутые УК также применимы к брачным отношениям, Обычно супруги должны быть равны, происходить из одного сословия, иметь одинаковый статус: 龙配龙, 凤配凤, 鹁鸪对鹁鸪, 乌鸦对乌鸦。 – Дракон составит пару дракону, феникс составит пару фениксу, горлица составит пару горлице, ворона составит пару вороне [СКП: 428]. В китайской культуре горлицы различаются по полу. Горлицы, которые обычно живут в парах, никогда не расстаются, символизируют верных и преданных супругов, живущих в любви [СКС: 19]. В русском языке слово горлица используется только для обозначения лиц женского пола.

В китайских пословицах, описывающих критерии выбора пары, наиболее очевидным является общественное положение и происхождение будущего партнёра: *山鸡不敢上配凤凰*。 – *Фазан не смеет претендовать на то, чтобы составить пару фениксу*. У людей с низким социальным статусом нет возможности породниться с богатыми и знатными семьями [КП: 49]. Надо отметить, что *феникс* также является символом хороших взаимоотношений между супругами [СКС: 85]. Выражение “Самец и самка *феникса* летают вместе” означает счастливых супругов.

Соотношение «наследственные черты и характер» часто встречается в китайских пословицах с компонентом *феникс*: *龙生龙子, 凤生凤儿*。 – *Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса* [СКП: 428]; *龙生龙, 凤生凤, 老鼠生儿打地洞, 麻雀生儿钻瓦缝*。 – *Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса, дети мыши роют норы, дети воробьев проникнут в швы черепицы* [ПСПК: 541]; *鹤子不出凤凰蛋*。 – *Журавль не может снести яйцо феникса* [ПСПК: 357]. Эти пословицы можно интерпретировать следующим образом: если родители обладают исключительными талантами, то и дети обычно отличаются особыми выдающимися качествами. Из этих пословиц можно выделить следующую **УК: Какие родители, такие и дети**. Однако помимо аксиомы о «генетической предрасположенности к героизму у детей героев», в китайском языке встречаются пословицы о том, как совершенно заурядные родители могут положить все силы на то, чтобы их дети добились успеха в жизни: *望子成龙, 望女成凤*。 – *Всегда надеются, что сын станет драконом, а дочь – фениксом* [ПСПК: 553]. Особенно это характерно для семей, где рождался только один ребёнок, на воспитание и благоустройство которого уходили все ресурсы семьи. К такому чаду отношение – словно к драгоценной птице: *一个孩子金凤凰, 儿多累死爹和娘*。 – *Единственный ребёнок – золотой феникс, детей много – отец и мать устают до смерти* [ПСПК: 1185].

Дети, которые живут в разных семьях и получают разное воспитание, тоже растут по-разному, поэтому существует мнение: *鸡窝里飞不出金凤凰*。

– Из курятника не вылетит золотой феникс. Возражение против этого мнения содержится в других пословицах: 鸡窝里也出金凤凰。 – Из курятника также вылетит золотой феникс [ПСПК: 398]; 深山沟里出凤凰。 – Из глухих гор вылетел феникс [СКП: 776]; 鸡窝里藏不住凤凰。 – Курятник не закроет феникса; 鸡窝里出凤凰, 粪堆上产灵芝。 – Из гнезда вороны слетел феникс, из навозной кучи выросли линчжи (гриб долголетия) [ПСПК: 1128]. **УК: Личное усердие важнее окружающей среды.** В современном китайском языке новое выражение происходит от вышеприведенных пословиц: 凤凰男 ‘мужчина-феникс’. Это ироническое название для мужчины из бедной семьи, который, самостоятельно прилагая усилия, покончил с нищетой, но все еще чувствителен, скуп и имеет низкую самооценку [Байду байкэ].

Хотя феникс благороден, не все хотят быть “хвостом феникса”: 宁当鸡头, 不当凤尾。 – Лучшие быть головой курицы (петуха), чем хвостом феникса. Другой вариант 宁为鸡口, 无为牛后。 – Лучшие быть клювом курицы (петуха), чем задом вола. Смысл этих пословиц похож на смысл русской пословицы: Лучшие быть первым в деревне, чем вторым в городе [ПСПК: 641]. **УК: Лучшие быть самым выдающимся в среде низкого уровня, чем быть неизвестным в кругу высокого уровня.**

Такая **УК**, как **Всему – свое место** проявляется в пословицах: 凤有凤巢, 鸡有鸡窝。 – У Феникса есть гнездо Феникса, а у курицы есть гнездо курицы [ПСПК: 255]; 凤栖梧, 鱼跃渊。 – Феникс обитает на дереве утуне, рыба – в глубоком озере [СКП: 198]. Утун – мифическое дерево, на котором живет феникс. Во многих пословицах феникс означает талант, в то время утун – доброе обращение: 凤凰无宝处不落。 – Феникс не летит на место, где нет сокровищ [ПСПК: 255]; 没有梧桐树, 引不得凤凰来。 – Не привлечёшь феникса к себе без дерева утуна [ПСПК: 590]; 有了梧桐树, 不愁凤凰来。 – С деревом утуном не нужно беспокоиться о том, что феникс не прилетит. Чтобы привлечь таланты, компания должна быть привлекательной для них [КП: 514].

В мифологии птица **Луань** считается особой породой феникса, как гласит пословица: *凤死鸾悲, 物伤其类。* – Птица **Луань** опечалилась после смерти феникса, потому что пострадавший является родственником ей [СКП: 198].

Луань также является благородной птицей: *鸟随鸾凤飞能远, 人伴贤良品自高。* – Птица, которая летает с **Луань** и фениксом, может далеко улететь; человек, находящийся в обществе добродетельных людей, будет отличаться высокой нравственностью [СКП: 490]; *鹤随鸾凤飞还远, 人伴贤良智转高。* – Журавль, который последует за птицей **Луань** и фениксом сможет летать все выше и выше; человек, который вместе с добродетельными людьми, будет становиться все более и более умными [ПСПК: 357]. Здесь **УК: С кем поведешься, от того и наберешься.**

Ещё одно подтверждение высказанной мысли можно увидеть в выражении: *鸡与鸡并食, 鸾与鸾同枝。* – Курица/петух и курица/петух едят вместе, **Луань** и **Луань** живут на одной ветке [КП: 306]; *娇鸾难入老鸦群。* – Невозможно прекрасной птице **Луань** присоединиться к стае ворон [СКП: 346]. Из этих двух пословиц мы получили **УК: Человек всегда стремится к себе подобным.**

В культуре Китая образы Луань и феникса существовали как аналогия супругов, достойных друг друга: *鸾凤自有鸾凤配, 鸳鸯自有鸳鸯对。* – **Луань** и феникс спариваются с **Луань** и фениксом, а мандаринка с мандаринкой [СКП: 435]. Пословица означает, что талантливый мужчина обычно сочетается браком с красивой женщиной.

В древней китайской легенде птицей **Пэн** является самая большая птица, в которую превратилась самая большая рыба – Гунь, поэтому у неё появилось другое название – Гунь Пэн. В китайской культуре стереотипные представления об этой птице полностью положительные. Согласно легенде, Пэн может летать на высоте 90000 ли, следовательно, эта птица символизирует силы и высокие амбиции, часто с ней сравнивают талантливого человека,

имеющего возвышенные идеалы [Ма Хуйжу 2006: 32]. Существует такая пословица: *麻雀虽多, 怎抵得大鹏展翅*。 – Хотя воробьев много, но это не может равняться с тем, что большая птица Пэн расправит крылья. Значение таково: роль одного выдающегося таланта значительно больше, чем многих обычных людей [СКП: 438]. Тот же смысл выражается и в следующей пословице: *鲲鹏一只, 胜乌鸦百只*。 – Лучшие один Гунь Пэн, чем сотни ворон [ПСПК: 480]. На основе этих единиц можно сформулировать следующую **УК**: ***Лучше один талантливый человек, чем сто посредственностей.***

Кроме того, Пэн – символ блестящего будущего. Поощряя или благословляя человека с блестящим будущим, китайцы часто говорят: “Желаю тебе летать на высоте десяти тысяч ли, как Пэн” [СКС: 212]. Естественно, светлое будущее не достигается случайно, как гласит китайская пословица: *不入青冥去, 难成大鹏鸟*。 – Трудно быть птицей Пэн, не летая в синюю бездну [ПСПК: 63]. **УК**: ***Достижения без упорного труда невозможны.*** Безусловно, ***окружающая среда также важна для развития человека***: *鸡窝里出不了大鹏, 猪窝里出不了山羊* – Из курятника не вылетит птица Пэн, из свинарника не выбежит, не выскочит козёл [ПСПК: 398].

Птица Чжэнь – по легенде, ядовитая птица. Вино, приготовленное из её перьев, отравленное [СКС: 346]. Пословица, связанная с этой птицей, такова: *漏脯救饥, 饮鸩止渴, 非不暂饱, 死亦及之*。 – Если удовлетворять голод протухшим мясом, утолять жажду вином, приготовленным из перьев Чжэнь – то проблемы голода и жажды могут быть временно решены, но моментально приходит смерть. Это означает, что решение проблемы в настоящее время неправильными способами может вызвать еще больше проблем в будущем [СКП: 429].

Поводя итог анализу мифических орнитонимов, можно сделать вывод, что среди этих четырех магических птиц образы феникс, Луан и Пэн имеют ярко выраженный положительный характер, а Чжэнь – отрицательный.

ж) описание паремий с компонентом ДИКИЙ ГУСЬ (0 рус.: 30 кит.)

Гусь – ‘дикая и домашняя крупная водоплавающая птица сем. утиных с длинной шеей’ [МАС Т.1: 359]. В русском языке есть много пословиц с компонентом *гусь* (60 единиц), например: *Что гусь без воды, то мужик без жены* [БСРП: 232]. Важность жены для мужа сравнима с тем, как гусь нуждается в любом водоёме для того, чтобы выжить. УК: ***Мужчине никак нельзя обойтись без жены.*** в русских представлениях, гусь – это птица, наделяемая брачной символикой и демоническими свойствами [СД. Т.1: 572]. В русской культуре образу домашнего гуся уделяется гораздо большее внимание, чем образу дикого (не найдены русские пословицы с компонентом *дикий гусь*), но в китайской культуре все наоборот. В китайской традиции дикие гуси по сравнению с домашними обладают более богатой культурной коннотацией, например, дикий гусь – перелётные птицы, которые летят на север весной и на юг осенью, поэтому он является символом сезонных изменений и течения времени. Образ дикого гуся часто фигурирует в стихах, описывающих печальную и унылую осень, иногда миграция диких гусей также используется для того, чтобы передать тоску по родине [Лю Цзиянь 2007: 75-79]: *雁飞千里也恋亲。 – Дикие гуси даже пролетев тысячу ли, скучают по своим близким* [ПСПК: 1136]. (*Ли* – китайская мера длины, равная 0,5 км). УК: ***Когда человек находится далеко от дома, он думает с любовью о родных.***

Дикие гуси часто кричат во время миграции. В соответствии с этой особенностью существуют следующие пословицы: *雁过有声, 蛇过有路。 – Дикий гусь пролетит – звук останется, змея проползёт – след останется* [КП: 503]; *人过留名, 雁过留声。 – Человек пройдёт – останется имя, дикий гусь пролетит – останется звук* [СКП: 637]. Хотя люди ушли, их имена не забыты, хотя дикие гуси улетели, но их крик остался. УК: ***После человека остаются его дела.***

Китайцы считают, что дикие гуси имеют много отличных качеств, одним из которых являются их стайные повадки. Отсюда вытекают

следующие пословицы: *雁叫一齐叫。– Дикае гуси кричат вместе* [СКП: 1012]. Дикае гуси живут стаями, так они помогают друг другу. По одиночке эти животные крайне уязвимы: *鱼不能离水, 雁不能离群。– Рыбам не обойтись без воды, как дикам гусям не обойтись без стаи* [ПСПК: 1257]; *雁怕离群, 人怕单干。– Дикай гусь боится отстать от стаи, человек боится работать в одиночку; 孤树不成林, 孤雁不成群。– Одно дерево не может образовать лес, одинокий дикай гусь не может создать стаю; 孤雁难行, 孤掌难鸣。– Одинокому дикаму гусю трудно летать, трудно хлопнуть в ладоши одной рукой; 孤雁受苦, 独户遭贼。– Одинокий дикай гусь мучается, одинокая семья страдает от воров* [ПСПК: 292-293]. Орнитоним дикай гусь в составе китайских паремий формируют УК: 1) **Способности отдельного человека всегда меньше сил сплотившихся масс;** 2) **В одиночестве человек страдает.**

По мнению китайцев, образ жизни диких гусей исключительно положительный и мудрый пример того, насколько важно быть частью группы, отбросив эгоистичное желание заботиться только о самом себе. В процессе миграции диких гусей молодых и слабых птиц всегда помещают в более безопасные места, где они будут защищены от переутомления и внешних врагов. Редки случаи, когда одному гусю приходилось покинуть косяк из-за ранения, и совершенно исключительна и невозможна ситуация, когда стая бросала бы слабых или больных на произвол судьбы [У Ицзюань 2014: 87-89]. В этом и заключается преимущество семей с большим количеством детей и родственников. Единственному ребенку сложнее привить чувство коллективной ответственности, научить его делиться, сопереживать близкому: *孤雁难飞, 孤子难教。– Одинокому дикаму гусю трудно летать, единственного ребёнка трудно научить* [ПСПК: 293]. Китайская общественная мысль придерживалась и продолжает придерживаться идеи: **Больше детей – больше счастья.** Соответствия данной идее в русских паремиях с компонентом-орнитонимом обнаружить не удалось. Но ситуация

с количеством детей в семье также была и в России: *Плодятся и множатся, что голуби. Бойконько — детей многонько* [Даль. Т.1: 333].

Пословицы с компонентом *дикий гусь* также отражают отношения между вожаком и остальным коллективом. С одной стороны: *雁有头雁, 羊有头羊*。 – У *диких гусей* есть гусь-вожак, у баранов есть баран-вожак; *羊无头不走, 雁无头不飞*。 – Бараны без вожака не идут, *дикие гуси* без вожака не летают [СКП: 1012]; *雁飞千里靠头雁* – Опираясь на головного гуся, *дикие гуси* пролетели тысячу ли [ПСПК: 1136]. Из этих пословиц выделяется **УК: Лидер – важная часть команды**. С другой стороны, *лидер опирается на массы*: *头雁全靠群雁帮*。 – Головной гусь полагается на помощь стаи *диких гусей* [ПСПК: 1015].

Дикий гусь-вожак выделяется из стаи птиц, но в то же время, когда стая находится в опасности, вожак также первым несёт ответственность. То же самое можно увидеть в пословице на примере сравнения с древесиной: *雁头先受箭, 佳材早挨刀*。 – *Дикий гусь-вожак* будет подстрелен раньше всех, красивое дерево срубят раньше других. Человек с выдающимися талантами часто вызывает зависть у других и подвергается преследованиям [КП: 627].

В китайской культуре также считается, что дикий гусь образец птичьей верности своему партнёру: *小燕乱配, 鸿雁守节*。 – *Ласточки* произвольно спариваются, *дикие гуси* соблюдают верность (покойному мужу) [ПСПК: 1104]; *雁孤一世, 鹤孤三年, 鹊孤一周*。 – Когда *дикий гусь* остаётся один, он будет одинок до конца жизни; *журавль* – три года, *сорока* – неделю. Это значит, что после смерти супруга/супруги дикий гусь сохранит верность до конца своих дней, журавль останется один ровно три года, сорока – всего несколько дней [СКП: 1011]. Дикие гуси всегда живут парами, поэтому данную птицу часто используют как символ супружеского счастья, именно поэтому в прошлом дикий гусь был подарком на помолвку [СКС: 58].

з) описание паремий с компонентом **МАНДАРИНКА** (0 рус.: 9 кит.)

Утка-мандаринка – птица, которая похожа на дикую утку, самец и самка живут парами на воде, также часто сравниваются с влюбленными или с супругами: *有情人终成眷属, 是鸳鸯棒打不分。* – У влюбленных в конце концов будет семья; Если они являются мандаринками, то даже палкой их не разлучишь [ПСПК: 1249]. Поэтому в китайском языке есть выражение *棒打鸳鸯* ‘палкой разлучить мандаринок’ используется для обозначения того, кто злонамеренно разрушает счастливый брак или отношения.

Мандаринка считается верной птицей. Самец и самка такой птицы живут вместе, если одного поймают, другой умрет от разлуки с любимым (любимой): *鸳鸯失偶, 永不重交。* – Если утка-мандаринка теряет своего супруга, она больше никогда не спаривается снова [СКП: 1169].

Пословицы с компонентами *мандаринка* и *дикий гусь* отражают такую китайскую УК: *Муж и жена должны быть верны друг другу, даже если одного из них уже нет на свете.*

В целом, в китайской паремиологической картине мира стереотипные представления о диких гусях и мандаринке носят положительную окраску.

2.4. Лингвокультурологический анализ паремий, совпадающих по номинативной плотности компонента-орнитонима

а) описание паремий с компонентом *КУРИЦА/ПЕТУХ* (239 рус.: 370 кит.)

Курица – ‘домашняя птица, разводимая для получения яиц и мяса; самка петуха’ [МАС. Т.2: 152].

Согласно мифологическим словарям русского языка, образы курицы и петуха неоднозначны. Курица, с одной стороны, выступает в качестве предвестницы несчастья. В славянской культуре курица – птица, наделяемая демоническими чертами. Согласно поверьям, в курицу может обернуться дьявол, черт, ведьма или вампир. С другой стороны, она воспринимается в качестве символа любви и брачного союза, а яйцо в свою очередь является символом плодородия [СД. Т.3: 60-67]. Название петуха этимологически

связано с его голосом/криком. В народе эта птица считается вещей. В славянской культуре петух наделяется мужской сексуально-брачной символикой, которая обычно представлена в свадебном обряде, где петух символизирует жениха, а курица невесту. Петух наделяется способностью противостоять нечистой силе, но в то же время петух обладает демоническими свойствами. В народной демонологии облик петуха могут принимать ведьма, дух умерщвленного матерью младенца [СД. Т.4: 30-32].

Следует отметить, что в китайском языке, опираясь на один иероглиф 鸡, трудно определить пол птицы, в случае необходимости обозначить пол птицы, обычно нужно использовать дополнительные иероглифы. Например, добавление иероглифа 公 ‘самец’ перед иероглифом 鸡 образует слово 公鸡 ‘петух’. По той же логике добавляется иероглиф 母 ‘самка’ – 母鸡 ‘курица’. В целом, в китайском языке хороших примет, связанных с петухом и курицей, больше, чем плохих. Иероглиф 鸡 – омофон иероглифа 吉 ‘счастье/удача’. Китайцы эту птицу любят и почитают [СКС: 132], особенно любят самца. Образ петуха в китайской культуре носит одобрительный характер. Петух обладает пятью положительными качествами: 1) благовоспитанность; 2) храбрость; 3) мужественность; 4) гуманность; 5) добросовестность. Кроме того, петух имеет связь с божественным началом, может выступать в качестве оберега от злых сил. В древние времена эту птицу преподносили бесам и божествам, призывая таким образом души умерших. Поэтому раньше в начале года люди рисовали петухов на дверях и окнах, чтобы изгнать всех призраков и злых духов [СКС: 96-97].

Обратимся к паремиям с компонентом *курица/петух*.

Поскольку *Крылаты куры, да нелётны* [БСРП: 464], курицу часто считают не настоящей птицей: *Курица не птица, лодырь не человек, болтун не хозяин; Курица не птица, прапор (прапорщик, констабель, комисар) не офицер; Курица не птица, Финляндия не заграница* [БСРП: 465]; *Курица не птица, <баба не человек (Польша не заграница)>*. ‘говорится с презрением о чем-л.

распространенном и не заслуживающем внимания. Используется для акцентирования смысла второй, варьируемой части пословицы' [Мокиенко 2002: 140].

Русские называют курицей «глупого и бестолкового человека, обычно – женщину (куриный ум, куриные мозги) [РКП: 107]: *Грела кура яйца – ума не нажила*. 'О человеке, который поступает неумно; Кто-либо самозабвенно заботится о ком-то, не понимая, чего нельзя делать; Кто-либо совершает глупые поступки' [БСРП: 464].

Курица также репрезентирует болтливого человека: *Петух скажет курице, а она – всей улице* [БСРП: 654]. *Кудакнула одна курица, а узнала вся улица; Курица гогочет, а петух молчит* [БСРП: 465]. *Скажешь курице, а она – всей улице; Курице-невунье язык отсекают*. 'Замечают многозначительно человеку, который заговорил с посторонним лицом о чём-либо таком, что лучше скрывать' [БСРП: 466]. Из этих пословиц выделяется **УК: С болтунами держи язык за зубами**. В русских и китайских паремиях образ курицы также используется для высмеивания человека, который только болтает и ничего не делает: *Курица, много кудахтающая, мало яиц несёт* [БСРП: 465], кит: *好叫的母鸡不下蛋*. – *Курица, которая любит кричать, не несет яйца* [ПСПК: 349]; *爱叫的麻雀不长肉*. – *Воробьи, которые любят кричать, не набирают вес* [ПСПК: 4].

Кроме того, русские пословицы с компонентом *курица* также отражают **УК: Всё большое складывается из малого**: *Курица по крупнице клюёт, да сыта живёт* [БСРП: 465]; *Курочка (курица) по зернышку клюет, да сыта бывает*. 'Можно (или нужно) довольствоваться и малым, из малого постепенно складывается что-либо большое, значительное' [Жуков 1991: 156].

Петух в русских представлениях – «драчлив, боевит, горяч, готов драться по самому незначительному поводу, заносчив» [РКП: 139]: *Драчливый петух жирен не живёт; Драчливый петух голенаст живёт*. 'Сердитые худощавы. Голенаст – худощав' [БСРП: 653]; *Сердитый петух жирен не бывает* [БСРП: 654]. Китайские аналоги: *好斗的公鸡肥不了*. – *Драчливый*

петух не жирный; 好斗的公鸡不长毛。 – Драчливый петух не волосатый [ПСПК: 349]. В связи с этим русские сравнивают драчунов с петухами: У драчливого кочета (петуха) гребень всегда в крови. ‘Тому, кто напрашивается на драку, неприятности, всегда достается; драчуна сразу видно’ [Мокиенко 2002: 133].

В китайских пословицах уподобляют петуха упорному и даже упрямому человеку, который никогда не признает своего поражения: 脑袋像公鸡, 掉还打鸣。 – Голова (кого-то) как голова петуха, которая хотя отрублена, но по-прежнему кукарекает [СКП: 483]; 鸡瘦不倒冠。 – Хотя петух тонкий, гребень его остаётся стройным и высоким. Упорный человек не потеряет мужества и веры, пережив неудачи [КП: 716].

Русские считают, что петух может возвещать рассвет: Петушок поёт, рассвету весть подаёт [БСРП: 654]. Это поверье встречается и в китайской культуре: 白天黑夜鸡叫分, 好人坏人看言行。 – Различать ночь и день по крику петуха, отличать хороших людей от плохих по словам и делам [ПСПК: 17]; 犬守夜, 鸡司晨。 – Собака стоит на страже ночью, а петух возвещает рассвет утром [СКП: 616]. Отсюда можно сделать вывод, что у каждого своё дело. Когда петухи кричат, люди знают, что нужно вставать и работать: 若要富, 鸡鸣三声离床铺。 – Если хочешь процветания, то надо вставать после того, как петух пропоет три раза [СКП: 707]. Однако противоречивый характер народной мудрости можно проследить на примере пословиц с компонентом петух, так как есть ряд пословиц, где прослеживается мысль, что рассвет не определяется криком петуха, он неизбежен: Поёт петух или нет, а день будет; Не будь петуха, разве утро настанет [БСРП: 654]; Будет петь петух или нет, а день настанет [БСРП: 653]. **УК: События развиваются по своим собственным законам и не зависят от внешних факторов.** Есть похожие китайские единицы: 有鸡叫天明, 没鸡叫天也明。 – Будет петух кричать или нет, рассвет всё равно придёт [СКП: 1128]; 杀尽了报晓鸡, 天还

是要亮的。 – Даже если все петухи будут убиты, утро всё равно настанет [КП: 474].

Анализируя русские и китайские паремии с компонентом *курица/петух*, можно проследить тему "семейные отношения".

Для начала стоит рассмотреть паремии с компонентом *курица/петух*, которые отражают брачные отношения.

Когда русские убеждают девушек не выходить замуж за человека, живущего далеко, они говорят: *Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко: хоть за курицу, да на свою улицу, хоть за помело, да в своё село, хоть за Лыску, да близко, хоть за петушка, да за милого дружка; Хоть за курицу, да на свою улицу [хоть за Лыску, да близко].* '1. Хоть за кого угодно выйти замуж, но жить недалеко от родительского дома и родных мест. 2. О значении родного места, знакомых условий жизни: лучше остаться на своём месте в худших условиях, чем получить какие-то блага на чужбине, далеко от дома' [БСРП: 466]. **УК: *Лучше остаться на знакомом месте, чем на чужбине.***

В китайском языке также есть пословица: 'выйти замуж за петуха': 嫁鸡随鸡, 嫁狗随狗. – За петуха замуж выдадут, с петухом и живи, за собаку замуж выдадут, с собакой и живи [КП: 550]. Выйдя замуж, вне зависимости того, хорош муж или нет, женщина должна всегда следовать за ним. Это отражает эпоху феодального рабства женщин.

Существует мнение, что обязанности в обществе и в семье можно разделить на женские и мужские. В сознании людей имеется следующая УК: ***Женщина не может выполнять мужские функции: Курице не быть петухом, а бабе мужиком; Не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком; Не петь курице петухом, не быть (не владеть) бабе мужиком; Не пой, курица, петухом [не владей, баба, мужиком]!*** [БСРП: 466]; ***Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком*** [БСРП: 464]. Безусловно, в этой УК содержится элемент дискриминации женщины. Курица должна нести яйца, ни в коем случае не претендуя на обязанности петуха. По славянскому поверью, в курицу, поющую петухом, вселился «злой дух», который

призывает несчастья: смерть хозяина, пожар, раздоры в семье и др. [СД. Т.3: 67]. По мнению русских, «курица олицетворяет собой женское начало» [РКП: 107], а петух – мужское [там же: 139].

Среди китайских пословиц существует похожая УК: 牝鸡无晨。 – *Курица не возвещает рассвет* [КП: 562]. Смысл таков: женщины (особенно в императорской семье) не могут руководить государственными делами. Как курица, поющая петухом, женщина, которая выполняет мужские обязанности, считается отклонением от нормы. Мужчины и женщины должны выполнять свою работу 公鸡打鸣, 母鸡生蛋。 – *Петух возвещает рассвет, курица несёт яйца;公鸡不抱窝, 母鸡不叫明。 – Петух не сидит на яйцах (высиживает цыплят), курица не возвещает рассвет* [ПСПК: 284]. Если мужчина и женщина поменялись ролями в семье и обществе, тогда говорят: 公鸡抱窝, 母鸡司晨。 – *Петух сидит на яйцах (высиживает цыплят), курица возвещает рассвет* [КП: 542].

С древних времён куриное мясо особо ценится китайцами за его вкусовые качества, и в хозяйственном вопросе курица, приносящая яйца – особая ценность. Поэтому «пожертвовать» ей могут только в особых случаях. Так же мужчина не может бросать жену без причины: 无故不休妻, 无事不宰鸡。 – *Без причины жену не выгонят, без дела не зарежут курицу* [ПСПК: 1044].

В русской культуре курицу иногда описывают как нерадивую мать: У рассеянной *курицы ворона цыплят таскает* [БСРП: 467]. Хотя в большинстве случаев её образ используется как раз в качестве примера образцового, иногда склонного к гиперопеке родителя: *Носится как курица с яйцом; Знает курица свои яйца* [БСРП: 465]. Если говорить о проявлении материнских инстинктов, то образ курицы в русских пословицах широко используется в целях выразительности. Мать защищает своих детей, как курица – цыплят: *При матери ребятки как при клушке цыплятки* [БСРП: 521] (Клушка – ‘курица-наседка’ [Ушаков. Т.1: 1379]). Запоминающийся образ курицы-наседки в русских паремиях имеет крайности, одна из которых касается женщин,

которые склонны к мелочным обидам, истерикам, слепому обожанию, если речь заходит об их собственных детях [РКП: 107].

Не обошлось без упоминания курицы и в пословицах на тему «**какие родители, такие и дети**». Принято считать, что генетика родителей определяет генетику детей: *От худой (плохой) курицы – худые (плохие) яйца* [БСРП: 467]. **УК: У плохих родителей не бывает хороших детей.** Но есть и противоположное мнение: *Чёрная курочка – белые яички* [БСРП: 467]. То есть **у плохих родителей могут быть хорошие дети.**

В системе славянских представлений никакая другая птица так основательно не ассоциируется с образом матери, как курица. Сама цикличность процесса появления яйца из курицы и курицы из яйца составляет основу родильной обрядности в славянской культуре [СД. Т.3: 64].

В китайском языке есть пословицы с похожим значением «дурной наследственности», где тоже используется орнитоним «курица»: *白鸡窝里拿不出黑蛋来。 – Невозможно вынуть черное яйцо из гнезда белой курицы. 懒鸡婆带不出勤鸡崽。 – Ленивая курица-баба не может выкормить трудолюбивого цыплёнка* [ПСПК: 487]. Основное значение слова «курица-баба» - старая курица. В связи с тем, что в южнофуцзяньском диалекте «курица-баба» и «жена, хозяйка» произносятся одинаково, слово приобрело особую коннотацию, описывая тех, кто любит совать нос в чужие дела, болтать попусту, отлынивать от работы и так далее. От провинции к провинции значение может сильно варьироваться. Например, гуандунский диалект использует слово «курица-баба» в значении «проститутка» [Байбу байкэ]. Конечно, как и в русском языке, есть примеры пословиц с прямо противоположным значением: *黑鸡下白蛋。 – Чёрная курица несёт белые яйца* [ПСПК: 357]; *老母鸡能下出凤凰蛋。 – Курица может снести яйцо феникса* [ПСПК: 494].

Через орнитоним *курица* русский человек также привносит в язык образ многодетной матери: *Коя курочка кладётся, у той гребешок красенький* [БСРП: 467], т.е. женщина, родившая много детей, хорошо выглядит [там же].

В китайских пословицах слово «курица» также используется для обозначения приёмных родителей: *黄鸡生卵, 乌鸡伏之, 但知为乌鸡之子, 不知为黄鸡之。* – Желтая *курица* снесла яйцо, а черная *курица* его высидела, но цыпленок знает только, что он сын черной курицы, а не знает, что он сын желтой курицы. Это означает, что человек признаёт только тех родителей, которые воспитывали его, а те, что в своё время выполнили свою биологическую функцию, имеют малое значение в его жизни [СКП: 304]. Та же идея выявляется в русских поговорках: «родство духа важнее и сильнее кровного родства: *Духовное родство пуще плотского*» [Зиновьева, Алешин 2022: 140].

Особая важность и сложность родительского долга отмечается в следующей пословице: *Детей воспитать – не курочек пересчитать* [БСРП: 70], воспитывать ребенка – сложный и ответственный труд, к которому нельзя подходить халатно. Важность родительского примера и наставления отмечалась и в вышеупомянутых пословицах. Родители должны понимать, что они и словом, и делом подают пример: *Молодой петух поёт так, как слышал от старого* [БСРП: 645].

В китайских пословицах образ петуха также используется в связи с темой родителей и детей. Например, когда человек вырастает, покидает родной дом и забывает о доброте и заботе своей матери, можно сказать, что «*小公鸡出了蛋壳就不认娘*» – После того, как *петушок* выходит из яичной скорлупы, он отказывается от матери [ПСПК: 1090].

Существует много способов выразить отношение к родителям, например, как говорится в русской пословице: *Яйца курицу не учат* [БСРП: 466]. Дети не должны воспитывать родителей с большим жизненным опытом. Родителей надо уважать. Данная пословица может использоваться и в других ситуациях, когда наличие родственных связей не обязательно.

В китайских паремиях курица также ассоциируется с образом тещи: 丈母见了女婿, 好像落窝的母鸡。 – Увидев зятя, теща как курица, попавшая в гнездо [ПСПК: 1303]. «Попасть в гнездо» здесь значит начать заботиться, опекать, «высиживать». Согласно данной китайской пословице, теща обычно заботится о своем зяте, как курица о своих цыплятах. Здесь образ курицы призван подчеркнуть особый характер заботы, практически материнской, основанной на слепой любви. Любовь тещи к зятю также можно увидеть в следующей пословице: 女婿进门, 鸡儿头疼。 – Зять входит в дверь (дом), у курицы болит голова [ПСПК: 660]. Когда приходит зять, теща первым делом старается угодить ему, накормив вкусной едой. Здесь находит своё отражение следующая идея: гость, ради которого хозяин собственноручно убивает курицу и готовит её, особо почитаем и важен. Из перечисленных пословиц с компонентом курица мы получили совершенно противоположную русской УК: **Тёща любит зятя**. В русских пословицах с компонентом *синица* отражена обратная ситуация: Синица не птица, зять не родня [БСРП: 810]. Синица: небольшая лазающая птица [МАС. Т.4: 96], которая совсем не похожа на остальных птиц, летающих высоко и на дальние расстояния. Птица, от которой в хозяйстве нет никакой пользы. Отношения между зятем и тещей – весьма частая тема для обсуждения. Тёща часто придирчива к зятю, может даже не считать его равноправным членом семьи: Птица не рыба, а зять не человек [БСРП: 730]. Таким образом, с помощью орнитонимов формируется русская УК: **Тёща зятя не любит**.

В китайских же пословицах отношения между свекровью и снохой описываются с помощью образа курицы: 人多乱, 龙多旱, 母鸡多了不下蛋, 媳妇多了婆做饭。 – Когда людей много, беспорядок приходит; Когда драконов много, засуха наступит; Когда куриц много, они не несут яйца; Когда снох много, свекровь будет готовить [ПСПК: 769]. Когда в одной семье несколько жен, каждая из них будет стремиться переложить свои обязанности на другую, и в итоге все дела окажутся на плечах свекрови. Конечно, такая ситуация

происходит не только в семье: *人多不干活, 鸡多不下蛋。* – Когда людей много, они не работают; когда куриц много, они не несут яйца [ПСПК: 769] (рус. У семи нянек дитя без глазу без глаза). **УК:** *Дело обычно выполняется неудовлетворительно, когда за него отвечают сразу много людей.* Но в то же время китайцы считают, что, **чем больше людей, тем больше сил:** *鸡多下蛋多, 人多做活多。* – Чем больше куриц, тем больше яиц; чем больше людей, тем больше выполненных работ [ПСПК: 397].

Итак, в русской и в китайской паремиологических картинах мира образы петуха и курицы амбивалентны, но у петуха больше положительных характеристик, чем у курицы. Эта особенность проявляется и в китайских пословицах.

б) описание паремий с компонентом *ВОРОН/ВОРОНА* (210 рус.: 160 кит.)

Ворона – ‘птица с черным или серым оперением, родственная ворону’ [МАС. Т.1: 212].

Ворон и ворона выступают в качестве стереотипного образа в русской культуре. Вороны в славянской мифологии пользуются недоброй славой. Ворон, ворона – нечистые (дьявольские, проклятые) и зловещие птицы, связанные с миром мертвых. Карканье вороны, особенно возле дома или над головой человека, – к несчастью или смерти. Вороны с карканьем кружатся над домом или головой человека, предвещают несчастье, смерть и голодный год. Плохой приметой в пути является ворона, перелетавшая через дорогу. Для войска, пролетающая ворона – к поражению, для охотника и рыболова – к неудаче в промысле [СД. Т.1: 434-436]. Отсюда и глагол *накаркать*: ‘По суеверным представлениям: карканьем привлечь, наслать беду, несчастье (о вороне)’ [МАС. Т.2. 1999: 358].

Хищность, кровопролитие, разбой – характерные мотивы в представлениях о вороне и вороне. Птицы этого семейства, имеющие черную (вороную) окраску, противопоставляются белым птицам как зловещие и нечистые добрым и святым, в особенности голубю. В сказках о животных из-за своей глупости ворона предстает в комическом виде. Её глупость сочетается

с хвастовством и тщеславием: она хвалится перед орлом красотой своих детей и просит их не есть, орел же, увидев самых безобразных, съедает именно воронят [СД. Т.1: 434-438]. Пословицы, подтверждающие данную идею, следующие: *Выхвасталась ворона голосом* [БСРП: 155]; *И ворона воронят хвалит*; *Нет певчего для вороны супротив родного вороненка* [Даль. Т.2: 107]; (ср. *И сова своего совёнка хвалит: глазастьенький, головастьенький*); *Дивовалась ворона, что воронята грают*. * *Граять – каркать* [БСРП: 155]. Родители всегда приятно удивлены прогрессом и успехами своих детей. Пословицы об отношении птиц к своим птенцам несут двоякую информацию: с одной стороны, это отношение матери к детям, с другой стороны, это ирония стороннего наблюдателя, в которой содержится насмешка над слепой родительской любовью. Ирония вызвана особенностями культуры носителей языка: в русской традиционной культуре порицается **похвальба**: *Умный хвастал отцом-матерью, безумный – детьми (молодой женой)*; *Не хвались, а Богу помолись*; *Не хвали сам себя, есть много лучше тебя*; *Хвала первая порча*; *Чужого не хай, своего не хвали*; *Похулить (поругать) – грех, а похвалить – Бог убьёт*.

Но уж если самые «плохие» в русской лингвокультуре птицы хорошо относятся к своим птенцам, то и человек должен любить своих детей. Орнитонимы *ворона* в составе русских паремий формируют **УК: Все родители любят своих детей**.

Обычно в фольклоре ворона «предстает в комическом виде: она глупа, хвастлива, тщеславна, падка на лесть <...>» [РКП: 71]. Человека невнимательного и нерасторопного назовут вороной [РКП: 72]. Компонент *ворона* имеет переносные значения: ‘нерасторопный, неловкий человек, ротозей, простофиля’ [БАС. Т.2: 677], которые реализуются в паремиях:

1) *Не считай ворон – гляди под ноги* [БСРП: 154]. Считать ворон – быть невнимательным, не замечать того, что важно и нужно; ротозейничать [БАС. Т. 2: 677].

2) Ворона за море летала, а ума не стало; Ворона за море летала, да лучше не стала; Ворона [и] за море летала, да вороной и вернулась [БСРП: 155]. Это следует объяснить тем, что **собственную натуру трудно изменить**: Вороне где ни летать – везде говно клевать; Где вороне ни летать, а всё навоз клевать [БСРП: 156]. Есть китайские пословицы, выражающие то же значение, например: 鸡改不了啄米, 狗改不了吃屎。 – Курица/петух не может отучиться клевать рис, а собака не может отучиться есть кал [КП: 430].

Такая УК также выделяется на основе пословиц, отражающих наблюдения за главной чертой внешности ворон – черным оперением: Ворона не вымоешь [БСРП: 154]. Ворона не побелеет, как бы ее ни мыли: Ворона всё ворона [БСРП: 155]. Китайские аналоги: 乌鸦擦粉照样黑。 – Ворона всё ещё черная, даже если вытирает пудру [КП: 495]; 过了一千年, 乌鸦也是黑的。 – Даже спустя тысячу лет ворона все еще черная [ПСПК: 323]. Исходя из окраса вороны, в китайском языке тоже есть такие пословицы: 处处是老鸦一般黑。 – Вороны, где угодно, одинаково черны [ПСПК: 992]. **УК: Злые люди одинаково плохи повсюду.** А также 老鸦嫌猪黑。 – Ворона засмеялась над чернотой свиньи; 老鸦别笑话猪黑。 – Вороне нельзя смеяться над чернотой свиньи. Пословицы о том, что некоторые люди смеются над недостатками других, забывая, что у них есть схожие изъяны [СКП: 404].

3) Муж как ворона (т.е. ротозей, простофиля), а всё жене оборона [БСРП: 561]; Какой бы муж ни ворона, но жене оборона [БСРП: 560]. Здесь образом вороны выделяется **УК: Муж всегда жене защита, даже если он не очень хорош.**

4) Был бы сокол, а вороны налетят [БСРП: 155]; Залетела ворона в высокие (в боярские) хоромы. ‘Говорится тому (или о том), кто попал в чуждое ему, более высокое общество, среду’ [Жуков 1991: 124-125]. Залетела ворона в высокие хоромы: крутится, крутится, а вылететь не знает как. Залетела ворона в царские хоромы: почёту много, а полёту нет [БСРП: 155]; Попала ворона в большие хоромы; Не летать было вороне в боярские хоромы; На что

вороне большие хоромы? – *Знай, ворона, своё гнездо!* [БСРП: 156]. В этих пословицах образ вороны отображает заурядного человека, простофилю, который оказался не на своём месте, не заслуживая желаемого почёта. **УК: *Всему (каждому) – своё место.*** Похожая единица также существует в китайских паремиях: *老鸦占了凤凰巢。 – Гнездо феникса заняла ворона* [КП: 652].

5) *К воронам попал – по-вороньи каркай; С воронами летать – по-вороньи каркать* [БСРП: 156]; *Попал в вороны – каркай, как они* [БСРП: 157]. Здесь выражена **УК: *Соблюдай правила той среды, в которую ты попал. В чужой монастырь со своим уставом не ходят; Попал в волчью стаю – лай, не лай, а хвостом виляй.***

Нередко можно встретить мнение, что «ворона и ворон предстают как единый мифологический образ» [РКП: 71]. Однако в паремиях эти образы разводятся, например, в *пословицах: Ворон ворону глаз не выключет.* ‘Люди, связанные какими-либо общими (обычно корыстными) интересами, не предают друг друга, действуют заодно’ [Жуков 1991: 73]; *Ворон ворону глаза не выключет, а хоть (хотя) [и] выключет, [да] не вытащит (не вытощит)* [БСРП: 154]. Однако люди, которые сотрудничают ради блага, также могут предавать друг друга из собственных интересов: *Ворон у ворона глаз унёс* [БСРП: 154]. Эквивалентная пара пословиц присутствует и в китайском языке: *乌鸦不啄乌鸦眼 – Ворона не клюёт глаз вороны; 乌鸦也吃乌鸦的眼睛 – Ворона также ест глаз вороны* [ПСПК: 1041].

Ворон/ворона в китайской культуре относится к амбивалентным символам: ворон рассматривается как божественная птица (трехногий ворон), символ **почтительности и послушания** (вороны кормят своих родителей в старости), но также в некоторых легендах и народных представлениях ворон фигурирует как зловещая птица. Чаще всего вороны выступали в качестве положительных образов в произведениях культуры до династии Сун (с 960 по 1279). После же династии Сун образ ворона/вороны постепенно менялся, и до сих пор в большинстве случаев он негативный [Ван Эрцзе, Чжоу Шуцзюань

2012: 48-51]. В большинстве примеров эта птица является вестником беды, например: 乌鸦当头过, 无灾必有祸。 – *Ворона пролетит над головой, либо будет несчастье, либо беда.*

Ворона в китайских пословицах часто выступает в качестве птицы, которая любит и уважает своих родителей: 燕子养儿空劳力, 乌鸦反哺尽孝心。 – *Ласточка впустую тратила силы на воспитание своих детей, а ворона кормит (родителей) «обратно», чтобы выполнить сыновний долг* [ПСПК: 1138]. Кормить «обратно» означает, что, когда воронёнок вырастает, он начинает кормить свою мать, т.е. когда дети становятся взрослыми, они заботятся о своих родителях в ответ, чтобы выразить благодарность и сыновнюю почтительность [Словарь современного китайского языка. 2016: 360]. А ласточки трудятся каждый день, чтобы вить уютное гнездо для своих детей, но, когда дети вырастают, они улетают и больше не возвращаются. Китайская культура богата моральными нормами, которые связывают детей с их родителями вечным долгом первых перед вторыми за их заботу в детстве: 乌鸦反哺, 尚答亲恩; 有亲不养, 何以为人。 – *Ворона кормит (родителей) «обратно», чтобы ответить на родительскую доброту; Человек, который не кормит родителей, как же может считаться человеком?* [ПСПК: 1041]; 羊羔知道跪乳, 乌鸦知道反哺。 – *Ягнёнок знает, как сосать материнское молоко на коленях, ворона знает «обратное» кормление* [ПСПК: 1141]. Китайские пословицы с компонентом ворона отражают **УК: Человек должен питать любовь и почтительность к своим родителям.**

В целом, как в русской, так и в китайской языковой картине мира стереотипные представления о воронах негативные. Но в сознании китайцев образ вороны закрепился как символ почтения к старшим, символ послушания и сыновнего долга перед родными [Происхождение китайских иероглифов 2006: 328]. Данное положение не зафиксировано в русском языке.

в) описание паремий с компонентом ВОРОБЕЙ (62 рус.: 68 кит.)

Воробей – ‘маленькая птичка с коричневато-серым оперением, живущая обычно близ жилых строений’ [МАС. Т.1: 212]. Слово «воробей» восходит к звукоподражательной основе (вѣр), как и глагол ворковать. [Фасмар. Т.1: 352].

Согласно славянским представлениям, воробей – **нечистая, проклятая** птица. В некоторых христианских легендах и традициях воробьи боролись с ласточками, которые старались спасти Христа, также они своим чириканьем выдали Христа преследователям, эти птицы помогли принести гвозди для распятия [СД. Т.1: 431]. Видно, что в русском языке письменные источники относят *воробья* к нечистым птицам и связывают эту оценку с религиозными мифами; опрос показал, что современные носители языка никак не связывают этот орнитоним с мифами и оценивают эту птицу нейтрально или положительно. Орнитоним *воробей* вследствие ослабления религиозной составляющей поменял аксиологический вектор с отрицательного на нейтральный и положительный.

Самый яркий образ воробья в русских пословицах – маленькая, слабая птичка: *Воробьи торопились, да маленькими уродились*. ‘**Излишняя поспешность не дает нужных результатов**’ [Жуков 1991: 73].

При ловле такой маленькой птички не требуются пушки: *По воробьям из пушки не стреляют* [БСРП: 153]; *Из пушки по воробьям не стреляют* [БСРП: 735]. Иными словами, при решении маленьких проблем не нужно много времени и сил. **УК: Не стоит тратить много сил по пустякам.** Китайский аналог: 割鸡焉用牛刀。 – Нет необходимости резать курицу/петуха ножом для забивания коров [КП: 416].

Воробей как маленькая птичка также часто появляется в китайских поговорках: 麻雀虽小, 五脏俱全。 – Хотя *воробей* мал, но все органы у него есть. Даже что-то небольшое по размеру, может имеет полное содержание. Например, «Хотя этот дом невелик, но в нем есть все виды оборудования. “Хотя воробей мал, но все органы у него есть”» [СКП: 438]. Ещё один пример: 麻雀飞过也有影子。 – Даже если *воробей* пролетит, его тень останется.

Независимо от того, насколько скрытен человек в своих действиях, он всегда будет оставлять подсказки/следы [СКП: 438].

В китайской культуре образ воробья тоже неоднозначен. По мнению китайцев, если воробьи спокойно летают и играют во дворе, для семьи это предвещает удачу и счастье. Шумящие воробьи – к пожару, чуме, несчастью и т.п. [СКС: 185].

Как в России, так и в Китае воробья крестьяне считали врагом, это отражается в пословицах: *Кто боится воробьёв, тот не сеет проса* [БСРП: 153]. Некоторые люди не начинают работать, потому что боятся неудачи. Китайцы говорят: *不能因为怕麻雀, 就不敢种青稞。 – Нельзя не осмеливаться сажать голозерный высокогорный ячмень только потому, что боишься воробьев*. Это означает, что мы не можем бездействовать из страха совершить ошибку [ПСПК: 53].

Воробьи также счастливы в сезон сбора урожая: *Осенью и у воробья пиво; Осенью и у воробья пир; Осенью и воробей богат* [БСРП: 153].

Воробьи осторожны и ловки, их нелегко поймать. У русских воробей ассоциируется со словами: *Слово не воробей, вылетит (выпустишь) – не поймаешь*. ‘Прежде, чем что-либо сказать, надо хорошенько подумать, чтобы потом не пришлось жалеть о сказанном’ [Жуков 1991: 305].

Есть также следующие пословицы, подтверждающие идею ловкости воробья: *Воробья на соломе не проведёшь*. ‘О бывалом, опытном, хитром человеке’; *Воробья на сосне не обманешь*; *Старого воробья на мякине не обманешь*; *Старого воробья на мякине не проведёшь* [БСРП: 153]. Опытных старых воробьев трудно поймать, так и опытных людей нелегко обмануть. **УК:** ***Опытного человека не обманешь.***

Приведём примеры из НКРЯ: «Счастлив этот краснобай, что не я его возил: побывал бы он у меня в городском остроге. Эк он подъехал с каким подвохом, проклятый! Да нет, ребята! старого воробья на мякине не обманешь: ведь этот проезжий — шпион. — Неужто, дядя Савельич? — сказал ямщик в армяке. — Ну да!» (М. Н. Загоскин. Рославлев, или Русские в 1812 году, 1830).

Китайцы воробьёв не очень любили по той причине, что воробьи уничтожают урожай и зерно. В 1950-х годах в целях защиты урожая в Китае началась грандиозная кампания, которая называется “уничтожение воробьев”. В это время писатели, поэты и художники в разной степени ругали воробьев в своих произведениях, активно создавая негативный образ данной птицы. Позже ученые осознали, что подобные действия грозят экологической катастрофой для всего Китая, вследствие чего кампания была прекращена. [Байду байкэ]. С тех пор в Китае особенно – трепетное – отношение к воробьям. В китайском языке есть много пословиц, связанных с ловлей воробьев: *闭着眼睛捉不住麻雀。* – *С закрытыми глазами нельзя поймать воробья* [ПСПК: 33], что несёт в себе смысл: Нельзя действовать вслепую; *钓鱼凭竿, 捉雀凭筛。* – *Рыбалка должна опираться на удочку, ловля воробьев – опираться на сито.* Значение таково: чтобы что-то делать хорошо, вам нужно иметь соответствующие условия [СКП: 149]; *明珠弹雀, 不如泥丸; 白壁疗饥, 不如壶餐。* – *Лучше стреляй воробья глиняным шариком, чем чистой жемчужиной; лучше утоляй голод сосудом с едой, чем белой яшмой.* Это означает, что какими бы дорогими или некачественными ни были бы вещи, они могут сыграть важную роль только в соответствующих обстоятельствах [СКП: 463].

Таким образом, как в русской, так и в китайской народной традиции воробей обладает преимущественно отрицательными качествами в ментальности обоих народов. Но современные носители русского языка никак не связывают орнитоним воробей с мифами и оценивают эту птицу нейтрально или положительно.

г) описание паремий с компонентом **ЖУРАВЛЬ** (29 рус.: 19 кит.)

Номинативное значение слова журавль в русском языке – ‘болотная перелетная птица отряда голенастых, с длинными ногами, шеей и клювом’ [МАС. Т.1: 489]. Журавль – перелетная птица, с приходом холодов она улетает в тёплые края. С этим явлением связана следующая русская пословица: *Одна у журавля дорога: на тёплые воды* [БСПП: 354]. Русские ассоциируют

мигрирующих журавлей с людьми, которые покидают своё родное место в поисках лучшей жизни, и это отражено в следующих пословицах: *Прощай, матушка Русь: я к теплу потянусь (говорит журавль на отлете); И кулик чужу сторону знает. И журавль тепла ищет* [Даль. Т.1: 287]. Чтобы лучше понять смысл данных паремий, внесем контекст, обратимся к примеру употребления из художественной литературы:

«– А по России не скучает? – спросил я.

– Может, и скучает, да Мордобоя не хочет. И кулик чужу сторону знает, и журавль тепла ищет – человек и подавно. Сладко, что ли, с Прокудиновым было жить? В России что наш брат? Последний опорок, помыкай, кто хочет... А здесь он – вольный человек, свои права имеет. Всякому это лестно, как вы думаете?.. Это вот разве Щукину в обиду... Ему – плюй в глаза – все божья роса!» [<https://www.litmir.me/br/?b=165330&p=52>].

Журавль в славянской культуре является божьей птицей. По сербским поверьям, он прилетает с края света, а по украинским представлениям зимует в «Ирее» («мифическая страна, находящаяся на теплом море на западе или юго-западе земли, где зимуют птицы и змеи» [СД. Т.2: 422]). Осенью он уносит в эту страну грешные души, а весной оттуда приносит новые – души детей, которые родятся весной и летом. В зоне русско-белорусского пограничья прилет журавля приурочен к Святой неделе [СД. Т.2: 229], поэтому существуют такие пословицы, как: *Кто как (когда) хочет, а журавль в спасовку* (или: со Спасова дня, т.е. летит в отлет) [Даль. Т.2: 310]; *Кто когда хочет, а журавль к спасу*. * Т. е. отлетает [Даль. Т.2: 124].

Гнезда журавлей обычно располагаются в болотистой местности. Образ журавля как болотной птицы также нашёл отражение в некоторых русских пословицах, например: *Журавль ходит по болоту, нанимается в работу* [БСРП: 354]. Птицы ежедневно старательно ищут себе пропитание, подобно людям, которые усердно работают для удовлетворения собственных потребностей. В данной пословице отражена ценность труда. Помимо поощрения трудолюбия часть пословиц с компонентом *журавль* описывают

важность соблюдения границ. Журавль имеет свою собственную среду обитания и не должен вторгаться на территорию других птиц: *Журавль межи не знает и через ступает (шагает); Журавль межи не знает, через неё ступает* [БСРП: 354]. Важно знать, что *межа* – святое дело. В китайских пословицах также есть пословицы, описывающие взаимосвязь между журавлем и его местом обитания, например: *野鸡有山头, 白鹤有滩头。 – У фазана есть вершина холма, а у белого журавля есть береговой плацдарм.* Смысл этой пословицы таков: если человек хочет добиться успеха, он должен с умом выбирать среду и направление, где сможет полностью раскрыть свои таланты и потенциал [СКП: 1035]. Также есть пословица: *塘干鱼净, 白鹤起身。 – Когда пруд пересыхает и рыба исчезает, журавль улетает* [ПСПК: 974]. Как только польза исчезнет, разбегаются все, привлеченные выгодой. Синонимичная единица: *水尽鹅飞 Вода иссякла – гуси улетели. УК: Человек, который дружит с вами только из-за власти и интересов, как только польза исчезнет, покинет вас.*

Многие пословицы основываются на наблюдениях за внешними характеристиками журавля: *Нос вытащит – хвост увязит; хвост вытащит – нос увязит* (докум. сказка о журавле) [Даль. Т.1: 122]. Русские используют эту пословицу для описания безвыходной ситуации, в которой человек на протяжении длительного времени не может справиться со своими трудностями. Другая физическая характеристика журавля – его высокий рост и особенная манера держаться: *Журавль всякого перестойт* [БСРП: 354]. Эта птица обладает грациозным телосложением, длинными ногами и длинной шеей. В связи с этим русские считают, что журавль держится горделиво, иногда даже надменно: *Снесив журавль, а шею клонит* [БСРП: 354]. Несмотря на то, что на первый взгляд журавль представляется исключительно гордой и самодостаточной птицей, но даже ей иногда приходится нагибаться, склонять голову, чтобы добыть себе в воде еды. Точно также происходит и с людьми. Чувство собственного достоинства несомненно важная вещь, однако

необходимо понимать, что в некоторых ситуациях этим чувством можно поступиться и проявить терпение, смирение и кротость. Некоторые пословицы напрямую говорят о том, что прямая шея, подобная журавлиной, признак чрезмерной гордыни и спеси в человеке: *У спесивого волчья шея; У спесивого кол в шее.*

Китайцы тоже обратили внимание на уникальную внешность журавлей: 鹤长凫短不能齐。 – У журавля длинные ноги, а у утки короткие – нельзя заставить их быть одинаковыми. Смысл данной пословицы состоит в том, что каждый человек имеет свои особенности, невозможно искусственно заставить людей быть одинаковыми [СКП: 286]. **УК: У каждого есть свои особенности.** В китайском языке также существует выражение: 鹤立鸡群 – Стоять как журавль среди кур. Оно используется при описании человека, выделяющегося среди других своими способностями. Помимо всего прочего в китайских пословицах также уделяется внимание окрасу журавля: 仙鹤全身白, 尾尖一点黑。 – Маньчжурский журавль весь белый, а кончик хвоста немного черный [ПСПК: 1076]. Смысл таков: ничто на свете не бывает идеальным, изъяны встречаются во всём. Хваля пожилых людей за их внешность и бодрость духа, китайцы говорят: 鹤发童颜 – Белые волосы как перья журавля, а лицо детское. В китайском языке у орнитонима “仙鹤” есть два значения: 1) Маньчжурский журавль; 2) Мифологический журавль, которого кормят небожители [СКС: 1416]. Второе значение было широко распространено в древней китайской литературе. Иногда журавля, на котором летают небожители, называют 黄鹤 ‘желтый журавль’: 杳如黄鹤 – исчезнуть как жёлтый журавль вдали. Этот фразеологизм появляется в произведении «Записки с изложением странного». Первоначально это выражение использовалось в прямом своём значении: в легенде небожители улетают на желтых журавлях и больше никогда не возвращаются. Теперь оно означает «бесследно пропасть». Согласно китайским представлениям журавль как мифическая птица живёт дольше обычных, поэтому он стал символом

долголетия. Выражение “возраст журавля” используется для того, чтобы пожелать человеку здоровья и долгой жизни. Именно так появилась традиция дарить пожилым людям на день рождения картины с журавлями [СКС: 111-112].

Большое множество русских пословиц описывают высокий журавлиный полёт, например: *Журавль летает высоко и (да) видит далеко* [БСРП: 354]. Только поднявшись «выше» можно разглядеть горизонт. Только с приложением усилий можно большего добиться. Однако существует пословица, которая наоборот описывает журавля как птицу, что летает низко: *Журавль летает не высоко, да видит далеко* [БСРП: 354]. Образ парящего журавля также используется в пословицах о молодости: *Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел* [БСРП: 354]. Русские считают, что молодым людям не хватает опыта, знаний, чтобы в некоторых жизненных ситуациях принимать верные решения. **УК: Молодые люди должны быть скромными и прислушиваться к мнению и советам пожилых.**

В некоторых русских пословицах с компонентом *журавль* отображена идея предначертанности определённого жизненного пути, например: *Журавль высоко летает, а от реки не отбивает; Журавль высоко летает, а от смерти не отбивает; Долго журавль летает, а мозолей не натирает; Журавли за море летают, а всё одно: курлы* [БСРП: 354]. Иногда образ журавля выступает в качестве сравнения, которое всегда происходит в его пользу: *Синица, хоть тресни, журавлём не будет; Синица, хоть тресни, не быть журавлём* [БСРП: 810]. Здесь тоже демонстрируется некоторого рода фатализм, предопределённость, когда человек при всём желании и большом усердии не сможет изменить себя и свою суть. Данные паремийные единицы репрезентируют **УК: Собственную натуру трудно изменить.**

Журавль в русской культуре это святая птица, вестник добра [СД. Т.2: 229]. Поскольку журавли являются редкими птицами, не часто встречаются и в повседневной жизни, и на охоте, появилось выражение «журавль в небе», которое используется для описания «чего-либо ожидаемого, желаемого, но

маловероятного» [МАС. Т.1: 489]. Отсюда и следующие пословицы: *Журавль в небе не добыча; Лучшие синица в руках (в руки), чем журавль в небе; Синица в руке лучше журавля в небе* [БСРП: 810]. *Журавля в небе не сули, дай прежде синицу в руки; Не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот; Не сули журавля в небе, [а] дай синицу в руки; Журавли-то в небе, а яйца – те в дупле; Журавль под небом, а сила на земле* [БСРП: 354]. Синонимичная единица: *Лучше воробей в руке, чем петух на кровле* [БСРП: 152]. **УК: Лучше выбрать награду попроще, чем гнаться за несбыточным.** Не нужно пытаться прыгнуть выше головы. Китайские аналоги: 天上的仙鹤, 比不上手里的麻雀。 – *Лучше воробей в руках, чем журавль на небе.* Наши далекие мечты кажутся нам более привлекательными, однако реальность намного важнее и ценнее. Также данная пословица может выступать в качестве совета решать свои проблемы с должным усердием, меньше тратить время на пустословие [КП: 355]; 明天一个鸡, 不如今天一个蛋。 – *Одно сегодняшнее яйцо лучше одной завтрашней курицы* [ПСПК: 608].

В русских пословицах, касающихся сопоставления полученного результата с ожидаемым, орнитонимы журавль и воробей часто появляются в виде сравниваемых пар: *Стрелял в воробья, а попал в журавля* [БСРП: 153]. Человек получил больше, чем ожидал изначально. Существует также пословица с прямо противоположным смыслом: *Стрелял в журавля, а попал в воробья* [БСРП: 153], означает, что человек получил меньше ожидаемого.

Как видно из некоторых русских пословиц, журавли раньше считались съедобными птицами: *Журавль не каша, еда не наша* (журавль встарь почитался лакомством) [Даль. Т.2: 118]. Однако «издавна на Руси убить журавля считалось грехом – а это уже больше, чем просто уважение» [https://mir-knig.com/read_226733-8]. В китайском языке существует следующее высказывание: 煮鹤焚琴 – *Варить журавля и сжигать цинь (китайскую цитру)*. Это означает, что что-то хорошее оскорбляется и разрушается. В китайской культуре журавль символизирует мудрость и долголетие. Художники часто изображают двух журавлей, летящих высоко к

солнцу. Китайцы любят дарить подобные картины в знак уважения и признательности [СКС: 112]. На протяжении веков образ журавля является важным элементом китайской живописи. Это объясняет существование следующей пословицы: *黄笙画鹤, 薛稷减价。 – Хуан Шэн нарисовал журавля, а цены картин Сюэ Цзи снижены.* Сюэ Цзи – знаменитый художник династии Тан, был известен тем, что очень живописно изображал на своих работах журавлей. Он оставался непревзойдённым мастером на протяжении длительного периода времени, однако с появлением художника Хуан Шэня это изменилось. Талант Хуан Шэня превзошёл талант предшественника, что в свою очередь снизило ценность картин, нарисованных Сюэ Цзи, а также подпортило его репутацию [СКП: 306]. Помимо всего прочего в китайских пословицах делается акцент на пугливость и осторожность журавлей: *不要胆小如鹤, 要学鸿雁之志。 – Не будь трусливым, как журавль; учись у дикого гуся, который полон высоких стремлений* [ПСПК: 70]. В китайской культуре дикие гуси считаются исключительно храбрыми птицами, их часто за это ставят в пример.

Исходя из всего вышеизложенного, как в русской, так и в китайской культуре образ журавля амбивалентен, но в большинстве случаев положителен. Журавль является священной, мифологической птицей в народных представлениях, которые нашли своё отражение в паремиях двух языков.

д) описание паремий с компонентом **ГОЛУБЬ** (24 рус.: 23 кит.)

Голубь – ‘птица с разнообразной окраской оперения (обычно с серовато-голубой или белой и большим зобом)’ [МАС. Т.1: 329]. Слово *голубь* производит от названия цвета [Фасмер. Т.1: 432].

Голубь чаще встречается человеку в повседневной жизни, его образ нашёл своё особое место в языке и культуре. Например, многие дети любят пугать голубей, отсюда выражение «гонять голубей», которое используется для обозначения безделья, праздного времяпрепровождения [Мокиенко и др. 2007: 149]. Окраска оперения голубей разнообразна. Однако образ именно

чисто белого голубя и в русской, и в китайской культуре имеет особое значение. Белый голубь – красивая и нежная птица [РКП: 73], поэтому существует пословица: *Кроткий голубок (голубка) ни мухам враг* [Даль. Т.1: 221]. Столь безвинное создание не в состоянии причинить вред даже крохотной мухе. Особые звуки, которые любят издавать голуби, кажутся русским невероятно красивыми. Глагол *ворковать* означает «ласково, нежно, тихо говорить с кем-либо» [РКП: 74]. Хотя голубь и выглядит маленьким, безобидным, не стоит игнорировать его острый клюв. Поэтому существует ряд паремий, где говорится о том, что с виду добрый и кроткий человек на деле может оказаться не таким безобидным: *У того голубочка велики (остры) зубочки* [БСРП: 195].

Благодаря картине П. Пикассо, изображающей белого голубя с оливковой веточкой в клюве, голубь известен всем как посланник мира. В «Русском ассоциативном словаре» самая частотная реакция на слово-стимул *голубь* – мир (108 ассоциаций) [РАС: 139]. Выражение «*голубь мира*» имеет следующие значения: «символ борьбы за мир; человек, который занимается миротворческой деятельностью» [РКП: 74]. Русская пословица гласит: *Голубь мира вьётся, а капиталист трясётся*. Хотя в традиционной китайской культуре голубь не является символом противостояния войне, у него есть похожий символический смысл – семейная гармония и покой, т.е. то, что даёт мир.

Белый голубь часто выступает в качестве символа чистой и бескорыстной любви. «Любовно-брачная символика голубя представлена в магии, в свадебном обряде, в свадебных, любовных и других песнях» [СД. Т.1: 516]. Воркующие голубь с голубкой – главный символ двух влюбленных. Русские обращаются к образу этой птицы, «когда говорят о любви, о влюбленных»: *Пара голубков – вечная любовь* [БСРП: 195]. В китайской культуре голубь также обладает любовно-брачной символикой. Китайцы верят, что самец и самка голубя всегда летают вместе и верны друг другу до конца жизни.

При ласковом обращении к близкому человеку русские могут употреблять слово *голубь* и другие производные от него слова: *голубок, голуба, голубчик, голубушка* [РКП: 74]: *Ты, голубушка, не сдавайся – правым крылышком отбивайся* [БСРП: 195]. Также образ голубя встречается в пословицах про измену: *При народе – куманёк да кумушка, а без народа: «Поцелуй, голубушка!»*.

Согласно христианской традиции, в виде голубя Святой Дух сошел с небес во время крещения Иисуса. Именно поэтому голубя считают чистой, святой, божьей птицей, которая воплощает в себе доброту и кротость, часто противопоставляется нечистым животным и хищным, злым птицам. По представлениям древних славян, облик белого голубя, принимают добрые души, а облик черных воронов и ворон – злые [СД. Т.1: 516]. «Чтобы ястребы и вороны не причиняли вреда в хозяйстве, их называли на Рождество голубями» [СД. Т.1: 515]. Как было сказано выше, голубь часто используется в противопоставлениях. Так в русских пословицах можно встретить пару голубя (голубки) и беркута: *Как ни наряжайся под голубицу, а беркута по полёту узнают* [БСРП: 195]. Данная единица репрезентирует следующую ментальную УК: ***Суть не может быть изменена внешним видом.*** Обратимся к примеру из художественной литературы:

«– Видать, дядя Степан, твой связчик – городской человек», – сказал он и уставился на Акимова. – Небось знает, как там война-то. Скоро ли замирение-то будет?

Лукиянов растерянно посмотрел на Акимова.

– Как, Гаврил Гаврилыч, можешь или нет что сказать? У кого что болит, тот про то и говорит, – призывая Акимова сдержанной улыбкой к снисхождению за любопытство мужиков, проговорил Лукиянов.

"Нет, брат, как ты ни выражайся под голубицу, – беркута по полету узнают", – с беззлобной улыбкой подумал о себе Акимов» [https://mir-knig.com/read_256539-108].

Что касается голубей отличного от белого окраса, то их образы не всегда так положительны. Русские рассматривают сизого (серого) голубя как глупую, но безобидную птицу [РКП: 73]. Часто происходит сравнение орла и голубя, очевидно не в пользу второго. Например: *Взлетел орлом, прилетел голубем*. Речь идёт о человеке, который часто хвастается, но на деле не добивается никаких результатов. Образы голубя и орла также используются в китайской пословице: *鸚鵡不能伴鷹飛, 烏鴉不与鳳凰栖*. – *Домашний голубь не может летать вместе с орлом/соколом; а ворона не может жить вместе с фениксом* [ПСПК: 41]. Отсюда выделяется **УК: Человек стремится к себе подобным**, которая была упомянута выше (в части исследования образа павлина).

Корреляция белого голубя и черной вороны чаще встречается в китайских паремиях: *黑老鴉成不了白鴿子*. – *Черная ворона не может превратиться в белого голубя; 黑老鴉洗不成白鴿子*. – *Черные вороны не отмоются до белого голубя*. (Вариант: *黑老鴉洗不成白鵝*. Черные вороны не моются до белого гуся) [ПСПК: 357]; *烏鴉抹上白灰, 也变不成白鴿; 狐狸跳进大海, 也洗不尽骚臭*. – *Даже если ворона намазана белым налетом, она не сможет стать белым голубем; даже если лиса прыгнет в океан, она не сможет смыть вонючего запаха* [КП: 495]. Из этих пословиц выделяется **УК: Нутро невозможно исправить посредством внешних изменений**.

В прошлом русские и китайцы разводили почтовых голубей для передачи писем. Китайцы рассматривают почтовых голубей как крайне надежных и верных птиц, которые всегда возвращаются к своему хозяину. Голубей на Руси также употребляли в пищу. Компонент *голубь* может встречаться в следующих пословицах: *Жареные голуби сами в рот не влетят; Печёные (печёные) голубки не прилетают до губки* [БСРП: 195]. Губка – ‘Уменьш.-ласк. к губа’ [МАС. Т.1: 355]. Пословицы репрезентирует **УК: Всякое дело требует определенных усилий**. С развитием русского общества появился запрет на блюда из голубей, нельзя было «чинить ему (голубю) вред

и употреблять в пищу. Нарушение этих запретов воспринимается как грех и влечет за собой различные наказания» [СД. Т.1: 515], например, смерть детей, запустение дома, неблагополучие скота и т.д. [там же]. Блюда из голубей до сих пор популярны в Китае. По мнению китайцев, голубиное мясо имеет более высокую питательную ценность, чем мясо других птиц: 一鸽胜九鸡。 – *Один голубь лучше, чем десять куриц* [ПСПК: 1183].

В современном мире выпускание голубей – один из самых романтических обрядов на свадьбе. Однако на молодёжном жаргоне русского языка выражение “*пускать голубя*” не имеет столь романтического смысла, оно означает выпускать газы из кишечника [Мокиенко и др. 2007: 149]. В китайском же языке выражение 放鸽子 *Выпускать голубя* означает не сдерживать слова. Русские считают, что выпущенные голуби не вернутся: *Пущенный голубь из рук к рукам не возвратится* [БСРП: 195]. То, что было однажды, утеряно, уже никогда не получится это вернуть. Китайцы же предпочитают думать, что выпускать голубей является хорошей приметой: 养鸽不如放鸽好。 – *Лучше выпускать голубя, чем выращивать* [СКП: 106]. Считают, что выпущенные голуби обязательно вернутся, поэтому лучше выпускать их, чем тратить время и еду на кормление. В данном выражении сформулирована торговая стратегия.

Голубей выпускают из голубятни. В русском языке есть поговорка *Голуби из голубятни улетели*. Она используется для описания глупого, несообразительного человека [Мокиенко и др. 2007: 1149]. Также существует пословица с похожим значением: *У него из голубятни голуби улетели* [Даль. Т.1: 380].

На вопрос о том, куда улетают голуби, пословицы дают следующие ответы: *Голуби летают, где их привитают* (привитать – устар. жить, обитать) [БСРП: 195]. Люди склонны возвращаться к местам, где они родились или выросли. В этом феномене заключается особая связь человека и его родины. Голуби обычно летят к еде, которая часто является ловушкой: *Голубь летит*

на приваду [БСРП: 195]. Здесь выделяется **УК: Не надо позволять жажде наживы ослепить твой разум.** И птицы, и люди обычно стремятся к личной выгоде: *Будь в голубятне корм – голуби слетятся* [БСРП: 195]. Данный стереотип также зафиксирован в китайской пословице с компонентом *голубь*: *舍不得红小豆, 引不来白鸽子。 – Жалко, что мелкой красной фасолью, не привлечёшь белого голубя к себе* [ПСПК: 875]. Синонимичные единицы: *舍不得金弹子, 打不了凤凰来。 – Хочешь феникса поймать – приготовь золотые пули. 舍不得白米抓不住鸡。 – Хочешь курицу/ петуха поймать – приготовь рис; 扣个麻雀还得几颗谷子。 – Даже если поймаешь воробья, всё равно нужно несколько зёрен* [СКП: 391]; *捉鹌鹑还要个谷穗儿。 – Даже если поймаешь перепела, все равно нужен колос.* **УК: Для достижения цели следует заплатить определенную цену, приложить некоторые усилия.**

Китайцы заметили, что голуби любят слетаться в особо людные места, поэтому они используют эту особенность птиц, чтобы, с одной стороны, описать человека, стремящегося к лучшей жизни, с другой – высмеять сноба, который льнёт к сильным мира сего: *白鸽子朝亮处飞。 – Белый голубь летит к свету; 白鸽子往旺家飞。 – Белый голубь летит к процветающей семье* [ПСПК: 13]; *鸽子向旺处飞。 – Голубь летит к цветущему месту* [КП: 17]. В целом, из этих пословиц можно выделить следующую **УК: Человек ищет то место, где ему будет лучше.** Стоит отметить, что в отличие от русского языка, в китайском образ белого голубя иногда негативен. Одна из важных причин для этого – различие в отношении к белому цвету. В славянской культуре белый цвет обычно имеет положительное символическое значение, а в китайской культуре – противоположное ему. Например, похоронные одеяния часто были белого цвета.

Русские часто связывают образ голубя с деньгами и достатком: *Деньги – голуби: прилетят и опять улетят; Денежки, что голуби: где обживутся, там и поведутся* [БСРП: 264]; *Деньги прах, а животы – что голуби: где поведутся* [Даль. Т.1: 77]; *Животы что голуби: где поведутся; Животы – что голуби:*

где хотят, там и сидят; Животок – что голубок: вспорхнул, улетел [БСРП: 364]. Таким образом, из представленных пословиц можно выделить такие **УК**: 1) *Богатство и бедность часто сменяют друг друга*; 2) *Жизнь мимолетна и непостоянна*.

Противопоставляется образ *голубя* срочному и важному делу: *Дело не малина, в лето не опадет. Дело не голуби, не разлетятся*. Пословица отражает следующую **УК**: *Дело всегда можно сделать позже*.

И русское, и китайское стереотипное представление предполагает положительное отношение к голубю.

Утрата одного из когнитивных признаков концепта может привести к смене аксиологического вектора орнитонима. Данные НКРЯ и интернет-опрос носителей языка показали, что из мифологической составляющей орнитонима уходит когнитема, связанная с религиозным КК, т.е. представление о голубе как о воплощении Святого Духа. Приведём примеры из НКРЯ: «Это же, говорит, голубь, голубица, Христова птица, про них в писании сказано: *"Незлюбивы, яко голуби"*». (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1, 1964); «На них все наглядно: жирный, наглый, явно *враждебный голубь* и рука, мечущая перед ним просо» (Татьяна Брицкая. В Мурманске за кормление бездомных животных предложили ввести штрафы // Новая газета, 2017.09.24).

Положительная аксиологическая оценка орнитонима *голубь*, бытовавшая в XX веке, в XXI веке постепенно меняется на отрицательную: ослабевает и теряется связь с религиозным кодом культуры и усиливается бытовая составляющая концепта.

е) описание паремий с компонентом *ЛЕБЕДЬ* (13 рус.: 7 кит.)

Слово *лебедь*, по данным этимологических словарей, известно в русском языке с XI века, оно восходит к индоевропейской основе в значении ‘белый’ [Фасмер. Т.2: 470]. Лебедь – это ‘водоплавающая перелетная птица сем. утиных, с белым (реже черным) оперением, с длинной, красиво изогнутой шеей и плавными движениями’ [МАС. Т.2: 167]. Выражение *лебединая поступь* характеризует горделивую, грациозную женскую походку. В России

распространено поверье, что лебедь поёт только перед смертью (*лебединая песня* – ‘последнее проявление таланта’). В пословицах остаётся символическое значение орнитонима *лебедь* – красота, грация. Русские говорят: *Не учи белого лебедя плавать, а боярского сына с татарами биться* [БСП: 474]. **УК:** *Не нужно учить человека тому, в чём он и так преуспевает, что он делает лучше всех*: белый лебедь лучше всех, грациознее всех плавает, а боярский сын – сражается с татарами. Данная модель весьма продуктивна в русском языке: *Не учи сороку впрыскаду плясать; Не учи орла летать, а соловья петь; Не учи дедушку кашлять; Не учи жену щи варить* и т.д.

В русской национальной культуре образ лебедя сугубо положительный. Лебедь является одним из типичных персонажей русского фольклора. В сказках образ лебедя обычно связан с «мотивом его превращения в прекрасную девушку» [РКП: 110]. В фольклоре лебедю «присуща ярко выраженная женская любовно-брачная символика» [СД. Т.3: 89]. Лебедь – символ красоты.

Зависть заставляет мужчин считать, что чужие жены лучше. Такая ценностная установка также выражается с помощью образа лебедя. *Чужая жена – лебёдушка, а своя – полынь горькая* [БСП: 339]. По представлениям русских, лебедь всегда является символом красоты и грации. В современном русском языке лебедь (лебёдушка) – это обращение к женщине, которая «отличается красотой, стройностью; внешний облик которой соответствует идеалу женской красоты» [РКП: 110]. **УК:** *Чужая жена кажется лучше*. Но есть и противоположное мнение, *свое всегда лучше чужого: Всякий считает своих гусей лебедями*.

Согласно русским ценностям УК, для женщины всегда главным богатством были и будут её собственные дети. Многодетная мать являлась не только образцом в глазах других людей, но и рассматривалась как необходимая мера, продиктованная суровой жизнью крестьян: *Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу)* [БСП: 337]. Это, вероятно, и послужило появлению взаимосвязи двух образов в языке. Вместе с тем,

кротость или покорность считается одной из отличительных черт хорошей жены. Это также находит свое отражение в образе лебедя в следующей пословице: *Доброй жене по тихой воде лебедью плыть – воды не замутить*. Поговорка «*Не замути воды*» описывает скромного, спокойного человека [Мокиенко и др. 2007: 91].

Из двух приведенных выше пословиц с компонентом лебедь можно вывести следующие УК о критериях оценки красоты жены: **1) *Женщина красива детьми*; 2) *Жена красива своей кротостью***.

Конечно, эти стандарты, определяющие женскую красоту, воплощенные в пословицах, в настоящее время не так актуальны и зачастую отражают патриархальные взгляды общества.

Кроме того, лебедь является символом верности. Считается, что лебеди живут парами, и если один погибает, то умирает и другой от тоски [РКП: 110]. Существует даже такое понятие как «лебединая верность». Поэтому русские рассматривают лебедя в качестве символа вечной любви.

В русской культуре лебедь – драгоценная птица, русские говорят: *Белый лебедь серому гусю не товарищ* [БСРП: 474]. Синонимичные единицы: *Гусь козлу не товарищ; Гусь козлу не брат; Гусь свинье не товарищ* [БСРП: 231]. Это говорится о том, кто не ровня кому-либо. **УК: *Людам из разных социальных слоев или с разными интересами трудно дружить***. В китайском языке также есть много паремий с компонентом-орнитонимом, которые выражают ту же УК, например, *羊和狼不在一个圈, 雀和鹁不住一个窝*. – *Овца и волк не живут в одном загоне, воробей и ястреб не живут в одном гнезде* [КП: 503].

Разные люди ведут разный образ жизни: *Лебедь по поднебесью, мотылёк над землей [чуть] – всякому свой путь* [БСРП: 474]. Некоторые думают, что это уже решено при рождении: *Сколько утка ни бодрись, а лебедем (а гусем) не быть* [Даль. Т.2: 301]. В русской традиции лебедь «пользуется особым почитанием и ставится выше других птиц» [РКП: 110].

Согласно русскому сказочному сюжету, при выборе царя птиц им становится белый лебедь. Поэтому в прошлом лебедя подавали как основное блюдо только на царском пиру [РКП: 110]. В Астраханской губернии «на свадьбу приглашают словами: «Пожалуйте к нашему князю хлеба-соли покушать, белого лебедя порушат». Отсюда возникла пословица о хлебосольстве: *Хлеба-соли покушать, лебедя (пирога) порушат* [Даль. Т.2: 234].

В китайской культуре лебедь был самой красивой птицей, используемой для подношений. Во времена династии Тан посланец Мяннь Богао собирался преподнести подарки императору. Среди всех даров самым драгоценным был лебедь, которого случайно отпустили в пути. Посланцу оставалось преподнести правителю только упавшее пёрышко и пояснить: «*千里送鹅毛 – 礼轻人意重*». – *Лебединое пёрышко, присланное за тысячу ли – лёгок подарок, но дорого внимание*» [СКП: 698].

По мнению китайцев лебеди также являются самой благородной из птиц: *刻鹄不成尚类鹜*。 – *Даже если лебедь не отгравирован, но дикая утка получилась*. Это означает, что всегда следует ставить перед собой высокую цель. Даже если эта цель не будет достигнута, в конце концов, вы что-нибудь получите [СКП: 388]. В Китае есть очень известная пословица, которая используется для высмеивания человека, который не знает себя и стремится к тому, что невозможно получить: *癞蛤蟆想吃天鹅肉*。 – *Жаба хочет отведать лебяжьего мяса* [КП: 652].

В китайском языке у лебедя есть ещё другое название 鸿鹄 Хун Ху, которое является обозначением высоких стремлений: *不要胆小如雀, 要学鸿鹄之志*。 – *Не будь трусливым, как воробей; учись у лебедя, который полон высоких стремлений* [ПСПК: 70]; *要学鸿鹄志, 展翅破青天*。 – *Учись у лебедя, который полон высоких стремлений, расправив крылья лети в небо* [ПСПК: 1166]. **УК: У человека должны быть высокие идеалы.** *燕雀安知鸿鹄志*。 –

Ласточкам и воробьям невозможно понять высокие стремления лебедя [КП: 627]. **УК: Обычным людям не знакомы амбиции героев.**

Можно отметить, что и в китайском, и русском языке орнитоним *лебедь* является символом красоты. Но в русских паремиях он обычно ассоциируется с образом женщины, а в китайских паремиях такой соотнесённости не существует, зато есть ассоциация – человек с высокими стремлениями.

ё) описание паремий с компонентом ПОПУГАЙ (4 рус.: 7 кит.)

Попугай – ‘птица с ярким, обычно пестрым оперением, способная подражать человеческой речи’ [МАС. Т.3: 298]. В «Русском ассоциативном словаре» со словом *попугай* есть высокочастотные ассоциации: говорящий (13 ассоциаций) и говорит (7 ассоциаций) [РАС: 485]. Умение подражать человеческим голосам отличает попугая от других птиц, неговорящий попугай утрачивает свою индивидуальность. С таким неговорящим попугаем русские сравнивают мужчин, которые не курят: *Мужчина некурящий что попугай не говорящий* [БСРС: 569]. Поскольку курение в русской культуре часто является особым способом коммуникации между людьми, некоторой группы, поэтому отказ от него воспринимается как намеренная попытка отстраниться от «всех остальных», акцентировать свою «непохожесть». Сейчас эта установка культуры утрачивает свою популярность.

В советское время был снят знаменитый мультфильм "38 попугаев", основанный на одноименной сказке Остера Г.Б. Именно после взрывной популярности данной картины в русском языке появилось образное выражение *тридцать восемь попугаев*. Оно часто обозначает учеников на уроке иностранного языка [Мокиенко и др. 2007: 523].

Из-за своей привычки «подражать» попугай также имеет несколько негативных ассоциаций, которые записаны в «Русском ассоциативном словаре»: дурак (7 ассоциаций); болтун, глупый (3 ассоциации); бестолковый, болтливый, глупец, глупо, дурачок (1 ассоциация) [РАС: 485]. В русской культуре попугай выступает как сильный стереотипный образ. По русским представлениям, попугай глуповат: «научившись “говорить”, он

может без разбору, бесконечно, “бестолково” повторять одни и те же слова или фразы “попка-дурак”» [РКП: 141]. Поэтому существует поговорка: *Попугаям мало платят*. ‘О человеке, повторяющем чужие слова, не имеющем своего мнения’ [Мокиенко и др. 2007: 523]. Русские называют попугаем «человека, который повторяет собственные или чужие слова; при этом может предполагаться, что он это делает автоматически, неосознанно или не имея собственной точки зрения» [РКП: 141]. Поэтому имеется **УК:** *С болтунами держи язык за зубами: Попугай не погай, а что он слышит, то и бредит; Попугай не потакает, что он слышит, то и бредит* [БСРС: 696].

Следует отметить, что паремий русского языка с попугаем немного, и образ попугая в русской культуре редко является положительным. Чего нельзя сказать о китайской культуре, где образ данной птицы используется крайне часто.

В китайской культуре негативный образ попугая представлен во многих паремиях. Как и в русской культуре, образ попугая, повторяющего чужие слова, отрицателен. Это можно увидеть в следующей идиоме: 鸚鵡學舌 букв. *Попугай учится говорить, как человек*. Её переносное значение – высмеивание человека, который только и может, что повторять за другими, не в состоянии сформулировать собственное мнение. С похожим значением существует следующая пословица: 學說二話是鸚哥，花言巧語是媒婆。 – *Попугай бездумно повторяет, а сваха напыщенно говорит* [ПСПК: 1125]. Выражение *попугай в клетке* описывает человека, который оказался в затруднительном положении, из которого пока не имеет возможности выбраться. Однако китайцы считают, что будь у такого «затворника» достаточно желания и умений, он непременно бы справился с данной трудностью. Поэтому китайская пословица гласит: 只有籠中鸚鵡，哪有籠中鳳凰。 – *В клетке только попугай, нет феникса* [ПСПК: 1326].

Помимо ряда негативных образов, попугай в китайской языковой картине мира может встречаться и в качестве положительного примера. Китайцы думают, что попугай умнее и сообразительнее многих других птиц:

笨鸭子上不了鹦哥架。 – Неуклюжая утка не может лезть на насест попугая [ПСПК: 32]. Здесь утка символизирует нерасторопного и глупого человека, у которого ничего не получается.

Кроме того, по мнению китайцев, экзотическое оперение попугая определённо выделяет его среди других менее ярких птиц, например, петуха/курицы. Однако стоит только попугаю потерять свои красивые перья, его статус резко падает: 得志猫儿雄似虎, 败翎鹦鹉不如鸡。 – Удачливый кот сильный как тигр, а попугай, потерявший перья хуже курицы /петуха. Здесь речь идет о том, что, когда неблагородный человек получит власть, он ведёт себя высокомерно, а когда герой попадёт в беду, он часто встречает холодный приём [КП: 407]. У этой пословицы ещё есть другие варианты: 败翎鹦鹉不如鸡, 虎落平阳被犬欺。 – Попугай, потерявший перья хуже курицы/петуха, когда тигр падает на ровную землю, над ним издеваются собаки [ПСПК: 192]; 折脚狸猫难学虎, 断尾鹦鹉不如鸡。 – Пятнистой кошке со сломанными ногами трудно подражать тигру, а попугай со сломанным хвостом хуже курицы/петуха [ПСПК: 873]. Все эти пословицы выражают одну **УК: Герои, потерпевшие бедствие хуже, чем обычные люди.**

Как упомянуто выше, образы попугая, павлина и феникса часто сменяют друг друга в китайских паремиях. Вышеприведенная УК может выражаться через пословицы с компонентом *павлин* или *феникс*: 下了架的孔雀不如鸡。 – Когда павлин садится на подставку, он хуже петуха/курицы; 凤凰落地不如鸡。 – Когда феникс садится на землю, он хуже курицы/петуха. 拔了毛的凤凰不如鸡。 – Ощипанный феникс хуже курицы/петуха; 瘦死的凤凰不如鸡。 – Истощенный феникс хуже курицы/петуха. Противоположная УК также представлена в китайском языке: 拔了毛的凤凰也比鸡大。 – Ощипанный феникс больше курицы/петуха [ПСПК: 11]. Причина этих замен в том, что в представлениях китайцев эти птицы имеют много общего, они обладают особой красотой, высоконравственностью. Характер павлина был описан выше в работе, феникс в китайской культуре является королем птиц, попугай

же может быть символом милосердия. Пример особенного нрава попугая можно встретить в следующей китайской басне: жил-был попугай, который каждый день летал в горы. Животные, живущие в этих горах, всегда были дружелюбны к нему. Попугай каждый раз возвращался домой счастливым. Через несколько месяцев в горах вспыхнул сильный пожар. Увидев это, попугай смочил свои перья в воде, и стал летать над местом пожара. Бог увидел это и спросил у него: "Хоть ты и делаешь доброе дело, однако какой в нём толк?". Попугай ответил: "Хоть я и знаю, что не могу спасти их всех, однако всё равно не в состоянии оставаться безучастным, когда погибают все эти животные, относившиеся ко мне как к брату". Бог был очень тронут его добротой и помог попугаю погасить огонь [Юань Кэ 1985: 437].

В большинстве случаев образ попугая в русской культуре отрицателен, а в китайской положителен.

2.5. Структура статьи учебного лингвокультурологического русско-китайского словаря паремий

Результаты данного исследования позволяют предложить описание учебного лингвокультурологического русско-китайского словаря паремий.

Такой словарь будет адресован китайским студентам, которые овладевают русским языком на уровне ТРКИ-2, русским студентам, изучающим китайский язык.

Используемые языковые единицы располагаются по стержневому принципу.

Структура словаря предполагает наличие следующих зон словарной статьи:

1) Зона заголовочной единицы;

2) Зона толкования отдельных элементов паремии. Данная зона включает грамматическую характеристику заголовочной единицы, толкование незнакомых слов, которые не входят в лексический минимум по ТРКИ-2 и т.д. (▲).

3) Зона зрительной наглядности элементов паремии. Данная зона необязательна. При необходимости могут быть добавлены изображения (рисунки или фотографии) денотатов, обозначаемых трудными для понимания лексемами.

4) Зона толкования заголовочной единицы. В случае если паремия уже имеет толкование, указанное в словарях, мы опираемся на уже существующее определение. Например: *Яйца курицу не учат* – Молодой, менее опытный не научит старшего, более опытного [Жуков 1991: 371]. (✓).

5) Зона лингвокультурологического комментария. Данная зона предназначена для разъяснения иностранцам паремий, требующих наличия определенных культурологических знаний. В данной зоне также приведены стереотипные представления о птицах, используемых в паремии. (■).

6) Зона установки культуры, вербализуемой паремией. (УК).

7) Зона описания ситуации употребления. (☞).

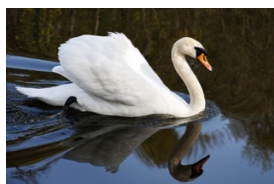
8) Зона контекстуальных иллюстраций. Это факультативная зона. В данной части будут показаны контексты употребления единицы, найденные в НКРЯ, а также в интернете. (📖).

9) Отсылочная зона. В данной зоне даны синонимичные и близкие по значению к заголовочной единицы. (СМ.)

10) Зона аналога заголовочной единицы в китайском языке (при наличии). Если в китайских аналогах есть элементы, требующие специального объяснения, также может быть добавлено толкование (❓).

Образец:

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ СЕРОМУ ГУСЮ НЕ ТОВАРИЩ.

✓ Людям из разных социальных слоев или с разными интересами трудно дружить.

■: В славянской культуре белый цвет обычно имеет положительное символическое значение; *лебедь* в русской лингвокультуре становится символом абсолютной красоты, грации.

УК. *Человек всегда стремится к себе подобным.*

☛ Говорится при выборе друга или партнера жизни.

СМ. *Орёл с вороною не толкуется (Орёл с вороною не толкует).*

Ср. кит. 羊和狼不在一个圈, 雀和鹞不住一个窝。 – *Овца и волк не живут в одном загоне, воробей и ястреб не живут в одном гнезде; 鸭子不和鸡合伙。 – Утка не составит компанию курице; 凤凰鸦鹊不同群。 – Феникс не живёт вместе с вороной и сорокой.*

❓ Феникс: король птиц в китайских легендах.

Образцы других словарных статей мы приводим в Приложении № 5.

Выводы

Во второй главе мы проанализировали орнитологический код культуры в русской паремиологической картине мира (на фоне китайского языка).

Проведенное лингвокультурологическое исследование позволило выявить общие и лакунарные УК, присутствующие в русских и китайских паремиях с компонентом-орнитонимом. В исследуемом фрагменте было выявлено 54 русских УК и 48 китайских УК, в том числе 14 совпадающих УК, в русском языке (относительно китайского) лакунами являются 40 УК, а в китайском (относительно русского языка) – 34. Видно, что отраженные в русских и китайских паремиях с компонентом-орнитонимом УК имеют больше различий, чем сходств. УК представлены в приложении № 3.

Среди универсальных УК самые важные и частотные для носителей двух языков – это следующие: *Люди с разными мировоззрениями не дружат/Человек всегда стремится к себе подобным* (13 русских и 9 китайских единиц); *Натуру/сущность трудно скрыть и изменить* (23 русских и 8 китайских единиц); *Какие родители, такие и дети* (7 русских и 6 китайских единиц).

Наиболее актуальной темой, отражаемой в паремиях с компонентом-орнитонимом русского и китайского языков – «семейные отношения» (90 рус. и 41 кит.): 1) родители – дети (35 рус. и 19 кит.); 2) брачные отношения. (49 рус. и 19 кит.); зять – невестка (6 рус. и 3 кит.).

В результате анализа паремий в данной теме удалось выделить такие русские УК, как: *Все родители любят своих детей; Жена имеет большее влияние на мужа, чем другие родственницы; Жена мужем красна; Тёща зятя не любит* и др. Китайские УК: *Муж и жена должны быть верны друг другу, даже если одного из них уже нет на свете; Тёща любит зятя* и др. Общие УК: *Какие родители, такие и дети/дети похожи на своих родителей; Женищина не может выполнять мужские функции* и др.

Хотя, как в русском, так и в китайском языках паремии с компонентом *кураца/петух* часто отражают семейные отношения, но при описании этих

отношений набор орнитонимов в составе паремий в двух языках не совпадает: в русских паремиях высокочастотными являются такие орнитонимы, как: *сова*, *сокол/орёл*, *кукушка*, которые в китайских паремиях не встречаются, а в последних часто употребляемым являются орнитоним – *феникс*, *Луань*, *мандаринка* и *дикий гусь*, которые для русских паремий являются лакунами.

Лакунарным относительно китайского языка УК, отраженными в русских паремиях с компонентом-орнитонимом являются такие положения, как: *О сущности человека (не) судят по внешнему виду* (20 русских единиц); *Каждый любит то, что ему близко* (15 русских единиц).

Лакунарные относительно русского языка УК, вербализованные в китайских паремиях – *Способности отдельного человека всегда меньше сил сплотившихся массы* (9 китайских единиц); *Для достижения цели следует заплатить определенную цену, приложить некоторые усилия* (6 китайских единиц) и др.

В этой главе выявлены некоторые противопоставленные УК, например, русские лакунарные УК (относительно китайского языка): *Чужое всегда кажется лучше* и *Своё – самое лучшее*. Китайские лакунарные УК (относительно русского языка): *Окружающая среда важна для развития человека* и *Личное усердие важнее окружающей среды*. Общие УК: *У плохих родителей не бывает хороших детей* и *У плохих родителей могут быть хорошие дети*.

В данном исследовании также были выявлены символические и стереотипные значения орнитонимов. Как в русском, так и в китайском языках многие образы птиц, проанализированные в исследуемом фрагменте, амбивалентны, но в целом в русской культуре *сова*, *кукушка*, *гагара*, *галка*, *ворон/ворона*, *воробей*, *попугай* имеют негативный характер, а *сокол/орёл*, *павлин/пава*, *соловей*, *райская птица*, *голубь*, *лебедь* – позитивный. В китайском культуре *сова*, *ворона/вороны*, *утка*, *птица Пэн* обладают преимущественно отрицательными качествами, а *сокол/орёл*, *сорока*, *павлин/пава*, *феникс*, *птица Луань*, *птица Пэн*, *дикий гусь*, *мандаринка*,

журавль, голубь, лебедь – положительными. Стереотипные представления о птицах в русском и китайском языковом сознании представлены в приложении № 4:

Причины возникновения феномена – несовпадения значения и образа единиц с большой номинативной плотностью, заключаются в следующих:

1) У каждого народа есть свои географические, климатические условия жизни, в связи с чем разнится распространённость некоторых видов птиц.

2) В силу исторических, религиозных и других причин у каждой этнической группы есть свои предпочтения в отношении животных, поэтому образы этих животных будут наполнены разным символизмом, будут иметь разное духовное наполнение, разную значимость. Например, соловей у русских, дикий гусь у китайцев.

3) Мифические птицы каждой нации уникальны.

4) Образы некоторых птиц редко появляются в культуре, потому что в данной культуре есть его аналог, который привлекает больше внимания. Например, в китайских паремиях орнитоним павлин/пава часто заменяют орнитонимом *феникс*.

Представляется, что результаты проведенного анализа могут быть использованы для статьи словаря лингвокультурологического типа, т.е. для:

1) описания этимологии орнитонима; 2) выявления мифологической составляющей концепта; 3) вербализации стереотипного представления об объекте; 4) анализа ассоциаций, связанных со стимулом - орнитонимом в русском языковом сознании; 5) рассмотрения прецедентных текстов, включающих исследуемое существительное; 6) описания аксиологического вектора орнитонима; 7) сопоставление русских и китайских паремий на основе ментальных установок культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Паремии с компонентом – орнитонимом становятся ценным источником лингвокультурной информации, способом описания культурных кодов русского и китайского народов. Соотношение с кодами культуры происходит путём интерпретации пословицы через ключевое слово единицы, в нашем случае – это орнитоним.

В ходе теоретического исследования доказано, что лингвокультурологическое описание русских паремий с компонентом-орнитонимом на фоне китайского языка требует дальнейшего углубления, поскольку наблюдается отсутствие работ, рассматривающих данный вопрос с точки зрения лакунарности. Исходя из того, что каждая нация имеет собственные исторические, культурные традиции, свои географические социальные условия жизни, исследуемые единицы двух языков обладают разной номинативной плотностью.

Отобранным материалом для определения наминативной плотности стали 957 русских и 895 китайских единиц, полученных приемом сплошной выборки из словарей. В отобранных единицах наиболее значимыми оказались паремии с компонентами *сова, сокол/орёл, кулик, кукушка, сорока, павлин/нава, соловей* (для носителей русского языка), *утка, феникс, дикий гусь* (для носителей китайского языка), *курица/петух, ворон/ворона, воробей, журавль, голубь* (для носителей обоих языков). После исключения паремий, содержащих диалектную и обценную лексику, устаревших единиц для данного исследования было отобрано 375 русских единицы и 191 – китайская.

В результате анализа было выяснено, что отраженные в русских и китайских паремиях с компонентом-орнитонимом установки культуры имеют больше различий, чем сходств: 14 совпадающих УК, 40 русских (относительно китайского языка) и 34 китайских лакунарных УК (относительно русского языка).

Как в русском, так и в китайском языке самой актуальной темой в исследуемом фрагменте является «семья» (90 рус. и 41 кит.).

В целом, образы птиц, существующие в обеих культурах и языках, имеют много общего, но в то же время есть свои национальные особенности, которые нельзя игнорировать. Кроме того, иногда одни и те же образы птиц обладают разными аксиологическими оценками в двух культурах, например, образы сороки и попугая в русской культуре носят отрицательный характер, а в китайской они имеют положительный окрас.

Проведенный анализ послужил основой для создания учебного лингвокультурологического русско-китайского словаря паремий, ориентированного на китайских студентов, владеющих русским языком на уровне ТРКИ-2, русским студентам, изучающим китайский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абыякая О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 240 с.
2. Авдеева Т.В. Райская птица в традиционной культуре восточных славян // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 7 (33): в 2-х ч. Ч. I. – С. 13-15.
3. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология: Учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования. – М.: ФЛИНТА, 2009. – 344 с.
4. Алефиренко Н.Ф., Жаркынбекова Ш.К. Языковые стереотипы этнокультурного пространства // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. – 2014. – № 3. – С. 11-20.
5. Амелина Л.В. Многозначность и омонимия в системе орнитонимов русского и немецкого языков // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 171-174.
6. Андрейчина К.Г. Вопросы учета национальной культуры учащихся при составлении лингвострановедческого учебного словаря: дисс. ... канд. пед. наук. – М.: ИРЯП, 1977. С. 2.
7. Аникин В. П. Предисловие // Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 1991. С. 6.
8. Аппоев А.К., Аппоев А.К. Паремии как когнитивный базис национальной языковой картины мира // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – № 2(156). – С. 127-130.
9. Апресян Ю.Н. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1986. – Вып. 28. – С. 5-32.
10. Апресян Ю. Н. Избранные труды. – Т.1: Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, 1995а. С. 6-7.

11. Апресян Ю. Н. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995б. – № 1. – С. 37-67.
12. Арекеева Ю.Е. Чэньюй в системе китайской фразеологии и паремиологии // Евразийский гуманитарный журнал. – 2020. – № 1. – С. 21-29.
13. Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л. К. Байрамова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 25(240). – С. 22-27.
14. Бажов П.П. Сказы/Худож. А.В. Ковалев, Г.К. Буреев, оформл. Ю.И. Батова. – М.: Сов. Россия, 1986. – 136 с.
15. Банкова Т.Б., Калиткина Г.В. Лексикографическое описание обрядового слова. К постановке проблемы // Актуальные проблемы русистики: сб. ст. / под ред. Т.А. Демешкиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – С. 128–143.
16. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
17. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие. – 2-изд. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 312 с.
18. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М.: Наука, 1994. – С. 284.
19. Бархударов Л.С. Некоторые проблемы перевода английской поэзии на русский язык // Тетради переводчика. Вып. 21. – М.: Высшая школа, 1984. С. 39–41.
20. Барчукова К.В., Пескова А.В., Подкидышева Е.И., Скромных В.Э. Фразеология в китайском языке // Молодой ученый. – 2015. – № 18. – С. 514-517.
21. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
22. Боктаева В. Л. Пословицы и поговорки с зоонимическим компонентом и их национально-культурная специфика в русском и английском языках // Вестник Калмыцкого университета. – 2016. – № 1(29). – С. 36-43.

23. Бредис М.А., Димогло М.С., Ломакина О.В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 265-284.
24. Буянова Л.Ю. Русские пословицы и поговорки как этнокультурные константы: ментально-аксиологический аспект // Вестник НовГУ. – 2014. – №77. – С. 60-62.
25. Василенко А.П. Самобытность русских и французских фразеологизмов в национально-культурном ключе / А.П. Василенко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 6(50). – С. 47-53.
26. Вахитова Т.Ф. Лексические лакуны как фрагмент национальной языковой картины мира (на материале казахского и русского языков): дисс. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2018. – 162 с.
27. Венжинович Н.Ф. Устойчивые сравнения как средство объективации ценностей в системе фразеологии украинского языка: лингвокультурологический аспект / Н.Ф. Венжинович // Устойчивые сравнения в системе фразеологии: Коллективная монография / отв. ред. В.М. Мокиенко. – Санкт-Петербург – Грайфсвальд, 2016. – С. 59–62.
28. Верещагин Е. М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1990. С. 77–86.
29. Ветров П.П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика. – М.: Восточная книга, 2007. – 368 с.
30. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 40–162.
31. Виноградов В. В. Русский язык. – М.: Высшая школа, 1987, С. 15.
32. Волоцкая З.М. Головачева А.В. Языковая картина мира и картина мира в текстах загадок // Малые формы фольклора. Сборник статей памяти Г.Л.

-
- Пермякова. Сост. Т.Н.Свешникова. – М.: Восточная литература, 1995. – С. 218-244.
33. Воротников Ю.Л. Языковая картина мира: трактовка понятия // Знание. Понимание. Умение. – 2006. – № 2. – С. 88-90.
34. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
35. Гасанова М.А., Салимгереева Н.А. Концепт "ребенок" в аварской паремиологической картине мира // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 3(88). – С. 447-449.
36. Глазачева Н.Л. Модель лакунизации в современном переводоведении // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006а. – № 2(42). – С. 244-246.
37. Глазачева Н.Л. Модель лакунизации как составляющая теории перевода (на примере русского и китайского языков): автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Барнаул, 2006б. – 18 с.
38. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
39. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира: на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков: автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Москва, 2009. – 47 с.
40. Денисова А.П. Орнитоним "кукушка" в языковой картине мира носителей русского и испанского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2011. – № 3. – С. 98-109.
41. Джигоева А. А. Английский менталитет сквозь призму ключевых слов: Understatement. // Вестник МГУ. Сер. "Лингвистика и межкультурная коммуникация". – 2006. – № 3. – С. 45-56.
42. Ермолович Д. И. Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка / Д. И. Ермолович // Мосты. Журнал переводчиков. – 2009. – № 1(21). – С. 40-60.

43. Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т. – М.: Русский язык, 1987. – 448 с.
44. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.
45. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. – М.: Языки славянских культур, 2006. С. 206-207.
46. Зимин В.И., Пак Сон Гу. О национально-культурных особенностях устойчивых сравнений // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.102-114.
47. Зиновьева Е.И. Орнитоним сорока в русском языке и культуре: универсальное и национально-специфичное // Мир русского слова. – 2012. – № 4. – С.82-86.
48. Зиновьева Е.И., Абыякая О.В. Стереотипные представления о мерзнувшем человеке в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка) // ЛП междунар. филол. кон., СПб, 11-16 марта 2013 г.: Избранные труды / Отв. ред. С.И. Богданов, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – С. 135-143.
49. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: Учебник / Е.И. Зиновьева. – СПб.: СПбГУ; Нестор-История, 2016а. – 182 с.
50. Зиновьева Е.И. Культурная значимость орнитонима в аспекте лексикографического представления // Научный диалог. – 2016б. – № 2 (50). – С. 36–51.
51. Зиновьева Е.И., Цао Цзяци. Лингвокультурологическое описание русских пословиц с компонентом-названием насекомого (на фоне китайского языка) // Ученые записки Новгородского государственного университета. – 2020. – № 2(27). – С. 14.
52. Зиновьева Е.И., Алешин А.С. Семья в компаративных паремиях тувинского, шведского и русского языков // Новые исследования Тувы. –

2022. – № 1. – С. 131-145.

53. Иванченко Н.В. О специфике устойчивых языковых единиц китайского языка / Н. В. Иванченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24(315). – С. 94-97.
54. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке// Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. трудов / ВГПУ, ПМПУ. – Волгоград.: Архангельск: Перемена, 1996. – 260 с.
55. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
56. Кацюба Л.Б. Паремнографическое описание в лингвокультурном и психолингвистическом аспектах // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3(33). – С. 163-166.
57. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013. – Т. 10. – № 1. – С. 65-67.
58. Кобякова Т.И. Учебный лингвокультурологический словарь "Концепты духовности русской языковой картины мира" как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка: автореф. дис. ... кандидата пед. наук. – Уфа, 2006. – 24 с.
59. Ковшова М.Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. № 2. – С. 60–65.
60. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. Изд. 3-е. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.
61. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: Антропонимический код культуры. – М.: ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.
62. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.
63. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.:

Петербургское Востоковедение, 2006. – 624 с.

64. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
65. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
66. Красных В.В. Лингвокультурная идентичность *homo loquens* // Мир русского слова. – 2007. – № 4. – С.11-15.
67. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013а. – № 1. – С. 133-141.
68. Красных В. В. Потяни за ниточку — клубок и разматывается... (к вопросу о предметном коде культуры) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей, посвященных памяти В. Н. Телия. Вып. 46. – М.: МАКС Пресс, 2013б. С. 58–66.
69. Кутьева М.В. Национально-культурная специфика переносных значений орнитонимов в русском и испанском языках: автореф. дис. ... кандидата филол. наук. – Москва, 2009. – 22 с.
70. Лобанова А.С. Орнитоним рака "ворона (ворон)" в коми-пермяцком языке. Лингвокультурологический аспект / А.С. Лобанова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 4 (36). – С. 22-30.
71. Ломакина О.В. Параметризация русских пословиц и поговорок в лексикографической практике / О.В. Ломакина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011.– № 3 (33). – С. 215-222.
72. Ломакина О.В. О метаязыке современного словаря пословиц / О. В. Ломакина // Метафизика. – 2012. – № 4(6). – С. 65-73.
73. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры. – Тарту: ТГУ, 1987. – С.10-21.
74. Лю Сини. Орнитологический код русской и китайской лингвокультуры на примере слова "курица" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 4. – С. 108-116.

-
75. Лю С. Орнитонимический код русской и китайской лингвокультур (на материале наименований домашних птиц) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2019. – № 3. – С. 197-202.
76. Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. – М.: Гэотар-Медиа, 2010. – 144 с.
77. Маругина Н.И. Концепт "собака" как элемент русской языковой картины мира // Язык и культура. – 2009. – № 2(6). – С. 11-30.
78. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие / В. А. Маслова – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
79. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие/ В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
80. Маслова В.А. Лингвокультурология. Введение: учеб. пособие для вузов / В.А. Маслова; ответственный редактор У. М. Бахтикиреева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 208 с.
81. Матвеева Г.Г., Серегина М.А. К определению понятия "паремия" (на материале русского и немецкого языков) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – № 3. – С. 175-178.
82. Мильруд Р.П. Символизация культуры в языке / Р.П. Мильруд // Научный диалог. – 2012. – № 10. – С. 127-151.
83. Мильруд Р. П. Язык как символ культуры // Язык и культура. – 2013. – № 2 (22). – С. 43-60.
84. Мокиенко В.М. В глубь поговорки: рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. – 3-е изд., – СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. – 245 с.
85. Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 06-21.
86. Мокиенко В.М. Культурологические и историко-этимологические комментарии в паремиологическом тезаурусе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – № 12. – С. 121-

134.

87. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир: ВГПИ, 1975. – 96 с.
88. Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических лакун: пособие по курсу типологии русского и французского языков. – Владимир: ВГПИ, 1980. – 106 с.
89. Муравьев И. В. Происхождение названий птиц / И.В. Муравьев // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. – 2006. – № 5. – С. 104-108.
90. Натхо О. Н. Лингвокогнитивные особенности прилагательных сквозь призму паремиологической картины мир // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 4. – С. 37-45.
91. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. – М.: Наука, 1993. – 189 с.
92. Никитина С.Е. Человек и социум в народных конфессиональных текстах (лексикографический аспект). – М.: Институт языкознания РАН, 2009. – С.21.
93. Никитина Т.Г. Лингвокультурологический комментарий в словаре пословиц // Филология и культура. – 2015. – № 4(42). – С. 132-138.
94. Огурцова О.А. К проблеме лакунарности // Функциональные особенности лингвистических единиц: сб. тр. Кубан. ун-та. Вып. 3. – Краснодар: Изд-во Кубан. ун-та, 1979. – С. 77–83.
95. Омер Бичер. Зооморфные образы в русских пословицах и поговорках: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дисс. ... канд. фил. наук. – Смоленск, 2016. – 174 с.
96. Опарина Е.О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия // Язык и культуры: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 1999. – С. 183-187.
97. Опарина Е.О. Установка культуры и диапазон метафоризации: к вопросу

- о мотивах образной концептуализации / Е.О. Опарина // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках [отв. ред. В.Н. Телия]. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 53-59.
98. Опарина О.И. Страх как лингвопсихологическая составляющая языковой картины мира // Язык, сознание, коммуникация. – М.: ООО "МАКС Пресс", 2004. – С. 26-35.
 99. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет // Паремиологические исследования. – М.: Наука, 1984. – С. 294-299.
 100. Пермяков Г. Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. – М.: Наука, 1968. – 376 с.
 101. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 236 с.
 102. Пименова М. В. Языковая картина мира: учеб. пособие. 4-е изд., доп. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 108 с.
 103. Потапова Н. А. Анализ понятий "пословица" и "поговорка" в современной лингвистике / Н. А. Потапова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 6(61). – С. 358-361.
 104. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.
 105. Раджабова М.М. О роли и месте пословиц и поговорок в системе языка // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – 2016. – №3 (48). – С. 163-168.
 106. Рахмат А., Банит С.В., Якименко Н.Е. Названия животных в пословицах и поговорках русского и индонезийского языков: Лингвокультурологический словарь пословиц и поговорок русского и индонезийского языков. – СПб: Unpad Press, 2020. – 228 с.
 107. Ревель Ж. История ментальностей: опыт обзора // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг

фран-цузской школы «Анналов». – М., 1993. – С.51-58.

108. Рикер П. Существование и герменевтика. Феномен человека: Антология / Сост., вст. ст. П.С. Гуревича. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 307-329.
109. Романюк Л.В. Проблемы исследования фразеологии и паремий в современной лингвистике // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9 (84). – С. 26-29.
110. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.
111. Савенкова Л.Б. Русские паремии как функционирующая система: дисс. ... док. фил. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – 484 с.
112. Салимова М.М. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением "здоровье" (健康) и "болезнь" (疾病)(на материале китайского и русского языков) / М. М. Салимова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 8(799). – С. 142-152.
113. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость / Е.И. Селиверстова; науч. ред. В.М. Мокиенко.- 2-е изд., испр. и доп. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.
114. Семашко Т. Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2-2(32). – С. 176-179.
115. Семененко Н.Н. Лингвокультурологическое описание структуры и семантики паремий // дисс...канд.филол.н. – Белгород, 2002. – 191 с.
116. Семененко Н.Н. Проблемы лингвистического статуса пословиц и поговорок // Лингвистические и методические основы филологической подготовки учителя-словесника: материалы междунар. науч.-метод. конф.: в 2 т. / БелГУ, Старооскол. фил.; под ред.: И.Б. Игнатовой, Л.Н. Разинковой, Н.Н. Семененко. – Старый Оскол, 2005. – Т. 1. – С. 201-208.

-
117. Семененко Н.Н. Лингвокогнитивный аспект проблемы выражения этноязыкового сознания в семантике паремий // Научные ведомости БелГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. – № 24. Вып. 8. – С. 58–67.
118. Серегина М.А. Паремиологическая картина мира: вопросы теории // Materiály VIII mezinárodní vědecko-praktická conference «Vědecky pokrok na přelomu tisíciletí – 2012». – Praha: Publishing House «Education and Science» s.r.o., 2012. – С. 52–56.
119. Серегина М.А. Немецкие паремии и речевое общение: лингвосомиотические аспекты – М.: Вузовская книга, 2013. – 270 с.
120. Симакова О. Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы» (на материале русского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2004. – 24 с.
121. Солнцева Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: автореф. дис. ...канд. фил. наук: Ин-т языкознания РАН. – Омск, 2004. – 32 с.
122. Соседова В. С. Соотношение понятий «менталитет» и «языковая картина мира» в современной лингвистике // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 6 (33). – С. 275-279.
123. Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллективная монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова [и др.]. – 2-е изд., – М.: ФЛИНТА, 2019. – 232 с.
124. Тарасенкова Е.Ф. Жанровое своеобразие русских народных сатирических сказок // Русский фольклор. – М.: Наука, 1957. – т. 2. – С. 62-84.
125. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986, – 141 с.
126. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

-
127. Телия В.Н. Деконструкция стереотипов окультуренного мировидения во фразеологических знаках // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и ди-ахронии. – М.: ИСлРАН, 1999а. – С. 87–94.
128. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999б. – С. 13-24.
129. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. – М.: МАКС ПРЕСС, 2005. – Вып. 30. – С. 4–42.
130. Токарев Г. В. Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 3. – С. 5-13.
131. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой; Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. – 2-е издание, исправленное. – М.: Издательство "Индрик", 1995. – 512 с.
132. Тонкова Е.Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Белгород, 2007. – 18 с.
133. Тризна Л. В. Человек, как птица, и птица, как человек / Л. В. Тризна // Русская речь. – 2010. – № 1. – С. 58-60.
134. Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2002. – 323 с.
135. Филимонова Е.Н. Орнитологический и энтомологический коды переводных произведений (на материале переводов с корейского и китайского языков) / Е.Н. Филимонова // Язык, сознание, коммуникация. – М.: ООО "МАКС Пресс", 2004. – С. 4-25.
136. Цао Цяци. Пословицы с компонентом-названием насекомого в русской языковой картине мира (на фоне китайской):

-
- лингвокультурологический аспект: дисс. ... канд. фил. наук. – Санкт-петербург, 2020. – 208 с.
137. Циберная О.Ф., Лазарева А.А. Перевод фразеологических выражений в современном политическом дискурсе Китая // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2020. – № 3. – С. 60-68.
138. Цю Сюеин, Якименко Н.Е. Словарь паремий русского и китайского языков о труде и лени: Учебный лингвокультурологический словарь. – СПб., 2021. – 111 с.
139. Цю Сюеин. Концепт "дело" в русской паремике: лингвокультурологический аспект (на фоне китайского языка): дисс. ... канд. фил. наук. – Москва, 2021. – 187 с.
140. Черкасский М.А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремиологический сборник: Пословица, загадка (структура, смысл, текст): Под ред. Г. П. Пермякова. М., 1978. – С. 35-52.
141. Шайхуллин Т.А., Зарипова А.М. Актуальные вопросы паремиологии в русском языкознании // Современный мусульманский мир. – 2017. – № 2. – С. 8.
142. Шалина И.В. Уральское городское просторечие: возможности лингвокультурологической интерпретации // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 63. – № 1-2. – С. 15-23.
143. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – СПб.:Специальная Литература, 1996. – 192 с.
144. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие / Предисл. Т.А. Бобровой. Изд. 6-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 272 с.
145. Шими́на М. А. Менталитет как социологическая категория // Вестник Нижегородского университета им. Н. Н. Лобачевского. Серия:

Социальные науки. – 2007. – № 2 (7). – С. 112-117.

146. Шмелев А. Д. Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. – 2009. – № 4. – С.14-21.
147. Эргашев А. Сопоставительный анализ клишированных единиц с. наименованиями домашних птиц в русском и узбекском языках // Academic research in educational sciences. 2021. – Volume 2. – С. 562-568.
148. Якименко Н.Е., Цю Сюеин. Структура словарной статьи учебного лингвокультурологического словаря русских паремий на фоне китайских языковых эквивалентов: проблемы описания // Вестник российского университета дружбы народов. Серия: теория языка. Семиотика. Семантика. – 2021. – 12(3). – С. 905-917.
149. 安德明. 谚语编.中国民间文学史. 主编:祁连休、程蔷、吕微, 河北教育出版社, 2008, 页 581-608. (Ан Дэмин. Пословица. История китайской народной литературы / Отв. ред. Ци Ляньсю, Чэн Цян, Лу Вэй. – Хэбэй: издательство образования хэбея, 2005. – С. 581-608).
150. 王磊, 孟莉, 赵世烨. 鸟类的中文名称溯源. 生物学教学. 2008 第 11 期. 页 65-67. (Ван Лэй, Мэн Ли, Чжао Шие. Происхождения названий птицы в китайском языке // Преподавание биологии. – 2008. – № 11. – С. 65-67).
151. 王二杰, 周舒娟. “乌鸦”象征意义的流变, 四川教育学院学报. 2012 年第 8 期. 页 48-51. (Ван Эрцзе, Чжоу Шуцзюань. Изменения символического значения "ворона" // Вестник Сычуаньского педагогического института. – 2012. – № 8. – С. 48-51).
152. 温端政. 俗语研究与探索.上海: 上海辞书出版社. 2005, 229 页. (Вэнь Дуаньчжэн. Исследование суюй. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2005. – 229 с).
153. 罗华炎.《现代汉语语法》, 霹雳: 艺青出版社有限公司. 2000, 页 121. (Ло Хуаянь. Современная грамматика китайского языка – Пи Ли: Издательство И Цин, 2000. С. 121).

154. 罗泽贤. 杜鹃鸟别名考 – 兼论杜鹃与古代诗词之关系. 株洲师范高等专科学校学报. 2007年第4期. 页 70–72. (Лю Цзэсянь. Исследование псевдонимов кукушки – О связи между кукушкой и стихотворениями // Journal of Zhuzhou teachers college. – 2007. – № 4. – С. 70-72).
155. 刘吉艳. “雁”, “燕” 国俗语义比较. 浙江树人大学学报. 2007 第 1 期. 页 74-79. (Лю Цзиянь. Сравнение образов дикого гуся и ласточки с точки зрения национально-культурной семантики // Journal of Zhejiang shuren university. – 2007. – № 1. – С. 74-79).
156. 马国凡. 《成语简论》, 辽宁: 辽宁出版社. 1959, 页 51 (Ма Гофань. Очерки по фразеологии. – Ляонин: Издательство Ляонин, 1959. – С. 51).
157. 马慧茹. 浅谈中国古代诗文中的“飞鸟”意象. 学语文. 2006 年第 1 期. 32 页. (Ма Хуйжу. Анализ образов “летающих птиц” в древних китайских поэзиях // Изучение филологии – 2006. – № 1. – С. 32).
158. 马建东. 谚语的科学性及局限性. 语文学刊. 2017 年, 第 37 卷第 5 期. 页 67-71 (Ма Цзяньдун. Научность и ограниченность пословиц // Journal of language and literature studies. – 2017. – (37) № 5 – С. 67-71).
159. 武宜娟. 雁的文化意蕴探微. 理论月报. 2014 年第 10 期. 87-89 页(У Ицзюань. Исследование культурных значений дикого гуся // Ежемесячник «Теория». – 2014. – № 10. – С. 87-89).
160. 吴芳. 俄汉熟语概念的对比. 中国俄语教学. 2006 年, 第 25 卷第 1 期. 页 32-35 (У Фан. Сопоставительный анализ фразеологических единиц русского и китайского языков // Русский язык в Китае. – 2006. – (25) №1 – С. 32-35).
161. 武占坤. 现代汉语词汇概要. 内蒙古人民出版社. 1983 年, 页 298-302 (У Чжанькунь. Введение в изучение современного китайского слова. – Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 1983. С. 298-302).

162. 张得祖. 我国民俗中的鸟文化琐谈. 青海民族研究. 1996 年第 2 期. 页 59-64. (Чжан Дэцзу. Исследование культуры птиц в китайском фольклоре // Этнические исследования Цинхая. – 1996. – № 2. – С. 59-64).
163. 陈娟娟. 中国谚语研究七十年. 民间文化论坛. 2019 年第 4 期. 页 27-37. (Чэнь Цзюаньцзюань. Исследование пословиц в Китае за семьдесят лет // Форум народной культуры. – 2019. – № 4. – С. 27-37).
164. 邵敬敏. 现代汉语通论. 上海: 上海教育出版社. 2002 年, 页 140 (Шао Цзинминь. Введение в изучение современного китайского языка. – Шанхай: Издательство образование Шанхая, 2002. С. 140).
165. 双元凤, 李延林. 英汉语言中‘鸭’及其惯用语的文化内涵与翻译. 现代汉语. 2014 年第 3 期. 页 137-138 (Шуань Юаньфэн, Ли Яньлинь. Культурные коннотации и переводы ‘утки’ и устойчивых выражений с компонентом *утка* на английском и китайском языках // Современный китайский язык. – 2014. – № 3. – С. 137-138).
166. 姚锡远. “熟语”的种属地位及其定义域, 《汉字文化》. 1998 年第 2 期, 页 38-39 (Яо Сиюань. Родовое место и область определения «шуйюй» // Культура китайских иероглифов. – 1998. – № 2 – С. 38-39).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: «Советская энциклопедия», 1966. – 607с.
2. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3т.: ок. 160 000 слов / Т. В. Ефремова – М.: АСТ: Астрель, 2006.
4. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Рус. яз., 1991. – 534 с.

5. Колесов В.В., Колесова Д.В., Харитонов А.А. Словарь русской ментальности: В 2 т. Т. 2. П-Я. – СПб: Златоуст, 2014. – 592 с.
6. Мокиенко В.М. Школьный словарь живых русских пословиц. – СПб., «Издательский дом «Нева»; – М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 352 с.
7. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
8. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО Олма Медиа Групп, 2008. – 800 с.
9. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ЗАО Олма Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 4- изд., доп. – М.: ОО «ТЕМП», 2006. – 944 с.
11. Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2-х Т. – СПб – 1912.
12. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1989.
13. Русский ассоциативный словарь: В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н.Караулов, Г.А.Черкасова, Н.В.Уфимцева и др. – М.: АСТ, 2002. – 784 с.
14. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. – М.: «Гнозис», 2004. – 318 с.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 томах / под общ. ред. Н.И. толстого. – М., 1995–2012.
16. Словарь лингвокультурологических терминов / Авторы-сост. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2018. – 192 с.
17. Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд. – М.: Рус. Яз., Полиграфресурсы, 1999.
18. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1950–1965.

19. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Под редакцией Д. Н. Ушакова. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
20. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. в 4-х томах. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 1987.
22. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц /А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
23. 温端政. 中国谚语大全辞海版 (全两册)– 上海: 上海辞书出版. 2004, 2386 页 (Вэнь Дуаньчжэн. Полный свод пословиц Китая. В 2-х частях. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2004. – 2386 с).
24. 温端政. 中国谚语大辞典 – 上海: 上海辞书出版. 2011, 1261 页(Вэнь Дуаньчжэн. Словарь китайских пословиц. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2011. – 1261 с).
25. 温端政. 中国俗语大辞典 – 上海: 上海辞书出版. 2011, 1137 页. (Дуаньчжэн (гл. ред.) Словарь китайских Суюй. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2011. – 1137 с).
26. 刘锡诚,王文宝. 中国象征辞典. 天津:天津教育出版社. 1991, 385 页 (Лю Сичэн, Ван Вэньбао. Словарь китайских символов. – Тяньцзинь: Издательство просвещения Тяньцзиня, 1991. – 385 с).
27. 马国凡, 吴学恒. 熟语大全 – 谚语集锦 – 呼和浩特: 内蒙古人民出版社. 2001, 473 页 (Ма Гофан, У Сюэхэн. Полное собрание шуюй – сборник лучших яньюй. – Хух-Хото: Народное издательство Внутренней Монголии, 2001. – 473 с).
28. 说文解字/文白对照 (东汉) 许慎著; 李翰文译注; 朱振华按语. 北京: 九州出版社. 2006, 1234 页(Происхождение китайских иероглифов. [Словарь написан Сюй Шэнь (династия Восточная Хань); Перевод и комментарии сделаны Ли Ханьвэнь; Замечания сделаны Чжу Чжэньхуа]. – Пекин: Изд-

- во Цзючжоу, 2006. – 1234 с).
29. 现代汉语词典 (第 7 版). 中国社会科学院语言研究所. 北京: 商务印书馆. 2016, 1799 页 (Словарь современного китайского языка / Институт исследования языка китайской академии общественных наук. – 7-е изд. – Пекин: Изд-во Шанъу, 2016. – 1799 с).
 30. 新华字典 (第 10 版). 北京: 商务印书馆. 2004, 653 页 (Словарь (иероглифов) Синьхуа. – 10-е изд. – Пекин: Изд-во Шанъу, 2004. – 653 с).
 31. 郝景江 李靖 张秀芳, 《新华成语词典》. 北京: 商务出版社. 2009, 1046 页. (Цзиньцзян, Ли Цзинь, Чжан Сюфан. Словарь чэньюй Синьхуа – Пекин: Коммерческое издательство, 2009. – 1046 с).
 32. 郑宏峰, 姜瑞良. 中华谚语 – 北京: 线装书局. 2008, 781 页 (Чжэн Хунфэн, Цзян Жуйлян. Китайские пословицы – Пекин: Издательство прошивных книг, 2008. – 781 с).
 33. 袁珂. 中国神话传说词典. 上海: 上海辞书出版社. 1985, 540 页. (Юань Кэ. Словарь китайских мифов и легенд. – Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 1985. – 540 с).

СПИСОК ЭЛЕКТРОННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валентин Рич. Приключения словес: Лингвистические фантазии. URL: https://mir-knig.com/read_226733-8 (дата обращения: 12.09.2021).
2. За что уважают сокола? URL: <http://worldencyclo.ru/?p=116> (дата обращения: 12.02.2022).
3. Индюк думал / Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2019/12/10/1471> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Марков Г.М. Сибирь. URL: https://mir-knig.com/read_256539-108 (дата обращения: 13.10.2021)
5. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.
6. Поиск Mail.ru. URL: <https://go.mail.ru/search>.
7. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/>.

-
8. Сова своих совят хвалила (Юрий Деянов) / Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2012/11/27/10643> (дата обращения: 15.02.2021).
 9. Станюкович К.М. Собрание сочинений в десяти томах Том 1. Рассказы, очерки, повести. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=165330&p=52> (дата обращения: 12.09.2021).
 10. Узнаю по походке. URL: <http://profidom.ru/Uznayu-po-pohodke> (дата обращения: 19.05.2021).
 11. Уваров Н. В. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. URL: <https://www.litres.ru/n-v-uvarov/> (дата обращения: 15.02.2021).
 12. 百 度 百 科 .Китайская онлайн-энциклопедия «Байду байкэ» – URL: <https://baike.baidu.com>
 13. 梟 / 词 典 网 (Сова / Словари онлайн). URL: <https://www.cidianwang.com/shuowenjiezi> (дата обращения: 15.02.2021)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Список проанализированных русских паремий

1. *Авирон не боится ворон, а на галки есть палки.*
2. *Бей галку и ворону: руку набьёшь – сокола убьёшь.*
3. *Бей сороку и ворону – добьёшься и до белого лебедя.*
4. *Бей сороку и ворону – доберёшься [и] до ясного сокола.*
5. *Бей сороку и ворону – добьёшься и до ясного сокола, и до белой лебедки.*
6. *Бездомова кукушка по лесу летает, бездомова баба по суседям сигает.*
7. *Белый лебедь серому гусю не товарищ.*
8. *Ближняя – ворона, а дальняя – соколёна.*
9. *Будет петъ петух или нет, а день настанет.*
10. *Будь в голубятне корм – голуби слетятся.*
11. *Был бы сокол, а вороны налетят.*
12. *Велик баклан, да есть изъян.*
13. *Взлетел орлом, прилетел голубем.*
14. *Видать сову по полёту.*
15. *Видать сову по полёту, а девушку по походке.*
16. *Видать сокола по полёту, а доброго молодца по походке;*
17. *Видать сокола по полёту.*
18. *Видом сокол, а голосом – ворона.*
19. *В нужде и кулик соловьём свищет.*
20. *Воробьи торопились, да маленькими уродились.*
21. *Воробья на соломе не проведёшь.*
22. *Ворон ворону глаз не выключет.*
23. *Ворон ворону глаза не выключет, а хоть (хотя) [и] выключет, [да] не вытащит (не вытощит).*
24. *Ворона всё ворона.*
25. *Ворона за море летала, а ума не стало.*
26. *Вороне где ни летать – везде говно клевать.*
27. *Ворона [и] за море летала, да вороной и вернулась.*
28. *Ворона за море летала, да лучше не стала.*
29. *Ворона не вымоешь.*
30. *Вороне соловьём не петъ.*
31. *Ворон у ворона глаз унёс.*
32. *Ворону знать и по перью.*
33. *В стае ворон пава не рождается.*
34. *Всякая курица на своём пепелище хозяин.*
35. *Всякая сорока от своего языка погибает (погибнет, гинет).*
36. *Всяк (всякий) кулик в (на) своём болоте велик.*
37. *Всяк (всякий) кулик своё болото хвалит.*
38. *Всяк кулик на своей кочке велик.*
39. *Всяк (Всякий) петух на своём пепелище хозяин.*

40. *Всякий считает своих гусей лебедями.*
41. *Высидела курица утят, да и плачется с ними.*
42. *Выхвасталась ворона голосом.*
43. *Галку бей, ворону бей: руку набьёшь – сокола убьёшь.*
44. *Где вороне ни летать, а всё навоз клевать.*
45. *Где живёшь, кулик? – На болоте. – Иди к нам в поле. – Там сухо.*
46. *Где утка, там (тут) и мутка.*
47. *Голуби летают, где их привитают.*
48. *Голубь летит на приваду.*
49. *Голубь мира вьётся, а капиталист трясётся.*
50. *Грела кура яйца – ума не нажила.*
51. *Грудь лебедина, походка уткина, очи соколы, брови собопы.*
52. *Гусь да гадара – два сапога пара;*
53. *Гусь да гадара – какая [и] пара.*
54. *Гусь козлу не брат.*
55. *Гусь козлу не товарищ.*
56. *Гусь не намается, утка не наполощется, кура не нашаркается.*
57. *Гусь свинье не товарищ.*
58. *Гусь с уткой идёт, большой боярин вина несёт.*
59. *Далеко кулику до Петрова дня.*
60. *Далеко кулику до Петрова дня, а раку с клешнёю – до коня с копытом.*
61. *Далеко ли кулику до Петрова дня.*
62. *Два чирка – тот же крековень, утёнок.*
63. *Два чирёнка – тот же утёнок.*
64. *Две гусыни в одном гнезде не усидят.*
65. *Дело не малина, в лето не опадет. Дело не голуби, не разлетятся.*
66. *Денежки, что голуби: где обживутся, там и поведутся.*
67. *Деньги – голуби: прилетят и опять улетят.*
68. *Деньги прах, а животы – что голуби: где поведутся.*
69. *Деньги что гальё (галки): всё в стаю сбиваются.*
70. *Детей воспитать – не курочек пересчитать.*
71. *Дивовалась ворона, что воронята грают.*
72. *Доброй жене по тихой воде лебедью плыть – воды не замутишь.*
73. *Долго журавль летает, а мозолей не натирает.*
74. *Драчливый петух голенаст живёт.*
75. *Драчливый петух жирен не живёт.*
76. *Дружные сороки и гуся съедят.*
77. *Дружные сороки и гуся съедят, дружные чайки и ястреба забьют.*
78. *Дружные сороки и гуся утащат.*
79. *Жареные голуби сами в рот не влетят.*
80. *Жена не кукушка, своё гнездо знает.*
81. *Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу (вереницу).*
82. *Животок – что голубок: вспорхнул, улетел.*
83. *Животы что голуби: где поведутся.*
84. *Животы – что голуби: где хотят, там и сидят.*

85. Журавли за море летают, а всё одно: курлы.
86. Журавли-то в небе, а яйца – те в дупле.
87. Журавль в небе не добыча.
88. Журавль всякого перестойт.
89. Журавль высоко летает, а от реки не отбывает.
90. Журавль высоко летает, а от смерти не отбывает.
91. Журавль летает высоко и (да) видит далеко.
92. Журавль летает не высоко, да видит далеко.
93. Журавль межги не знает и через ступает (шагает).
94. Журавль межги не знает, через неё ступает.
95. Журавль не каша, еда не наша.
96. Журавль под небом, а сила на земле.
97. Журавль ходит по болоту, нанимается в работу.
98. Журавля в небе не сули, дай прежде синицу в руки.
99. За то кукушка без гнезда, что в Благовещенье его завила.
100. Закончил соловей – и начала кукушка.
101. Заладила (затвердила, твердит) [как, что] сорока Якова – одно про всякого.
102. Залетела ворона в высокие (в боярские) хоромы.
103. Залетела ворона в высокие хоромы: крутится, крутится, а вылететь не знает как.
104. Залетела ворона в царские хоромы: почёту много, а полёту нет.
105. Затвердила сорока Якова, да и зовёт им всякого.
106. Знает курица свои яйца.
107. Знай сорока сороку, а ворона ворону.
108. Знать ворона по полёту.
109. Знать паву по перью.
110. Знать паву по перьям.
111. Знать птицу по перьям, а человека по речам.
112. Знать сову и по перьям.
113. Знать сову и по полёту.
114. Знать сова и по полёту, и по перьям.
115. Знать сокола и по полёту.
116. Знаешь сокола по полёту, а добра молодца по походке.
117. Знать сокола по полёту, а молодца по выходке.
118. Знать, тебя разумный индюк высидел.
119. Знать-то ведь сокола и по полёту.
120. И ворона воронят хвалит.
121. И кулик чужу сторону знает. И журавль тепла ищет.
122. Из совы сокол не будет.
123. И петух на своём пепелище силён.
124. И петух на своём пепелище храбрится.
125. И сорока в одно перо не родится.
126. Из пушки по воробьям не стреляют.
127. Индюк думал, думал, да в суп попал.

-
128. *Индюк думал, думал, да и сдох.*
 129. *Индюшки от воробья не распознает.*
 130. *И сова своего совёнка хвалит: глазастьенький, головастьенький.*
 131. *И сова своих детей хвалит.*
 132. *И сова своих детей хвалит, что её детки хороши: и глазастьы, и ушастьы.*
 133. *И стала наша Олёна ни пава, ни ворона.*
 134. *К воронам попал – по-вороньи каркай.*
 135. *Кабы на сороку не свой язычок [век бы по воле летала].*
 136. *Каждая курица свой насест знает.*
 137. *Каждая курица свой насест хвалит.*
 138. *Каждый кулик в своём болоте велик.*
 139. *Каждый кулик в своём болоте хозяин.*
 140. *Каждый кулик своё болото хвалит.*
 141. *Как ни бодрись ворона, а [ей] до сокола далеко.*
 142. *Как ни наряжайся под голубицу, а беркута по полёту узнают.*
 143. *Как одна сорока хвост задерёт, то за нею и все.*
 144. *Какова пава, такова ей и слава.*
 145. *Какой бы муж ни ворона, но жене оборона.*
 146. *Кинулся за уткой – потерял лодк.*
 147. *Коя курочка кладётся, у той гребешок красненький.*
 148. *Красна пава пером, а жена добром.*
 149. *Красна пава пером, а жена – мужем.*
 150. *Красна пава пером, а жена – нравом.*
 151. *Красна пава перьем, хороша жена – мужем.*
 152. *Красна пава перьем, честна (чесна) жена – мужем.*
 153. *Кроткий голубок (голубка) ни мухам ворог.*
 154. *Кто боится воробьёв, тот не сеет проса*
 155. *Кто как (когда) хочет, а журавль в спасовку.*
 156. *Кто когда хочет, а журавль к спасу.*
 157. *Кудакнула одна курица, а узнала вся улица.*
 158. *Кукушка кукует – горе вещует.*
 159. *Кукушка кукует – от бездомья горюет.*
 160. *Кукушка не мать, не каждому судьбу поймать.*
 161. *Кукушка не мать, не каждому счастье поймать.*
 162. *Кукушка своего гнезда не вьёт.*
 163. *Кукушка соловушку бранит.*
 164. *Кукушка соловушку журит, свекровь сноху.*
 165. *Кулик да гагара – два сапога пара.*
 166. *Кулик до воды охоч, а плавать не умеет.*
 167. *Кулик на месте соколином не будет птичьим господином.*
 168. *Курица гогочет, а петух молчит.*
 169. *Курица, много кудахтающая, мало яиц несёт.*
 170. *Курица не птица, <баба не человек (Польша не заграница)>.*
 171. *Курица не птица, лодырь не человек, болтун не хозяин.*

172. Курица не птица, прапор (прапорщик, констабель, комисар) не офицер.
173. Курица не птица, Финляндия не заграница.
174. Курица по крупнице клюёт, да сыта живёт.
175. Курице не быть петухом, а бабе мужиком.
176. Курице-невунье язык отсекают.
177. Курица соседа выглядит гусыней.
178. Курочка (курица) по зернышку клюет, да сыта бывает.
179. Крылаты куры, да нелётны.
180. Ласточка весну начинает, а соловей кончает.
181. Лебедь по поднебесью, мотылёк над землей [чуть] – всякому свой путь.
182. Лучшие воробей в руке, чем петух на кровле.
183. Лучшие синица в руках (в руки), чем журавль в небе.
184. Мила ворона, да рот широк.
185. Мала (невелика) птичка, да ноготок востер (остер).
186. Мал соловей, а весну знает.
187. Мал соловей, да голос велик.
188. Мёртвым соколом ворон не травят.
189. Мёртвым соколом и вороны (утки) не затравишь.
190. Мёртвым соколом и вороны не затравишь.
191. Мёртвым соколом не ловят и ворон.
192. Молодой журавль высоко взлетел, да низко сел.
193. Молодой петух поёт так, как слышал от старого.
194. Маленькая галка, а рот большой.
195. Муж как ворона, а всё жене оборона.
196. Мужчина некурящий что попугай не говорящий.
197. Недалеко кулику до Петрова дня.
198. Над пуганым соколом и вороны грают.
199. На то у селезня зеркальца на крыльях, чтоб утки гляделись.
200. Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка.
201. На что вороне большие хоромы? – Знай, ворона, своё гнездо!
202. На чужом дворе и курица – с индюка.
203. Не будь петуха, разве утро настанет.
204. Не бывать вороне соколом.
205. Не бывать плешивому кудрявым, курице петухом, а бабе мужиком.
206. Не вздыхай глубоко, не отдадим далеко: хоть за курицу, да на свою улицу, хоть за помело, да в своё село, хоть за Лыску, да близко, хоть за петушка, да за милого дружка.
207. Невелик соловей, да голос золотой.
208. Не всем соловьём петь.
209. Не выпускай соловья из клетки, пока песни не споет.
210. Не диковина, что кукушка в чужое гнездо села, а то [была бы] диковинка (диковина), кабы своё свила.
211. Не живёт сорока без белого бока.
212. Не каркал соловей по-вороньему.
213. Не кукушка кукует, а жена горюет.

-
214. *Не летать было вороне в боярские хоромы.*
 215. *Не нужна соловью золотая клетка, а нужна зелёная ветка.*
 216. *Не нужна соловью золотая клетка, лучше зелёная ветка.*
 217. *Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком.*
 218. *Не петь курице петухом, не быть (не владеть) бабе мужиком.*
 219. *Не пой, курица петухом [не владей, баба, мужиком]!*
 220. *Не пугай сокола вороной (вороною).*
 221. *Не сорока, перо в перо не уродится.*
 222. *Не сули журавля в год, а хоть синичку, да в рот.*
 223. *Не сули журавля в небе, [а] дай синицу в руки.*
 224. *Не считай в ворон – гляди под ноги*
 225. *Не считай утят, пока (коли) не вылупились.*
 226. *Не умела ворона сокола щипать.*
 227. *Не учи белого лебедя плавать, а боярского сына с татарами биться.*
 228. *Не учи орла летать, а соловья петь.*
 229. *Не учи сороку вприсядку плясать.*
 230. *Не учи утку плавать, а собаку летать.*
 231. *Нет певчего для вороны супротив родного вороненка.*
 232. *Носится как курица с яйцом.*
 233. *Ночная кукушка денную (дневную) перекукует (перекокует).*
 234. *О соколе судят по полёту.*
 235. *О том толкует кукушка, что своего гнезда нет.*
 236. *Одна сорока с плоту, а десять на плот*
 237. *Одна у журавля дорога: на тёплые воды.*
 238. *Орёл с вороною не толкует.*
 239. *Орёл с вороною не толкуется.*
 240. *Орёл орла плодит, а сова сову родит.*
 241. *Осенью и воробей богат.*
 242. *Осенью и у воробья пиво.*
 243. *Осенью и у воробья пир.*
 244. *От ворон отстала, а к павам не пристала.*
 245. *От вороны павы не жди.*
 246. *От одних отстал, к другим не пристал – ни пава, ни ворона.*
 247. *От совы соколы не рождаются*
 248. *От сороки не жди проку.*
 249. *Оттого кукушка по чужим гнёздам бедует, что своего нет.*
 250. *От худой курицы – худые яйца.*
 251. *Отщеголяла ворона в павлиньих перьях, ощипали её.*
 252. *Охоча сорока до находки.*
 253. *Павлин бы и красив, да ногами несчастлив.*
 254. *Пара голубков – вечная любовь.*
 255. *Пара – кулик да гагара.*
 256. *Первые детки – соколятки, последние – воронятки.*
 257. *Перелётный соловей: то на сосну, то на ель.*
 258. *Пестра сорока, белобока, а все одна в одну.*

259. Петух на своём пепелище царёк.
260. Петух скажет курице, а она – всей улице.
261. Петушок поёт, рассвету весть подаёт.
262. Печёные (печёныя) голубки не прилетают до губки.
263. Пешего сокола ворона бьёт.
264. Плодятся и множатся, что голуби. Бойконько — детей многонько.
265. По воробьям из пушки не стреляют.
266. Подстреленного сокола и ворона клюёт.
267. Подстреленного сокола и ворона носом долбит.
268. Поглянулась сова лучше ясна сокола.
269. Поёт и петух, да не по-соловьиному.
270. Поёт петух или нет, а день будет.
271. Поёт соловьём, а рыщет волком.
272. Покажется сова лучше ясного сокола.
273. Полюбился (Полюбится) сатана пуще (лучше) ясного сокола.
274. Полюбится сова лучше ясного сокола.
275. Полюбится сова – не надо райской птицы.
276. Попал в вороны – каркай, как они.
277. Попала ворона в большие хоромы.
278. Поп как утка: зоб набила, её на сторону своротило, а она всё хватает.
279. Попы как утки: уж и зоб своротило, а всё хватает.
280. Попугай не погай, а что он слышит, то и бредит.
281. Попугай не потакает, что он слышит, то и бредит.
282. Прилетел кулик из заморья, вывел весну из затворья.
283. При матери ребятки как при клушке цыплятки.
284. При народе – куманёк да кумушка, а без народа: «Поцелуй, голубушка!».
285. Прощай, матушка Русь: я к теплу.
286. Птица красна перьем, а жена – мужем.
287. Птица крыльями сильна, [а] жена – мужем.
288. Птица не рыба, а зять не человек.
289. Пущенный голубь из рук к рукам не возвратится.
290. Рад бы соколом, да жена кошелём.
291. Разбросали палки на чужие галки.
292. Разумный индюк высидел (кого).
293. Рыбку да утку встанью взять, а малых деток бог дает.
294. Сам воробей, а поёт как соловей.
295. С воронами летать – по-вороньи каркать.
296. Свинья не родит бобра, а сова не высиживает орла.
297. Своя жена – ворона, а чужая – соколёна.
298. Своя курица больше чужого гуся.
299. Сера утица – охота моя, красна девушка – зазнобушка моя.
300. Синица в руке лучше журавля в небе.
301. Синица не птица, зять не родня.
302. Синица, хоть тресни, журавлём не будет.
303. Синица, хоть тресни, не быть журавлём.

-
304. Скажешь курице, а она – всей улице.
 305. Сколько ни мой гагару, все черна.
 306. Слово не воробей, вылетит (выпустишь) – не поймаешь.
 307. Сколько ни мой гагару – белее не будет.
 308. Сколько утка ни бодрись, а (лебедем) гусём не быть.
 309. Сова не принесёт добра.
 310. Сова не родит орла, а такого же черта как сама.
 311. Сова не родит сокола, а такого же чёрта, как сама.
 312. Сова о сове, а всяк о себе.
 313. Сова своих детей хвалила, что они лупоглазые.
 314. Сова хоть бы под небеса летала, а всё соколом не будет
 315. Сову видно по полёту.
 316. Соловей баснями не сыт (сыт не будет).
 317. Соловей берёт пением, а человек – умением.
 318. Соловей мал, да голос удал.
 319. Соловей месяц поёт, а ворона круглый год каркает.
 320. Соловей не велик, да громко поёт.
 321. Соловей поёт, пока детей выведет.
 322. Соловей – птичка-невеличка, а заголосит, [так] лес дрожит;
 323. Соловей – птичка-невеличка, а поёт – лес дрожит.
 324. Соловей с вороной в одном лесу живут, да по-разному песни поют.
 325. Соловей хорош голосом, а колхоз – колосом.
 326. Соловья баснями не кормят.
 327. Сокола по полёту узнают.
 328. Сокол горит любовью к соколихе, осётр – к осетрихе.
 329. Сокол лебедя летая бьёт, а ворона себе сидя и жабу жрёт.
 330. Сокол с места, а сова на место.
 331. Сорока в платье и ворона в платье, будет платье и на нашей братье.
 332. Сорока вороне дивуется, а обе живут на одной улице.
 333. Сорока вороне дивует, а обе на улице ночуют.
 334. Сорока не ворона: в одно перо не родится.
 335. Сорока никогда соловьиных песен не поёт.
 336. Сорока от своего языка погибает.
 337. Сорока с плоту, а десять на плот.
 338. Сорока с тыну, а десять на тын.
 339. Сорока сама рассказывает, где гнездо свила.
 340. Сорока скажет вороне, ворона – борову, а боров – всему городу.
 341. Сороку взять – щекотлива, ворону взять – картавита, взять ли сову
 госпожу?
 342. Спесив журавль, а шею клонит.
 343. Старого воробья на мякине не обманешь.
 344. Старого воробья на мякине не проведёшь.
 345. Стреляй по чёрной вороне, убьёшь белу лебедушку.
 346. Стрелял в воробья, а попал в журавля.
 347. Стрелял в журавля, а попал в воробья.

-
348. *Только сорока перо в перо рождается.*
349. *Ты, голубушка, не сдавайся – правым крылышком отбивайся.*
350. *Увидал, что на утках озеро плавает.*
351. *У драчливого кочета (петуха) гребень всегда в крови.*
352. *У рассеянной курицы ворона цыплят таскает.*
353. *У него из голубятни голуби улетели.*
354. *У сороки повёртка бесовская.*
355. *Утиного зоба не накормишь, а подъяческого (поповского, судейского) кармана не наполнишь.*
356. *Утиного зоба не наполнишь.*
357. *Утка да рыбка – Божья дань.*
358. *Утка в воду – пузырь кверху.*
359. *У того голубочка велики (остры) зубочки*
360. *Хвалится сова своими детьми, говорит, что нет краше совиных детей.*
361. *Хлеба-соли покушать, лебедя (пирого) порушать.*
362. *Хорошая пара – гусь да гагара.*
363. *Хорош павлин, да ногами худ.*
364. *Хоть за курицу, да на свою улицу [, хоть за Лыска, да близко].*
365. *Хоть под небесами летай, а все сове соколом не быть.*
366. *Цыплят по осени считают.*
367. *Чем не пара – гусь да гагара?*
368. *Чем приятней поёт соловей, тем у него клетка плотней.*
369. *Чёрная курочка – белые яички.*
370. *Что гусь без воды, то мужик без жены.*
371. *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая.*
372. *Щебечет как соловей, а кусает как гадюка*
373. *Щебечет соловей в клетке, забыв свои детки.*
374. *Яйца курицу не учат.*
375. *Ясного сокола видать по полёту, а молодца – по походке.*

Приложение 2. Список проанализированных китайских паремий

1. 夜猫子进宅 – 无事不来。 – Сова прилетает – без дела в дом не ходят.
2. 夜猫子不黑天不进宅, 黄鼠狼不深夜不叨鸡。 – Сова не прилетает в дом до темноты; хорёк не приносит курицу в зубах до поздней ночи.
3. 夜猫子害怕见太阳。 – Сова боится увидеть солнце.
4. 秃爪子老鹰, 抓不住芦花大母鸡。 – Сокол/орёл с плешивыми когтями не может поймать курицу.
5. 凤凰落地不如鸡。 – Когда феникс садится на землю, он хуже курицы/петуха.
6. 暴风雨折不断雄鹰的翅膀。 – Буря не может обломать крылья орла/сокола.
7. 花盆里长不出苍松, 鸟笼里飞不出雄鹰。 – Сосны не растут из цветочных горшков, орёл/сокол не вылетает из клетки.
8. 雄鹰飞得再高, 影子还在地上。 – Как бы высоко ни летел сокол, тень все равно на земле.
9. 鹰在高处筑巢, 蛟入深水作戏。 – Орёл/сокол строит гнездо на высоте, рыба входит в глубокую воду перед игрой.
10. 鹰立如睡, 虎行似病。 – Когда орёл/сокол стоит, кажется, что он спит; когда тигр ходит, кажется, что, он болен.
11. 鹰饱不拿兔, 兔饱不出窝。 – Сытый сокол/орёл не тронет зайца, сытый заяц не выйдет из норы.
12. 不见兔子不撒鹰。 – Не спускай орла/сокола, пока не увидишь зайца.
13. 鹬蚌相持, 渔人得利 – Кулик и устрица сцепились друг в друга, а выгода досталась рыбаку.
14. 杜鹃咕咕叫, 是为无家忧。 – Кукушка кукует, и она печалится из-за того, что у нее дома нет.
15. 望帝啼鹃 – Ванди, который превратился в кукушку, кричит.
16. 合心的喜鹊能捉鹿。 – Дружные сороки смогут поймать оленя.
17. 合群的喜鹊能擒鹿, 齐心的蚂蚁能吃虎。 – Дружные сороки смогут поймать оленя, дружные муравьи смогут съесть тигра.
18. 喜鹊成双才做窝, 两厢情愿才成婚。 – Сороки делают гнездо только в парах, люди вступают в брак только по доброй воле обеих сторон.
19. 七月七, 喜鹊稀。 – 7 июля сорок очень мало.
20. 鹊桥相会 – Встретиться на сорочьем мосту.
21. 孔雀开屏—自作多情。 – Павлин распускает хвост — полагает, что некто в него влюблён.
22. 孔雀珍惜花翎, 好人珍惜名声。 – Павлин бережёт свои перья, а хороший человек бережёт репутацию.
23. 孔雀爱惜尾巴, 好人珍惜名誉。 – Павлин бережёт свой хвост, а хороший человек бережёт свою славу.
24. 孔雀乌鸦不同林, 好人坏人不同群。 – Павлин и ворона не живут в одном лесу, хороший и плохой человек вместе не уживутся.

25. 旱鸭子下不了水。 – Сухопутная утка не может войти в воду.
26. 水大漫不过鸭子去。 – Полые воды не затопят утку.
27. 水长鸭子浮。 – Когда вода прибывает, поднимается и утка.
28. 笨鸭子上不了架。 – Неуклюжая утка не может лезть на насест.
29. 赶鸭子上架。 – Гнать утку на насест.
30. 处处鸭子是扁嘴。 – Утки повсюду – плоские клювы.
31. 鸭子死了嘴巴硬。 – Хотя утка мертва, ее клюв все еще тверд.
32. 鸭子过河嘴上前。 – Утки переходят через воду, клювом вперед.
33. 半斤鸭子四两嘴。 – У половины цзиня утки есть четыре лян клюва.
34. 鸭子肥不到蹠上去。 – Какой бы жирной ни была утка, она не толстеет в лапах.
35. 煮熟的鸭子又飞了。 – Вареная утка снова улетает.
36. 鸡抱鸭子 – 干忙活。 – Курица высиживает утят – работает впустую.
37. 鸭子不和鸡合伙。 – Утка не составит компанию курице.
38. 鸭吃砦糠鸡吃谷，各人头上各种福。 Утка ест мякину, курица ест зерно – у каждого есть свое счастье.
39. 鸭子的娃子会浮水，鸡儿的娃子会吃米。 – Утёнок умеет плавать, цыплёнок умеет есть рис.
40. 鸭子的儿子会浮水，木匠的儿子会砍柱。 – Сын утки умеет плавать, сын плотника умеет рубить столбы.
41. 鸭再打扮，也卖不了鹅价格。 – Как бы ни наряжал утку, её невозможно продать по цене гуся.
42. 鸡配鸡，鹅配鹅，鸭子配鸭子。 – Курица/петух составит пару петуху/курице, гусь составит пару гусю, утка/селезень составит пару селезню/утке.
43. 鸱心鹞舌 – Иметь сердце совы, но язык иволги.
44. 凤凰靠羽毛，姑娘靠衣裳。 – Красен феникс пером, а девушка одеждой.
45. 凤鸟乘于风，圣人因其时。 – Феникс летает высоко с помощью ветра, а мудрец действует согласно складывающимся условиям.
46. 神龙不贪香饵，彩凤不入雕笼。 – Дракон не будет жаждасть приманки, прекрасный феникс не будет влетать в изукрашенную клетку.
47. 野鸡长不了凤凰毛。 – У фазана не вырастают перья феникса.
48. 狐狸不乐龙王，鱼鳖不乐凤凰。 – Лиса не желает дружить с царём драконов, рыба и черепаха не желают дружить с фениксом.
49. 凤凰鸦鹊不同群。 – Феникс не живёт вместе с вороной и сорокой.
50. 乌鸦彩凤不同栖。 – Ворона и прекрасный феникс не живут вместе.
51. 凤凰不落乌鸦巢。 – Феникс не влетит в гнездо вороны.
52. 与凤同飞，必出俊鸟；与虎同眠，没有善兽。 – Птица, летающая с фениксом, непременно станет блестящей; Зверь, спящий с тигром, не может быть добрым.

53. 龙配龙, 凤配凤, 鸛对鸛, 乌鸦对乌鸦。 – Дракон составит пару дракону, феникс составит пару фениксу, горлица составит пару горлице, ворона составит пару вороне.
54. 山鸡不敢上配凤凰。 – Фазан не смеет претендовать на то, чтобы составить пару фениксу.
55. 龙生龙子, 凤生凤儿。 – Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса.
56. 龙生龙, 凤生凤, 老鼠生儿打地洞, 麻雀生儿钻瓦缝。 – Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса, дети мыши роют норы, дети воробьев проникнут в швы черепицы.
57. 鹤子不出凤凰蛋。 – Журавль не может снести яйцо феникса.
58. 望子成龙, 望女成凤。 – Всегда надеются, что сын станет драконом, а дочь – фениксом.
59. 一个孩子金凤凰, 儿多累死爹和娘。 – Единственный ребёнок – золотой феникс, детей много – отец и мать устают до смерти.
60. 鸡窝里飞不出金凤凰。 – Из курятника не вылетит золотой феникс.
61. 鸡窝里也出金凤凰。 – Из курятника также вылетит золотой феникс.
62. 深山沟里出凤凰。 – Из глухих гор вылетел феникс.
63. 鸡窝里藏不住凤凰。 – Курятник не закроет феникса.
64. 鸦窝里出凤凰, 粪堆上产灵芝。 – Из гнезда вороны слетел феникс, из навозной кучи выросли линчжи.
65. 宁当鸡头, 不当凤尾。 – Лучше быть головой курицы (петуха), чем хвостом феникса.
66. 宁为鸡口, 无为牛后。 – Лучше быть клювом курицы (петуха), чем задом вола.
67. 凤有凤巢, 鸡有鸡窝。 – У Феникса есть гнездо Феникса, а у курицы есть гнездо курицы.
68. 凤栖梧, 鱼跃渊。 – Феникс обитает на дереве утуне, рыба - в глубоком озере.
69. 凤凰无宝处不落。 – Феникс не летит на место, где нет сокровищ.
70. 没有梧桐树, 引不得凤凰来。 – Не привлечёшь феникса к себе без дерева утуна.
71. 有了梧桐树, 不愁凤凰来。 – С деревом утуном не нужно беспокоиться о том, что феникс не прилетит.
72. 凤死鸾悲, 物伤其类。 – Птица Луань опечалилась после смерти феникса, потому что пострадавший является родственником ей.
73. 鸟随鸾凤飞能远, 人伴贤良品自高。 – Птица, которая летает с Луань и фениксом, может далеко улететь; человек, находящийся в обществе добродетельных людей, будет отличаться высокой нравственностью.
74. 鹤随鸾凤飞还远, 人伴贤良智转高。 – Журавль, который последует за птицей луань и фениксом сможет летать все выше и выше; человек,

- который вместе с добродетельными людьми будет становиться все более и более умными.
75. 鸡与鸡并食, 鸾与鸾同枝。 – Курица/ петух и курица/петух едят вместе, луань и луань живут на одной ветке.
76. 娇鸾难入老鸦群。 – Невозможно прекрасной птице Луань присоединиться к стае ворон.
77. 鸾凤自有鸾凤配, 鸳鸯自有鸳鸯对。 – Луань и феникс спариваются с Луань и фениксом, а мандаринка с мандаринкой.
78. 麻雀虽多, 怎抵得大鹏展翅。 – Хотя воробьев много, но это не может равняться с тем, что большая птица Пэн расправит крылья.
79. 鲲鹏一只, 胜乌鸦百只。 – Лучшие один Гунь Пэн, чем сотни ворон.
80. 不入青冥去, 难成大鹏鸟。 – Трудно быть птицей Пэн, не летая в синюю бездну.
81. 鸡窝里出不了大鹏, 猪窝里出不了山羊 – Из курятника не вылетит птица Пэн, из свинарника не выскочит козёл.
82. 漏脯救饥, 饮鸩止渴, 非不暂饱, 死亦及之。 – Если удовлетворять голод протухшим мясом, утолять жажду вином, приготовленным из перьев Чжэнь – то проблемы голода и жажды могут быть временно решены, но моментально приходит смерть.
83. 雁飞千里也恋亲。 – Дикие гуси даже пролетев тысячу ли, скучают по своим близким.
84. 雁过有声, 蛇过有路。 – Дикий гусь пролетит – звук останется, змея проползёт – след останется.
85. 人过留名, 雁过留声。 – Человек пройдёт – останется имя, дикий гусь пролетит – останется звук.
86. 雁叫一齐叫。 – Дикие гуси кричат вместе.
87. 鱼不能离水, 雁不能离群。 – Рыбам не обойтись без воды, как диким гусям не обойтись без стаи.
88. 雁怕离群, 人怕单干。 – Дикий гусь боится отстать от стаи, человек боится работать в одиночку.
89. 孤树不成林, 孤雁不成群。 – Одно дерево не может образовать лес, одинокий дикий гусь не может создать стаю.
90. 孤雁难行, 孤掌难鸣。 – Одинокому дикому гусю трудно летать, трудно хлопнуть в ладоши одной рукой.
91. 孤雁受苦, 独户遭贼。 – Одинокий дикий гусь мучается, одинокая семья пострадает от воров.
92. 孤雁难飞, 孤子难教。 – Одинокому дикому гусю трудно летать, единственного ребёнка трудно научить.
93. 雁有头雁, 羊有头羊。 – У диких гусей есть гусь-вожак, у баранов есть баран-вожак.
94. 羊无头不走, 雁无头不飞。 – Бараны без вожака не идут, дикие гуси без

вожаса не летают.

95. 雁飞千里靠头雁。 – Опираясь на головного гуся, дикие гуси пролетели тысячу ли.
96. 头雁全靠群雁帮。 – Головной гусь полагается на помощь стаи диких гусей.
97. 雁头先受箭，佳材早挨刀。 – Дикий гусь-вожак будет подстрелен раньше всех, красивое дерево срубят раньше других.
98. 小燕乱配，鸿雁守节。 – Ласточки произвольно спариваются, дикие гуси соблюдают верность (покойному мужу).
99. 雁孤一世，鹤孤三年，鹊孤一周。 – Когда дикий гусь остается один, он будет одинок до конца жизни; журавль – три года, сорока – неделю.
100. 有情人终成眷属，是鸳鸯棒打不分。 – У влюбленных в конце концов будет семья; Если они являются мандаринками, то даже палкой их не разлучишь.
101. 鸳鸯失偶，永不重交。 – Если утка-мандаринка теряет своего супруга, она больше никогда не спаривается снова.
102. 好叫的母鸡不下蛋。 – Курица, которая любит кричать, не несет яйца.
103. 爱叫的麻雀不长肉。 – Воробьи, которые любят кричать, не набирают вес.
104. 好斗的公鸡肥不了。 – Драчливый петух не жирный.
105. 好斗的公鸡不长毛。 – Драчливый петух не волосатый.
106. 脑袋像公鸡，掉还打鸣。 – Голова (кого-то) как голова петуха, которая хотя отрублена, но по-прежнему кукарекает.
107. 鸡瘦不倒冠。 – Хотя петух тонкий, гребень его остаётся стройным и высоким.
108. 白天黑夜鸡叫分，好人坏人看言行。 – Различать ночь и день по крику петуха, отличать хороших людей от плохих по словам и делам.
109. 犬守夜，鸡司晨。 – Собака стоит на страже ночью, а петух возвещает рассвет утром.
110. 若要富，鸡鸣三声离床铺。 – Если хочешь процветания, то надо вставать после того, как петух пропоет три раза.
111. 有鸡叫天明，没鸡叫天也明。 – Будет петух кричать или нет, рассвет всё равно придёт.
112. 杀尽了报晓鸡，天还是要亮的。 – Даже если все петухи будут убиты, утро всё равно настанет.
113. 嫁鸡随鸡，嫁狗随狗。 – За петуха замуж выдадут, с петухом и живи, за собаку замуж выдадут, с собакой и живи.
114. 牝鸡无晨。 – Курица не возвещает рассвет.
115. 公鸡打鸣，母鸡生蛋。 – Петух возвещает рассвет, курица несёт яйца.
116. 公鸡不抱窝，母鸡不叫明。 – Петух не сидит на яйцах (высиживает цыплят), курица не возвещает рассвет.
117. 公鸡抱窝，母鸡司晨。 – Петух сидит на яйцах (высиживает цыплят),

курица возвещает рассвет.

118. 无故不休妻, 无事不宰鸡。 – Без причины жену не выгонят, без дела не зарежут курицу.
119. 白鸡窝里拿不出黑蛋来。 – Невозможно вынуть черное яйцо из гнезда белой курицы.
120. 懒鸡婆带不出勤鸡崽。 – Ленивая курица-баба не может выкормить трудолюбивого цыплёнка.
121. 黑鸡下白蛋。 – Чёрная курица несет белые яйца.
122. 老母鸡能下出凤凰蛋。 – Курица может снести яйцо феникса.
123. 黄鸡生卵, 乌鸡伏之, 但知为乌鸡之子, 不知为黄鸡之。 Желтая курица снесла яйцо, а черная курица его высидела, но цыпленок знает только, что он сын черной курицы, а не знает, что он сын желтой курицы.
124. 小公鸡出了蛋壳就不认娘。 – После того, как петушок выходит из яичной скорлупы, он отказывается от матери.
125. 母见了女婿, 好像落窝的母鸡。 – Увидев зятя, тёща как курица, попавшая в гнездо.
126. 女婿进门, 鸡儿头疼。 – Зять входит в дверь (дом), у курицы болит голова.
127. 人多乱, 龙多旱, 母鸡多了不下蛋, 媳妇多了婆做饭。 – Когда людей много, беспорядок приходит; Когда драконов много, засуха наступит; Когда куриц много, они не несут яйца; Когда снох много, свекровь будет готовить.
128. 人多不干活, 鸡多不下蛋。 – Когда людей много, они не работают; когда куриц много, они не несут яйца.
129. 鸡多下蛋多, 人多做活多。 – Чем больше куриц, тем больше яиц; чем больше людей, тем больше выполненных работ.
130. 鸡改不了啄米, 狗改不了吃屎。 – Курица/петух не может отучиться клевать рис, а собака не может отучиться есть кал.
131. 乌鸦擦粉照样黑。 – Ворона всё ещё черная, даже если вытирает пудру.
132. 过了一千年, 乌鸦也是黑的。 – Даже спустя тысячу лет ворона все еще черная.
133. 处处是老鸦一般黑。 – Вороны, где угодно, одинаково черны.
134. 老鸦嫌猪黑。 – Ворона засмеялась над чернотой свиньи.
135. 老鸦别笑话猪黑。 Вороне нельзя смеяться над чернотой свиньи.
136. 老鸦占了凤凰巢。 – Гнездо феникса заняла ворона.
137. 乌鸦不啄乌鸦眼。 – Ворона не клюёт глаз вороны.
138. 乌鸦也吃乌鸦的眼睛。 – Ворона также ест глаз вороны.
139. 燕子养儿空劳力, 乌鸦反哺尽孝心。 – Ласточки впустую тратила силы на воспитание своих детей, а ворона кормит (родителей) «обратно», чтобы выполнить сыновний долг.
140. 乌鸦反哺, 尚答亲恩, 有亲不养, 何以为人。 – Ворона кормит (родителей)

- «обратно», чтобы ответить на родительскую доброту; Человек, который не кормит родителей, как же может считаться человеком?
141. 羊羔知道跪乳, 乌鸦知道反哺。 – Ягнёнок знает, как сосать материнское молоко на коленях, ворона знает «обратное» кормление.
142. 割鸡焉用牛刀。 – Нет необходимости резать курицу/петуха ножом для забивания коров.
143. 麻雀虽小, 五脏俱全。 – Хотя воробей мал, но все органы у него есть.
144. 麻雀飞过也有影子。 – Даже если воробей пролетит, его тень останется.
145. 不能因为怕麻雀, 就不敢种青稞。 – Нельзя не осмеливаться сажать голозерный высокогорный ячмень только потому, что боишься воробьев.
146. 闭着眼睛捉不住麻雀。 – С закрытыми глазами нельзя поймать воробья.
147. 钓鱼凭竿, 捉雀凭筛。 – Рыбалка должна опираться на удочку, ловля воробьев – опираться на сито.
148. 明珠弹雀, 不如泥丸; 白壁疗饥, 不如壶餐。 – Лучшие стреляй воробья глиняным шариком, чем чистой жемчужиной; лучше утоляй голод сосудом с едой, чем белой яшмой.
149. 野鸡有山头, 白鹤有滩头。 – У фазана есть вершина холма, а у белого журавля есть береговой плацдарм.
150. 塘干鱼净, 白鹤起身。 – Когда пруд пересыхает и рыба исчезает, журавль улетает.
151. 水尽鹅飞 水 иссякла – гуси улетели.
152. 鹤长凫短不能齐。 – У журавля длинные ноги, а у утки короткие – нельзя заставить их быть одинаковыми.
153. 鹤立鸡群 – Стоять как журавль среди кур.
154. 仙鹤全身白, 尾尖一点黑。 – Маньчжурский журавль весь белый, а кончик хвоста немного черный.
155. 鹤发童颜 – Белые волосы как перья журавля, а лицо детское.
156. 天上的仙鹤, 比不上手里的麻雀。 – Лучшие воробей в руках, чем журавль на небе.
157. 明天一个鸡, 不如今天一个蛋。 – Одно сегодняшнее яйцо лучше одной завтрашней курицы.
158. 黄笙画鹤, 薛稷减价。 – Хуан Шэн нарисовал журавля, а цены картин Сюэ Цзи снижены.
159. 不要胆小如鹤, 要学鸿雁之志。 – Не будь трусливым, как журавль; учись у дикого гуся, который полон высоких стремлений.
160. 羊和狼不在一个圈, 雀和鹁不住一个窝。 – Овца и волк не живут в одном загоне, воробей и ястреб не живут в одном гнезде.
161. 千里送鹅毛 – 礼轻人意重。 – Лебединое перышко, присланное за тысячу ли – лёгок подарок, но дорого внимание.
162. 刻鹄不成尚类鹜。 – Даже если лебедь не отгравирован, но дикая утка

получилась.

163. 癞蛤蟆想吃天鹅肉。 – Жаба хочет отведать лебяжьего мяса.
164. 不要胆小如雀, 要学鸿鹄之志。 – Не будь трусливым, как воробей; учись у лебедя, который полон высоких стремлений.
165. 要学鸿鹄志, 展翅破青天。 – Учись у лебедя, который полон высоких стремлений, расправив крылья лети в небо.
166. 燕雀安知鸿鹄志。 – Ласточкам и воробьям невозможно понять высокие стремления лебедя.
167. 学说二话是鹦哥, 花言巧语是媒婆。 – Попугай бездумно повторяет, а сваха напыщенно говорит.
168. 只有笼中鹦鹉, 哪有笼中凤凰。 – В клетке только попугай, нет феникса.
169. 笨鸭子上不了鹦哥架。 – Неуклюжая утка не может лезть на насест попугая.
170. 得志猫儿雄似虎, 败翎鹦鹉不如鸡。 – Удачливый кот сильный как тигр, а попугай, потерявший перья хуже курицы /петуха.
171. 败翎鹦鹉不如鸡, 虎落平阳被犬欺。 – Попугай, потерявший перья хуже курицы/петуха, когда тигр падает на ровную землю, над ним издеваются собаки.
172. 折脚狸猫难学虎, 断尾鹦鹉不如鸡。 – Пятнистой кошке со сломанными ногами трудно подражать тигру, а попугай со сломанным хвостом хуже курицы/петуха.
173. 下了架的孔雀不如鸡。 – Когда павлин садится на подставку, он хуже петуха/курицы.
174. 拔了毛的凤凰不如鸡。 – Ощипанный феникс хуже курицы/петуха.
175. 瘦死的凤凰不如鸡。 – Истощенный феникс хуже курицы/петуха.
176. 拔了毛的凤凰也比鸡大。 – Ощипанный феникс больше курицы/петуха.
177. 鸚鵡不能伴鷹飛, 烏鴉不与鳳凰栖。 – Домашний голубь не может летать вместе с орлом/соколом; а ворона не может жить вместе с фениксом.
178. 黑老鴉成不了白鴿子。 – Черная ворона не может превратиться в белого голубя.
179. 黑老鴉洗不成白鴿子。 – Черные вороны не отмойтся до белого голубя.
180. 黑老鴉洗不成白鵝。 Черные вороны не моются до белого гуся.
181. 烏鴉抹上白灰, 也变不成白鴿; 狐狸跳进大海, 也洗不尽骚臭。 – Даже если ворона намазана белым налетом, она не сможет стать белым голубем; даже если лиса прыгнет в океан, она не сможет смыть вонючего запаха.
182. 一鴿胜九鸡。 – Один голубь лучше, чем десять куриц.
183. 养鴿不如放鴿好。 – Лучше выпускать голубя, чем выращивать.
184. 舍不得红小豆, 引不来白鴿子。 – Жалко, что мелкой красной фасолью не привлечёшь белого голубя к себе.

-
185. 舍不得金弹子，打不了凤凰来。 – Хочешь феникса поймать –
приготовь золотые пули.
186. 舍不得白米抓不住鸡。 – Хочешь курицу/ петуха поймать – приготовь
рис.
187. 扣个麻雀还得几颗谷子。 – Даже если поймаешь воробья, всё равно
нужно несколько зёрен.
188. 捉鹌鹑还要个谷穗儿。 – Даже если поймаешь перепела, все равно нужен
колос.
189. 白鸽子朝亮处飞。 – Белый голубь летит к свету.
190. 白鸽子往旺家飞。 – Белый голубь летит к процветающей семье.
191. 鸽子向旺处飞。 – Голубь летит к цветущему месту.

Приложение 3. Таблица № 5. Соотношение установок культуры в паремиях с компонентом-орнитонимом в русской и китайской лингвокультурах

УК	Русский язык	Китайский язык
1. Какие родители, такие и дети/дети похожи на своих родителей	+	+
2. У плохих родителей не бывает хороших детей	+	+
3. У плохих родителей могут быть хорошие дети	+	+
4. Не стоит тратить много сил по пустякам	+	+
5. Людям из разных социальных слоев или с разными мировоззрениями трудно дружить /человек стремится к себе подобным	+	+
6. Женщина не может выполнять мужские функции	+	+
7. Сильный человек, потерпевший бедствие, уязвимее, чем обычные/слабые люди	+	+
8. Лучше выбрать награду попроще, чем гнаться за несбыточным	+	+
9. В единении сила	+	+
10. Всему (каждому) – своё место	+	+
11. События развиваются по своим собственным законам и не зависят от внешних факторов	+	+
12. Не все (люди) одинаковы, у каждого есть свои особенности	+	+
13. Собственную натуру трудно изменить /суть и сущность трудно скрыть и изменить (посредством внешних изменений)	+	+
14. Внешность не равна сущности / Внешность обманчива	+	+
15. Все родители любят своих детей	+	—
16. Собственное благополучие дороже интересов других людей	+	—
17. Каждый любит то, что ему близко.	+	—
18. Жена имеет большее влияние на мужа, чем другие родственницы	+	—
19. Мира между свекровью и невесткой не может быть	+	—
20. С болтунами держи язык за зубами	+	—
21. Плохие (нерадивые) родители не заботятся о	+	—

своём потомстве.		
22. Излишняя словоохотливость вредит.	+	—
23. Никто не совершенен, идеальных людей не бывает	+	—
24. О результате можно говорить только после окончания дела	+	—
25. Чужое всегда кажется лучше	+	—
26. Своё – самое лучшее	+	—
27. Большой успех приходит не сразу, а с опытом	+	—
28. Мужчине никак нельзя обойтись без жены	+	—
29. Богатство и бедность часто сменяют друг друга	+	—
30. Лучше остаться на знакомом месте, чем на чужбине	+	—
31. Свобода важнее всего	+	—
32. Чужая жена кажется лучше	+	—
33. Дело всегда можно сделать позже	+	—
34. Жизнь мимолетна и непостоянна	+	—
35. Не надо позволять жажде наживы ослепить твой разум	+	—
36. Всякое дело требует определенных усилий	+	—
37. Опытного человека не обманешь	+	—
38. Не нужно учить человека тому, в чём он и так преуспевает, что он делает лучше всех	+	—
39. Молодые люди должны быть скромными и прислушиваться к мнению и советам пожилых	+	—
40. Всё большое складывается из малого	+	—
41. Жена красива своей кротостью	+	—
42. Жена мужем красна	+	—
43. Женщина красива детьми	+	—
44. В женщине (жене) главное не красота, а добрый нрав (характер)	+	—
45. Тёща зятя не любит	+	—
46. Человек стремится казаться лучше, чем он есть на самом деле.	+	—
47. Любящий человек часто не замечает недостатков того, кого любит	+	—

48. При выборе брачного партнера, нужно смотреть не только на внешние данные (походка), но и на его (её) поступки	+	—
49. Муж всегда жене защита, даже если он не очень хорош	+	—
50. Людей оценивают по их поведению и поступкам	+	—
51. О сущности человека (не) судят по внешнему виду	+	—
52. Соблюдай правила той среды, в которую ты попал	+	—
53. Дети даются Богом	+	—
54. Трудности делают человека сильнее	—	+
55. Разумный человек больше всего ценит свою репутацию	—	+
56. Внешний облик человека не прибавляет ему ценных качеств	—	+
57. Лучше сочетаться браком с равными по социальному статусу	—	+
58. Личное усердие важнее окружающей среды	—	+
59. Лучше быть самым выдающимся в среде низкого уровня, чем быть неизвестным в кругу высокого уровня	—	+
60. Лучше один талантливый челове, чем сто посредственностей	—	+
61. Окружающая среда важна для развития человека	—	+
62. Когда человек находится далеко от дома, он думает с любовью о родных	—	+
63. После человека остаются его дела.	—	+
64. Для достижения определенной цели следует заплатить определенную цену, приложить некоторые усилия	—	+
65. Человек ищет то место, где ему будет лучше.	—	+
66. Злые люди одинаково плохи повсюду	—	+
67. Обычным людям не знакомы амбиции героев	—	+
68. Человек, который дружит с вами только из-за власти и интересов, как только польза исчезнет, покинет вас	—	+
69. По-настоящему умный человек не раскрывает свои преимущества сразу	—	+
70. У человека должны быть высокие идеалы	—	+

71. Дело обычно выполняется неудовлетворительно, когда за него отвечают сразу много людей	—	+
72. С ростом основы возрастает всё, что на ней зиждется	—	+
73. Достижения без упорного труда невозможны	—	+
74. Мудрые люди способны воспользоваться случаем	—	+
75. Вступай в брак с тем, кого действительно любишь	—	+
76. Способности отдельного человека всегда меньше сил сплотившихся масс	—	+
77. Больше детей – больше счастья	—	+
78. Лидер – важная часть команды	—	+
79. Лидер опирается на массы	—	+
80. Муж и жена должны быть верны друг другу, даже если одного из них уже нет на свете	—	+
81. Тёща любит зятя	—	+
82. Чем больше людей, тем больше сил	—	+
83. Человек должен питать любовь и почтительность к своим родителям	—	+
84. Человек должен хорошо обдумывать предстоящие действия	—	+
85. При конфликте двух сторон выгода обычно достаётся третьему	—	+
86. В одиночестве человек страдает	—	+
87. С кем поведешься, от того и наберешься	—	+

Приложение 4. Таблица № 6. Стереотипные представления о птицах в русском и китайском языковом сознании

Орнитоним	Стереотипные представления	
сова	рус.	некрасивая птица; любит хвастаться; предвестник смерти
	рус. и кит.	зловещая нечистая птица
	кит.	
сокол/орёл	рус.	сокол: птица, наделяемая мужской символикой; сокол – ласковое обращение к юноше, мужчине; символизирует напористый порыв, свойственный молодости и часто граничащий с безрассудством; вольная, гордая, добрая, красивая, ясная птица орёл: благородная птица, которая почитают как «божью птицу, царя птиц и владыку небес»
	рус. и кит.	сильная птица, отличающаяся смелостью
	кит.	умная птица
кукушка	рус.	плохая мать; птица с ярко выраженной женской символикой, появление которой связывают с нарушениями семейно-родственных или брачных отношений (утрата брата, мужа, жениха)
	рус. и кит.	не вьёт собственные гнезда
	кит.	мотивирует людей заниматься земледелием; крик символизирует печаль и тоску по родине; обиженная и сетующая птица
сорока	рус.	нечистая птица, которая имеет зловещий характер; воровка; болтливая; сорока-белобока
	рус. и кит.	сороки держатся стаями
	кит.	счастливая птица; символизирует любовь; помогает влюбленным
павлин/пава	рус.	
	рус. и кит.	птица красивая, но горделивая и самолюбивая; необыкновенные перья и хвост
	кит.	птица благородного характера; символ счастья и власти
утка	рус.	птица: жадная, нечистая, болтливая; символ девушки-невесты
	рус. и кит.	домашняя птица; символ глупого человека
	кит.	мужчины, занимающегося проституцией; неуклюжая; специальный клюв; используется в пищу
соловей	рус.	красивый и мелодичный голос; птица: святая, подневольная
кулик	рус.	имеет плохие характеристики; символ весны
индюк	рус.	большая домашняя птица; о глупом, бестолковом человеке
галка	рус.	образ галки схож с образом вороны; негативная аксиологическая характеристика
гагара	рус.	образ гагары негативен
райская птица	рус.	прекрасная, волшебная птица
феникс	кит.	король птиц; красивая птица, обладает высокими нравственными качествами
луань	кит.	образ Луань схож с образом феникса

пэн	кит.	сильная птица, которая символизирует силы и высокие амбиции; символ блестящего будущего
чжэнь	кит.	ядовитая птица
дикий гусь	кит.	тоска по родине; мудрые, дружные, верные и сплочённые птицы
мандаринка	кит.	символ любви; символ верности
курица/ петух	рус.	курица: не птица
	рус. и кит.	курица: глупая, болтливая птица; мать; женщина петух: драчлив; утро; мужчина
	кит.	петух: птица, обладает высокими нравственными качествами; упорный и даже упрямый человек
ворон/ворона	рус.	некрасивая птица; любит хвастаться; ротозей, простофиля
	рус. и кит.	черная, нечистая, недобрая птица; предвестник смерти
	кит.	символ почтительности и послушания
воробей	рус.	нечистая, проклятая птица
	рус. и кит.	маленькая птичка; враг крестьян; нелегко поймать
	кит.	шумная птица
журавль	рус.	божья птица
	рус. и кит.	птица святая
	кит.	птица, которую кормят небожители; трусливая птица
голубь	рус.	птица чистая, святая; божья птица; воплощение добра и кротости; птица противопоставлена нечистым животным и хищным, злым птицам; белый голубь – красивая и нежная птица, а сизый (серый) – птица глупая, но безобидная; ласковое обращение
	рус. и кит.	прилетит и улетит; символ мира и любви; белый голубь противопоставлен черным птицам; птица, которая легко соблазняется едой; почтовая птица; использовалась в пищу
	кит.	птица надёжная, но слабая; сноб
лебедь	рус.	птица чистая, святая, верная; многодетная мать
	рус. и кит.	символ красоты и грации
	кит.	человек с высокими стремлениями
попугай	рус.	глупая птица.
	рус. и кит.	умеет подражать человеческим голосам; повторяет чужие слова, не имеет собственного мнения; болтливый
	кит.	птица красивая, умная и сообразительная, но подневольная; отличается высокой нравственностью

Приложение 5. Образцы словарных статей учебного лингвокультурологического словаря

1) ОТ СОВЫ СОКОЛ НЕ РОДИТСЯ

✓ Дети похожи на своих родителей.

■: В русской культуре сова – зловещая нечистая птица, она наделяется демоническими свойствами, в ней видят воплощение черта. Своим появлением и криком возле дома сова предвещает смерть, а сокол символизирует смелость и отвагу.

УК. *Какие родители, такие и дети.*

☛ Говорится о предначертанности с рождения определённого жизненного пути.

СМ. *От худой курицы – худые яйца; Сова не родит сокола, а такого же чёрта, как сама; Орёл орла плодит, а сова сову родит; В стае ворон пава не рождается.*

Ср. кит. *鸭子的娃子会浮水, 鸡儿的娃子会吃米。 – Утёнок умеет плавать, цыплёнок умеет есть рис; 鸭子的儿子会浮水, 木匠的儿子会砍柱。 – Сын утки умеет плавать, сын плотника умеет рубить столбы; 龙生龙子, 凤生凤儿。 – Дракон рождает дракона, феникс рождает феникса.*

2) ВСЯК (ВСЯКИЙ) КУЛИК СВОЁ БОЛОТО ХВАЛИТ (*Каждый кулик своё болото хвалит*)

✓ Каждый хвалит то, что ему близко, дорого [Жуков 1991: 78].

■: В славянских представлениях кулик – это птица, наделяемая демонологическими свойствами. Но с другой стороны, кулик является символом весны.

УК. *Каждый любит то, что ему близко.*

☛ Говорится, когда кто-нибудь расхваливает что-то близкое для него.

📖 *«Всяк кулик своё болото хвалит.* Просто у вас, дяденька, одно болото, а у нас другое» (Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть, 2007); «Впрочем, кулик всегда хвалит свое болото, а как его хвалить, не ругая соседние?» (Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике, 1976-1999).

СМ. *Всякая курица на своём пепелище хозяин; Каждая курица свой насест хвалит; Всяк (Всякий) петух на своём пепелище хозяин; И петух на своём пепелище силён; И петух на своём пепелище храбрится; Петух на своём пепелище царёк.*

3) ПОДСТРЕЛЕННОГО СОКОЛА И ВОРОНА НОСОМ ДОЛБИТ

(Пешего сокола ворона бьёт; Подстреленного сокола и ворона клюёт; Над пуганым соколом и вороны грают)

▲ *Долбить* – ударяя клювом, птица делает углубление в чем-либо.

✓ **Сильный человек в непривычной для себя среде, в тяжелом положении становится слабым и уязвимым, даже слабее обычных или слабых людей.**

■: В русской культуре *сокол* и *ворон/ворона, сова* часто появляются в виде сравниваемых пар, носителей контрастных характеристик. *Сокол* является носителем положительных стереотипных и символических значений, в то время как *сова/ворона* являются стереотипами отрицательных характеристик.

УК. *Сильный человек, потерпевший бедствие, уязвимее, чем обычные/слабые люди.*

☛ Говорится, когда (сильный, влиятельный) человек потерял свой социальный статус или попал в тяжёлое положение.

📖 «Он, послушав правдолюбивых и сердобольных советников своих, приказал немедленно отобрать от Ивана Молодого Сержанта, Удалой Головы, без роду, без племени, спроста без прозвища, все документы царские, чины, ордена, златочеканные медали, и пошло ему опять жалованье солдатское, простое, житье плохое, и стали со дня на день налегать на него более вельможи, бояре царские, стали клеветать, обносить, оговаривать. Подстреленного сокола и ворона носом долбит; свались только с ног, а за тычками дело не станет! Бился, бился наш Иван — какого добра еще дожидаться? Надувшись на пиво, его не выпьешь; глядя на лес, не вырастешь, а смотря на людей, богат не будешь» (В.И. Даль. Сказка о Иване Молодом Сержанте, Удалой Голове, без роду, без племени, спроста без прозвища, 1832).

Ср. кит. 秃爪子老鹰, 抓不住芦花大母鸡。 – Сокол/орёл с плешивыми когтями не может поймать курицу; 凤凰落地不如鸡。 – Когда феникс садится на землю, он хуже курицы/петуха.

4) НОЧНАЯ КУКУШКА ДЕННУЮ (ДНЕВНУЮ) ПЕРЕКУКУЕТ (ПЕРЕКОКУЕТ)

✓ 1). О жене и матери: Сын жену слушается, а мать нет. 2). О любовнице и жене. Ночная кукушка – жена [БСРП: 458].

■: По представлению русских кукушке – птица с ярко выраженной женской символикой, появление которой связывают с нарушениями семейно-родственных или брачных отношений (утрата брата, мужа, жениха).

УК. 1) Жена имеет большее влияние на мужа, чем другие родственницы; 2) Мира между свекровью и невесткой не может быть.

☛ Говорится о супружеских отношениях и об отношениях между женой и свекровью.